

КОСТЁР

10 ОКТЯБРЬ 1977

СТРАНИЦЫ
ПОБЕД
ОКТАБРЯ

КОМСОМОЛ ТАМ, ГДЕ ТРУДНО

«Страницы побед Октября» — так называли мы эту рубрику. Она знакомила тебя с первыми советскими декретами, с участниками великих событий — бойцами революции, строителями социалистического Отечества.

Комсомол — Коммунистический Союз Молодежи — это тоже одна из побед Октября.

Партия коммунистов поручала молодым ответственные, трудные и важные для страны дела. И всегда комсомол справлялся с поручением партии.

Комсомол родился в трудное время, когда голод и разруха душили молодую Республику Советов. С этого момента началась у комсомола славная трудовая биография. Он был гидростроителем и геологом, каменщиком, плотником, мелиоратором, землепашцем и полярником... Он построил Комсомольск-на-Амуре и Магнитку, он поднял целинные земли Казахстана, он орошал пустыни Средней Азии и осушал белорусские топи.

У него упорный характер и крепкие рабочие руки.

Взгляни на карту Родины. Всюду стройки, и всюду — комсомол.

Сквозь Сибирь, сквозь тайгу тянется лента БАМа. Магистральный канал прорезает таджикскую сушь. В Заполярье, в вечно мерзлой земле Таймыра день и ночь добывает металл комсомольский рудник...

Не перечислить всех комсомольскихстроек.

Сегодня там твои старшие братья и сестры.

Завтра там будешь ты, пионер, верная смена комсомола.

КОСТЁР

10
ОКТАБРЬ
1977

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР
Издаётся с 1936 года

© „Костер“, 1977 г.

Рисунок В. Цикоты

„Большое значение имеет сооружение Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Строительство этой железной дороги, которая прорежет сибирский массив с его неисчерпаемыми природными богатствами, открывает путь к созданию крупного промышленного района.

Разве это не вдохновляющая перспектива для многих тысяч наших молодых людей?“

Л. И. БРЕЖНЕВ

* * *

Не мчимся мы на лошади,
Не рубим мы сплеча.
Не знает мой ровесник,
Как пуля горяча.

Но бредим мы Гренадою,
Как бредили отцы.
Пред нами мир громадою —
И мы его творцы.

У нас своя Каховка,
У нас свой Перекоп.
Хоть нет в руках винтовки, —
Буденовка на лоб.

Поднимем алый парус
Межзвездных бригантин.
Мы не выносим пауз —
Мы жить спешим, спешим...

Евгений НОСАЧЕВ,
Новосибирск,
школа № 3

ТРОПИНКА

Тропинка!
Ты похожа на мальчишку —
Вот впереди меня
Бежишь вприпрыжку,
И косогор
Обвила ты на склоне,
Зовя в дорогу
И меня, и солнце!
Переплела ты
Горные отроги...
Эпоха любит
Новые дороги,
И если я
Не ломкий,
Как тростинка,
Широкий путь
Укажет мне
Тропинка!

Ф. ВАСИЛЬЕВ,
лауреат
премии комсомола
Удмуртии

МОЕМУ СВЕРСТНИКУ...

Ровесник мой!
Мы на переднем крае.
Нам вся земля
Сейчас глядит в глаза.
Мы в этот час
забыть имеем право,
что родились
семнадцать лет назад.

Семнадцать лет!
Так много или мало?
Я на себя со стороны смотрю.
Тогда я в первый раз сказала: «Мама!»
Сегодня — с целым миром говорю.

Семнадцать лет...
Но пусть нас судят строго.
Сегодня жить
Настала нам пора.
Сегодня нужно
сделать очень много,
чтоб завтра было лучше, чем вчера...

Ольга ЕРМОЛАЕВА,
Москва, школа № 710

ПОСЛЕ СМЕНЫ

...Закончив цепь ночных событий,
идем со смены. Ранний час.
Веселый гомон общежитий
уже не мыслится без нас.

Сбив о порог куски бетона,
войдем в объятия дверей
и будем писем ждать из дома,
от наших нежных матерей.

Александр АСТАФЬЕВ,
плотник-бетонщик,
г. Шимановский, БАМ

ПРОФЕССИЯ

Строитель — ваятель.
Есть зримая связь:
работа и творчество неразделимы.
Монтажных сплетений ажурная вязь —
скульптуры каркас, не обмазанный глиной.

Простая мозаика кирпича,
работа атлантова, незаменимая.
На наших ладонях,
на наших плечах —
творчество наше,
весомое, зримое...

Мой дом оживет, голосами звеня,
и, как новосел, сам я счастлив и весел.
Я с гордостью думаю, что у меня —
одна из гуманнейших в мире профессий.

Юрий КОЖЕВНИКОВ,
каменщик и плотник,
пос. Улькан, БАМ

СОВЕТ СЕБЕ

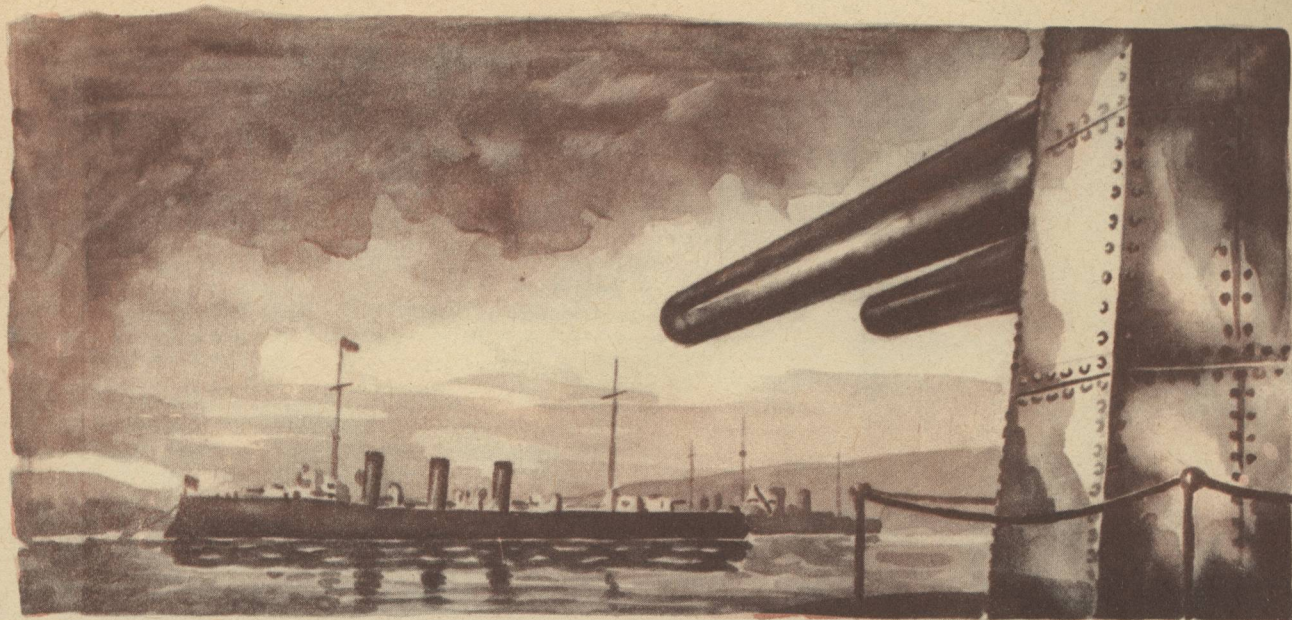
Работай так, чтоб пар летел
в любую стужу из-под шапки,
и не завидуй в жизни тем,
кто очень сильно любит тряпки.
Душой будь простым всегда,
люби людей, люби природу
и поразмысли, что ты дал
стране и своему народу.

Борис КОПТЯЕВ,
плотник,
пос. Звездный, БАМ

* * *

Товарищ! Молодость — для боя:
смотри, как над седой тайгой
жизнь закипает, словно сталь!
Поторопись, пока не поздно:
к нам приезжай в поселок Звездный
по бездорожью в край таежный —
свою построишь магистраль!

Владимир БОНДАРЕНКО,
лесоруб,
пос. Звездный, БАМ

СРОК УЛЬТИМАТУМА ДВА ЧАСА

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Геннадий ЧЕРКАШИН

Рисунки Р. Яхнина

ПУТЬ человечества к свободе, равенству, братству окрашен кровью революций. Поэтому память о революциях вечна, и люди, творившие революции, бессмертны.

Восстанию черноморских моряков 1905 года — сла-

ной странице в истории русского освободительного движения посвящена книга Геннадия Черкашина «Клянусь Землей и Солнцем». Мы печатаем главы из этой книги, которая выйдет в издательстве «Детская литература» в 1978 году.

Севастополь, 18 октября

Стекались к Приморскому бульвару шумные толпы людей. Навстречу звукам «Марсельезы», навстречу свежему морскому бризу, который вытягивал над головами алые знамена — символ свободы. А на возвышении оркестровой раковины один оратор сменял другого, и никто не перебивал их, никто не разгонял этот стихийно возникший митинг, и все думали — вот она, свобода...

Портовики, железнодорожники, почтовики, официанты, каменщики, жестянщики, портняжники и шапочники — весь этот люд, который уже несколько дней, а кто и вторую неделю жил забастовкой, кто уже испытал все тяготы такой жизни, но кто все еще не собирался сдаваться, — теперь вдруг с гордостью почувствовали, что слова из царского манифеста — «смуты и волнения» — эти слова про них, и, ощущая свою причастность к изданию манифеста, люди поздравляли друг друга с победой.

Командир минного транспорта «Буг» капитан второго ранга Славочинский презрительно фыркнул, глядя на все это. Заметив стоящего вблизи лейтенанта Шмидта, он подошел к нему, и, выражая всем своим лицом и тоном возмущение, спросил:

— Отчего играют французский гимн, а не русский?

Шмидт, похоже, был изумлен.

— Вы считаете, что следует играть «Боже, царя храни?»... Но ведь это же молитва, тогда как «Марсельеза» — это победная песнь над тиранией!

— А вы сами — француз или русский? — с нехорошей усмешкой спросил Славочинский.

— Сегодня Россия сбросила иго тирании, а поэтому мы, русские люди, — делая упор на два последних слова, проговорил Шмидт, — имеем право играть «Марсельезу».

Славочинский с откровенным негодованием взглянул на него.

— А я имею право с отныне с вами разнакомиться.

— Да, да, это так и должно быть, — согласился Шмидт.

Когда пришла очередь выступать Шмидту, уже сильно стемнело и на бульваре зажглись электрические фонари. Он и сам не предполагал в себе столько ораторского таланта — вся многотысячная людская масса слушала его, затаив дыхание.

Первым делом он сказал, кто и как завоевал свободу. Затем разъяснил, кто и как может этим воспользоваться, если рабочие не доведут свои требования до конца, если они остановятся на полдороге, не добившись созыва Учредительного собрания, которое следует избрать на основе всеобщего, тайного и равного избирательного права.

Он чувствовал, как в эту минуту волнуется вся многотысячная масса людей, как верит она ему, как думает так же и хочет того же.

— Всколыхнулся мир! Торжественно и непобедимо шествие трудящихся классов к социалистическому строю! И не страшны должны быть миру наши красные знамена, потому что знамена, которые вы сейчас держите в своих руках, — это знамена великой любви и братства, труда и свободы!

Ему показалось, что под ногами разверзлась земля. Он никогда еще не слышал, чтобы так кричали «ура». Он ждал, волнуясь, потом поднял руку, требуя внимания.

— Это не царь, это вы, русские рабочие, дали гражданские права и свободы России! — сказал он. — Теперь вы вправе дать свободу тем, кто потерял ее, борясь за наше общее дело. Свободу политическим заключенным!

— Свободу! — торжественно, словно заклинание, повторила за ним толпа. — Да здравствует свобода!

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА

«Командиру Отдельного корпуса жандармов

19 октября 1905 года,

5 часов 25 минут

Севастополь. 18 октября около 5 часов вечера, после появления телеграммы с высочайшим манифестом, при участии портовых рабочих, ремесленников, публики состоялась демонстрация; демонстранты с Екатерининской улицы направились на Приморский бульвар, заставили морской оркестр играть «Марсельезу», говорили патриотического и политического содержания речи; взяв оркестр, направились к Нахимовскому проспекту с красными флагами, крича: «Да здравствует свобода!», «Ура!». Музыка играла «Марсельезу» и марши. Толпа демонстрантов на Нахимовском с публикой достигла восьми или десяти тысяч; здесь под влиянием речей демонстрация перешла в политическую. Разорвав портрет государя, решили идти к тюрьме освободить политических заключенных: посланная к тюрьме рота не воспрепятствовала подойти демонстрантам к воротам тюрьмы. Тут опять говорили политические речи, требуя неистовыми криками освобождения арестованных... Стоявшая около ворот полурота сделала три беспорядочных залпа. Толпа разбежалась. В половине одиннадцатого, с вызовом по тревоге Брестского полка, все успокоилось. Из первоначальных сведений известно: убито трое, раненых, доставленных в городскую больницу, — четырнадцать.

Полковник БЕЛЬСКИЙ».

ТЕЛЕГРАММА

«Председателю Совета министров С. Ю. Витте
20 октября 1905 г.

Севастопольская городская дума в чрезвычайном заседании совместно с депутатами, выбранными от народа, заслушав доклад городского головы о совершенных в ночь с 18 на 19 октября убийствах, постановила выразить свой протест правительству, администрацией которого были убиты граждане Севастополя, мирно праздновавшие осуществление свободы и совершавшие мирную демонстрацию у здания тюрьмы в честь заключенных за политические убеждения, и требовать немедленного удаления виновных до предания их суду, немедленно снять военное положение с устранением войск с улиц города и казаков из пределов градоначальства с заменой их временной народной охраной, освобождения всех политических заключенных и общей амнистии, не исключая матросов Черноморского флота, уничтожить смертную казнь как позорящую отечество. Только выполнением этих насущных требований возможно успокоение населения и возвращение к нормальному течению жизни...»

РЕЗОЛЮЦИЯ:

«Удивлен вмешательством Севастопольской городской думы не в свое дело. Приведение восставших к покорности возложено на военную власть. О принятии каких-то требований, предъявляемых мятежниками, речи быть не может. Однако это уже возмущает душу не только военного, но и всякого русского человека. С ними будет поступлено как с клятвопреступниками и изменниками.
НИКОЛАЙ»

Шмидт Петр Петрович

Он стоял над свежевырытой братской могилой, и ветер трепал его густые, зачесанные назад волосы, и голос его был непривычно тверд, и он говорил:

— Когда радость переполнила души усопших, то первым их движением было идти скорее к тем, кто томится в тюрьме, кто боролся за свободу и теперь, в минуту общего великого ликования, лишен этого высшего блага... Они хотели передать другим высшее благо жизни —

свободу и за это лишились самой жизни. Страшное, невиданное преступление, непоправимое горе...

Он опустил голову и замолчал.

Затем громко произнес:

— Клянемся им в том, что мы никогда не уступим ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав!

— Клянемся... — глухо повторила за ним толпа.

— Клянемся им в том, что всю работу, всю душу, самую жизнь положим мы за сохранение нашей свободы!

— Клянемся...

— Клянемся им в том, что свою общественную работу мы всю отдадим на благо рабочего, неимущего люда!

— Клянемся...

— Клянемся им в том, — зазвенел окрепший голос, — что между нами не будет ни еврея, ни армянина, ни поляка, ни татарина, а все мы отныне будем равные, свободные братья великой свободной России!

— Клянемся...

— Клянемся им в том, что доведем их дело до конца и добьемся всеобщего избирательного, равно для всех права!

— Клянемся...

— Клянемся им в том, что если нам не будет дано всеобщее избирательное право, мы снова провозгласим всеобщую всероссийскую забастовку, — в последний раз крикнул Шмидт и поднял вверх обе руки.

— Клянемся... — в последний раз ахнула толпа, и все стихло.

Арест

Какое странное ощущение, когда тебя ведут под конвоем, словно преступника!

Ты идешь, заложив руки за спину, а с четырех сторон тебя сопровождают солдаты с

ружьями и офицер, который испытывает неловкость оттого, что вынужден вести под конвоем другого офицера.

Ты идешь, а на углу невообразимо смуглый турок-лоточник, смешно вращая белками выпученных глаз, натужно кричит: «Баклава... Шербет... Хал-ва... Тан-нучка... белый, сладкий... Арахис...» Но, увидев тебя, он замирает с открытым ртом.

Ты идешь, а над тобой сильные верхние ветры гонят к горной яйле, что синее вдали, желто-розовые вечерние облака. Они плывут, подчиняясь своим ветрам, а у тебя свой ветер. Ты даже не знаешь, куда тебя ведут...

«...Не странно ли, что я, всю свою жизнь не скрывавший ни от кого своих политических убеждений и старавшийся всеми силами распространять их как мог и умел, оставался целым долгие годы, когда личность русского человека была прикосновенна для кого угодно, а теперь, когда объявлена «действительная неприкосновенность личности», я арестован, схвачен, заманен обманом в штаб флота, без допроса, без следствия, без объявления мне, что меня арестуют, заманен невинной бумагой, по которой меня приглашают немедленно явиться, затем уловлен под конвоем, как вор или мошенник, отправлен для содержания под стражей на броненосец «Три святителя», где и обитаю теперь...»

Шмидт писал, несмотря на тусклую лампочку, на головную боль, на резь в глазах.

Сомнений не было — его, как говорится, изъяли из обращения, поместили в канатный ящик. И это после того, как официально была объявлена амнистия. Он написал докладную записку на имя военного губернатора и командующего флотом вице-адмирала Чухнина. Чухнин наложил резолюцию:

«Мне нет дела до общественной деятельности лейтенанта Шмидта, им совершено воинское преступление, за которое он должен нести ответственность».

Это «воинское преступление» заключалось в том, что он на митинге и на кладбище, где хоронили погибших от солдатских пуль демонстрантов, произносил противоправительственные речи.

Итак, впереди суд! Что ж, суд тоже можно превратить в трибуну, как уже не раз бывало на Руси. Только нужно добиться гласного суда, и тогда можно будет нанести еще один удар по кровавому режиму.

Его мысли теперь были невольно направлены к предстоящей защите. Готовясь к ней, он перебрал всю свою жизнь. Чтобы не забыть то, что ему предстояло сказать, он делал записки в тетради. Он перестал ощущать смену дня и ночи. Свет в канатном ящике горел круглосуточно. Как когда-то на севере, он жаждал темноты, но ему не позволяли выключить лампочку.

Прижав к воспаленным глазам пальцы рук,

он ждал, когда рези ослабнут. И как только боль утихала, снова брался за перо.

«...Знаете, кто я теперь такой? Я — пожизненный депутат севастопольских рабочих.

Понимаете ли, сколько счастливой гордости у меня от этого названия?»

«Пожизненный», этим они хотели, значит, меня выделить из своих депутатов, подчеркнуть мне свое доверие на всю мою жизнь. Показалось мне, что они знают, что я всю свою жизнь положу за интересы рабочих и никогда не изменю до гроба.

Вот какую великую честь они сделали мне.

Я должен это ценить вдвойне, потому что что может быть более чуждым, как офицер для рабочих. А они сумели чуткими душами снять ненавистную оболочку офицера и признать во мне их товарища, друга, носителя их нужд на всю жизнь. Не знаю, есть ли еще кто-нибудь с таким званием, но мне кажется, что выше этого звания нет на свете.

Меня преступное правительство может лишить всего, всех их глупых ярлыков: дворянства, чинов, прав состояния, но не во власти правительства лишить меня сего единственного звания отныне: пожизненного депутата рабочих.

О, я сумею умереть за них! Сумею душу свою положить за них. И ни один из них, никогда, ни они, ни их дети не пожалеют, что дали мне это звание...»

Железный трап привычно гудел под ногами. Шмидт поднимался за мичманом, караульный матрос шел сзади. Наконец-то, по настоянию врачей, его после десяти дней отсидки в канатном ящике согласились перевести в светлое помещение. На палубе Шмидт зажмурился от яркого солнечного света, от сверкающей синевы.

— Подождите, пожалуйста, — обратился он к мичману, чувствуя сильное головокружение.

— Да, да... конечно... отчего же...

Шмидт прислонился к фальшборту. Сделал глубокий вдох. Море пахло полынью...

ДОНЕСЕНИЕ

«Департамент полиции

11 ноября 1905 г.

Допошу, что несколько дней тому назад назначенный по указанию морского министра командиром крейсера «Очаков» капитан второго ранга Глизян, собрав свою команду, сказал ей речь, что будет поддерживать дисциплину и прекратит то, что производилось раньше, причем употребил неудачные выражения приблизительно в следующих словах: «Если будете бунтовать, с вами будет поступлено, как с командой «Прута» или с кронштадтскими, из коих некоторых расстреляли, и последних тоже расстреляют». Команда осталась очень недовольна. 7 сего ноября Глизян вызвал для какой-то цели всех кочегаров наверх. Вместе с кочегарами вышли и машинисты, которые, невзирая на трехкратное требование и приказание командира, не пожелали сойти в трюм на свои места: только вмешательство старшего офицера успокоило команду, которая заявила старшему офицеру: «Мы вас слушаем, но командира долдой!»

Громкий крик «Командира долой!», подхваченный всей командой, был слышен на рейде всей эскадре.

Ныне об этом нарушении дисциплины производится следствие военно-морским следователем.

Об изложенном довожу до сведения департамента полиции.

Полковник БЕЛЬСКИЙ».

ТЕЛЕГРАММА

«Морскому министру Бирилеву 11 ноября 1905 г.

Настроение в командах ненадежное, появились признаки его на «Очакове», «Пантелеймоне» и в дивизии при направлении из Севастополя центральной революционной пропаганды: ожидаем бунта. Нужны крайние меры. Начались сходки тысячи по две матросов и солдат — агитация идет за освобождение от суда матросов «Потемкина». Арестовать тысячи нельзя, на действие оружием против них рассчитывать тоже нельзя, чувствую, что с арестами и при действии оружием восстанет весь флот. Необходимо не медля ни одного дня усилить войска, так как на здешние положиться нельзя.

Главный командир Черноморского флота вице-адмирал ЧУХНИН».

На „Очакове“

Утром одиннадцатого ноября светлый трехтрубный крейсер отвалил от заводской стенки и взял курс в открытое море. Еще не одетый в броню, еще дотраиваемый, способный пока что выжать только 8 узлов из 22 запроектированных, еще полностью не укомплектованной командой, крейсер «Очаков» шел в море, чтобы опробовать башенные орудия.

День был солнечным, зыбь на море не превышала двух баллов. Стрельбы проходили превосходно, но стоящий на мостике мичман Казаринов заметил, что команда сильно возмущена: то один, то другой матрос бросал недовольный взгляд в сторону командира крейсера Глизиана, люди собирались в кучки и перешептывались, словно ожидая какого-то сигнала. Казаринов решил доложить об этом старшему офицеру крейсера капитану второго ранга Скаловскому, который пользовался большим авторитетом у команды.

— Я тоже это заметил, — проговорил Скаловский, взглянув на командира.

В маленьком толстозадом Глизиане, в его смуглом большом лице, чуть ли не половину которого покрывали черные бакенбарды, было что-то обезьянье, но не безобидное, а злое, жестокое. С первых дней он за пустяки ставил матросов под ружье, и бедняги часами стояли не шелохнувшись на ветру с тяжелым мешком песка на шее. Когда Скаловский попытался его образумить, произошла стычка, после которой Скаловский подал рапорт об уходе, о чем стало известно команде. Восьмого ноября машинная и кочегарная команды впервые оказали командиру неповиновение, отказавшись разойтись, а в ответ на угрозу из толпы послышались возгласы: «Нам уже хуже не будет... Сами знаете, почему старший офицер от нас уходит...» Затем кто-то крикнул: «Долой командира!», и крик этот, подхваченный сотней глоток, разнесся над всем рейдом.

На следующее утро вся команда крейсера ответила гробовым молчанием на приветствие командира, а затем, самовольно собравшись на шканцах, стала выкрикивать: «Долой командира!» Прибывший через час военно-морской прокурор Крамаревский выслушал от матросов ряд претензий на грубое обращение со стороны многих офицеров, в особенности командира, и на плохое питание.

— Хорошо, хорошо, — проговорил Крамаревский, — с этим я разберусь, а вот почему вы нарушаете устав, проводите сборища на корабле?

— Ваше благородие, — обратился к прокурору машинист Гладков, — сами знаете, какая сейчас жизнь пошла. Матросы тоже люди, тоже интересуются царскими указами, но нам никто ничего не рассказывает. Если бы господа офицеры нам все правильно разъяснили насчет свобод, разве ж мы бы митинговали?

Скаловский уже давно заметил, что этот матрос пользуется у команды особым авторитетом. Его давно следовало списать с корабля, но он был толковым механиком, с такими матросами по доброй воле не расставались, без таких корабль не корабль, а металлическая коробка, начиненная механизмами. И Гладков, конечно, хитрил, прикидываясь перед прокурором простачком, сам-то уж он, наверное, хорошо во всем разбирался и, наверное, знал о том, что Чухнин запретил всякие разговоры о манифесте, все еще не зачитанном на кораблях. И поэтому Крамаревский смутился, промямлив в ответ на выпад машиниста, что он с этим разберется.

— Есть только один способ успокоить команду — это проявить внимание и человечность. Сегодня вечером мы должны отвлечь людей, — беря мичмана Казаринова за рукав, тихо проговорил Скаловский. — У меня для этой цели есть дневник японского офицера «Акацуки». Дневник так и дышит азиатской ненавистью к русским. Авось пробудим в них патриотизм, что вы скажете?

— Попытка не пытка, — сказал Казаринов.

В 3 часа крейсер вернулся в гавань и стал на якорь между Константиновским и Михайловским равелинами...

ДОНЕСЕНИЕ

«Начальнику главного управления почт и телеграфа Севастьянову

Милостивый государь Михаил Петрович!

Главный командир Черноморского флота получил сведения, что между укрывавшимися в Румынии матросами, принимавшими участие в бунте на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» и матросами, находящимися на службе в Севастополе, ведется переписка, в которой содержатся указания на готовящееся будто бы в Черноморском флоте возмущение.

Вследствие сего вице-адмирал Чухнин возбудил вопрос о принятии самых тщательных мер надзора за таковой перепиской.

Сообщая о сем на ближайшее усмотрение Вашего превосходительства вместе с сим имею честь покорней-

ше просить, в видах государственной важности своевременного раскрытия военного заговора, не признаете ли вы возможным сделать распоряжение о представлении исп. об. начальника губернского ж.у. в Севастопольском градоначальстве и Евпаторийском уезде подполковнику Бельскому права просмотра корреспонденции нижних чинов, как с означением «до востребования», так и по тем адресам, кои подполковник Бельский, по сношении с вице-адмиралом Чухниным, признает подозрительными.

Заведующий политической частью департамента полиции П. РАЧКОВСКИЙ»

Из матросских писем

«...Любезная Глафира Ивановна, я, как вы велели, поинтересовался у старшего офицера, когда уволят со службы запасных, призванных на время войны, на что мне было внушено, что это не мое собачье дело. Меж матросами ходят об этом разные разговоры, и кто говорит, что до Рождества нас всяко отпустят, а кто и в этом сомневается. Душа моя изнылась от ваших писем — поблагодарите от меня дьячка, что он взялся написать вам — и кусок встает поперек горла, когда я думаю, какую терпите вместе с детками нашими нужду. Сходите,

Глафира Ивановна, до моего старшего брата Степана, поклонитесь ему от меня и позычайте у него два мешка какого даст зерна и еще что даст, скажите, что Федор по возвращению со службы вернет.

Ночью приснился мне наш померший в прошлую зиму Санька. И шел он голенький, аж синий от холода, по раскисшей дороге, а ноги все в глине вязнут, вязнут. Увидел он меня и руки ко мне тянет, чтоб я, значит, вытяг его из грязи и к себе взял. Я к нему тянуса, прямо рвусь, а шагу сделать не могу. И он ко мне не может — затягивает его в жижу, будто в трясиноу. Рванул я к нему со всех сил, да только голову о трубу расшиб позаправдашнему, потому что койка моя подвесная, под трубой висит. Одно мне понятно, когда на войне люди гибнут, а когда дитя малое умирает от голодного бессилия; в то время как отца держат вдали от войны, мне это непонятно. На кой ляд держать запасных много семейных под ружьем, когда и пахать надо, и сеять, а кому пахать, ежели по всей России запасных забрили в солдаты да матросы.

У нас на броненосце стряслось одно дело,

из-за чего я мог пострадать и быть наказанным. Чтобы вы, Глафира Ивановна, смогли охватить это происшествие, разрешите вам напомнить, что на кораблях ежедневно в 8 часов утра при торжественной обстановке поднимают кормовой андреевский флаг. К этому времени все палубные уборки должны быть закончены. Вахтенный начальник осматривает караул и музыкантов, следя, чтобы все к поднятию флага были одеты чисто. В тот раз на вахте стоял недавно произведенный из гардемарин мичман Рюмин, который по своей изнеженной внешности напоминает сына нашего отца Василия — того, что приезжает к нему из Петербурга — вы еще говорили мне, что ваше воображение такими рисует ангелов, которым место в раю.

Во время осмотра он придрался к одному караульному матросу, который у нас служит после того, как он прослужил на крейсере «Варяг», дрался в геройском бою, за который получил георгиевский крест. Мичман велел ему поменять рубаху, потому что она грязная, но рубаха, или, как называют промеж нас, голландка, была чистая, только невыкатанная (я уже писал вам, что на кораблях утюгов не положено команде иметь и форменные рубахи полагаются катать скалками, как тесто). Матрос возразил, что рубаха чистая, только вчера стиранная, а раскатать он ее еще не успел. «Пойди перемени!» — закричал мичман и обложил матроса площадной бранью, которой от меня вы, Глафира Ивановна, никогда не слышали и, дай бог, не услышите. Вот и матрос тоже сказал мичману, что ругать так георгиевского кавалера никто не смеет. Тогда мичман выхватил свой острый офицерский кортик и ударил им матроса, но тот успел подставить руку, которую кортик пробил насквозь, и кровь брызнула во все стороны. И тогда я потерял над собой контроль и закричал остальным караульным, чтобы они взяли его на штыки, но он сразу утек к нашему флагману Писаревскому, чтобы у него найти защиты. Матроса увели в лазарет, а со мной случилась истерика, и я плакал. Писаревский вышел к нам и сказал, что он во всем уже разобрался и что мичман Рюмин болен белой горячкой. Мы больше этого мичмана не видели, а потом узнали, что его перевели на канонерскую лодку «Терек»...

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА

«Его Императорскому Величеству Николаю Второму
11 ноября 1905 г.
9 часов пополудни»

Адмирал Писаревский ранен в спину во время сходки перед казармами матросов, и тяжело ранен один сухопутный офицер. В дивизии начался беспорядок и без крови продолжается. Боевые роты отказались стрелять. Сухопутные начальники не решаются действовать оружием: есть сведения, что и сухопутные войска тоже стрелять не будут. Положение безвыходное: матросы, вероятно, поставят какие-нибудь условия, которым придется подчиниться или распустить флот. О вышеизложенном всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Вице-адмирал ЧУХНИН»

Мичман Вересов

Звонкая тишина лежала на улицах ночного города. Казалось, чиркни спичкой в Аполлонке, и где-нибудь далеко в Карантине будет слышен этот звук. И поэтому особенно мучительно было слышать топот множества ног за спиной...

Вересову было не по себе. Тревожило и позеленевшее вмиг, как только он получил задание, лицо товарища по училищу и сослуживца Рюмина, и особая поступь вооруженных матросов, и сама ночь, скованная тишиной, и тот необъяснимый поступок героя «Варяга» георгиевского кавалера Петрова, который убил штабс-капитана Штейна и тяжело ранил адмирала Писаревского. Что толкнуло матроса боевой роты выстрелить в офицеров, которые о чем-то переговаривались между собой, стоя по другую сторону деревянного забора? Почему матросы, узнав о случившемся, освободили арестованного Петрова? Что вообще происходило вокруг?.. Одно только и было ясно: рота должна хотя бы силой освободить арестованных в дивизии офицеров.

Рота миновала вокзал. Он казался вымершим — ни поездов, ни извозчиков.

— Посмотри, — прошептал Рюмин, поворачиваясь к Вересову. — Они не спят!

Действительно, все окна Лазаревских казарм были залиты светом. Как это все не похоже на день его приезда, особый день, согретый счастьем встречи с городом, который он любил с детства.

Севастополь всегда незримо присутствовал в их старом доме, в библиотеке, где на стенах висело инкрустированное турецкое оружие — синопские трофеи, и была небольшая картина в массивной раме: Севастополь перед Крымской войной. Все это осталось от деда.

Отец помнил многое из того, что рассказывал ему дед, и в детстве, слушая эти рассказы, Вересов думал, что люди, о которых идет речь, легендарные герои, жили давным-давно, жили когда-то. Но совсем недавно на пристани он повстречал одного из них — маленького, ссохшегося, с лицом будто вырубленным из местного ноздреватого камня-ракушечника. Его длиннополый бушлат, какие давно уже никто не носил, украшали три медали — «За усердие», «За оборону Севастополя» и памятная, которыми награждали участников героической обороны в связи с ее пятидесятилетием, и, забираясь к нему в ялик, Вересов испытал неудобство оттого, что его, молодого и сильного, будет перевозить через бухту глубокий старик, герой обороны. К тому же была еще встречная зыбь, и Вересов, глядя, как старик борется с волной, чуть не предложил ему поменяться местами, но вовремя сообразил, что может обидеть старичка, который не только никак не показывал своей старости, но даже напротив — отпускал всякие шуточки, и пока они от Павловского мыса добрались до Графской, успел рассказать Вересову, за что он

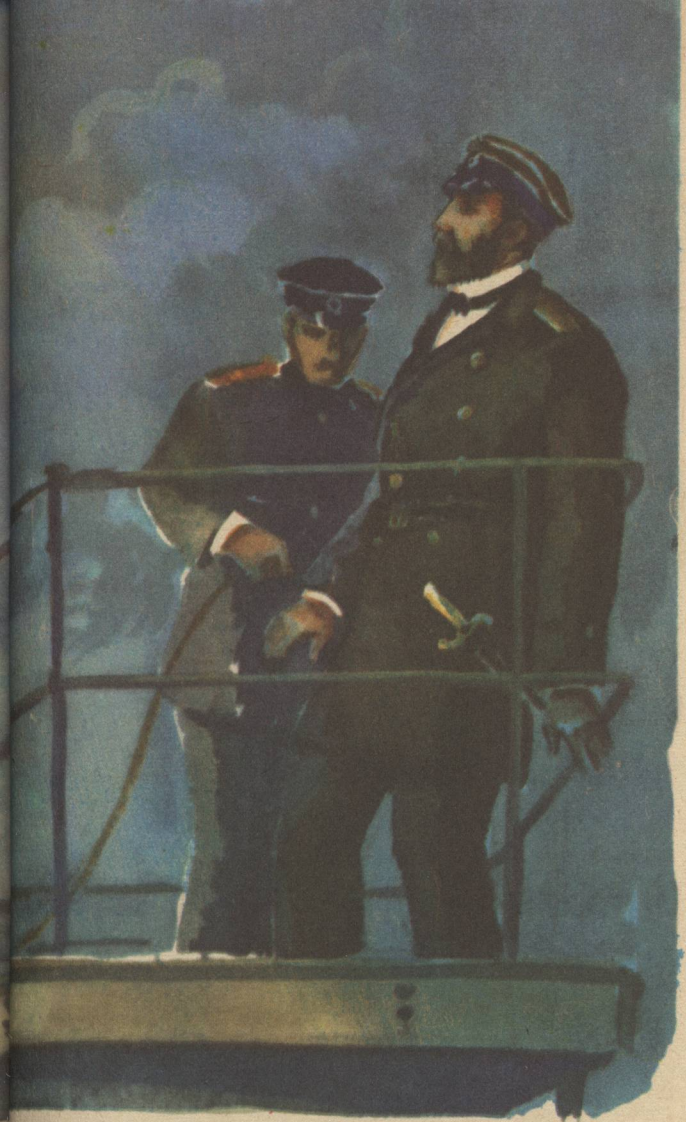
получил первую медаль, и оказалось — за Синоп.

Какая жалость, старик был марсовым на «Трех святителей» в то время, как дед Вересова служил на «Константине». А не то бы, — думал Вересов, — этот матрос смог рассказать мне о нем. От одной только этой мысли у Вересова сильно забило сердце и, прощаясь с яличником, которого другие перевозчики называли дедом Матвеем, Вересов дал ему не тридцать копеек, а целый рубль. «Ну, дай бог вам здоровья, ваше благородие!» — с чувством сказал старик, когда Вересов отказался принять от него сдачу.

И еще несколько дней после того Вересову было приятно вспоминать этого нахимовского матроса.

Перед воротами в дивизию, из-за которых доносился гул толпы, Вересову снова стало не по себе. Нет, он не струсил. Он просто подумал: «Там матросы! Точно такие же люди, как я сам. Но сегодня почему-то один из них убил капитана и ранил адмирала».

Они вошли во двор, и у Вересова зарябило в глазах от множества лиц, которые он увидел.

— Вам что нужно, ваше благородие? — обращаясь одновременно к Вересову и Рюмину, спросил дежурный унтер-офицер с повязкой на руке.

— Покличь своих... э... — не зная, как назвать тех, кто подбил матросов на бунт, — проговорил Вересов и покраснел.

— Ну, вот что, — решительно вмешался Рюмин. — Приказываю немедленно отпустить офицеров из дивизии, иначе я прикажу своим матросам открыть огонь!

В ответ вдруг послышался смех: «Запужали, ваше благородие, поджилки трясутся!» — проговорил кто-то дурашливым тоном.

Подошедший штатский, бородатый, в очках, улыбнулся. Он, как видно, был здесь за старшего.

— Все офицеры из дивизии выпущены свободно, — проговорил он.

«Ну и слава богу», — с облегчением подумал Вересов, собираясь уже подать команду «кругом», но тут какой-то костлявый сутулый матрос с недобрим выражением лица проговорил, подходя вплотную к Рюмину:

— Прикажете, ваше благородие, своим матросам сдать оружие. И сами тоже извольте, таков у нас порядок.

— Как?! — возмущенно выкрикнул Рюмин. — И не подумаю!

— Воля ваша, не хотите добровольно, заберем силой... А ну, братва, ставь винтовки к стене! — распорядился он. — А кто не желает, пусть здесь остается, верно, товарищ Воронцын? — обратился он к штатскому.

— Не смей! — крикнул Рюмин, увидев, что матросы «Терца» послушно ставят свои винтовки к стене.

— Какой крикливый мичман вам достался, братва, не повезло, — зло усмехнувшись, проговорил тот же матрос и вдруг, сграбастав Рюмина, легко оторвал его от земли.

— Возьми у него револьвер! — проговорил он унтеру. Тот расстегнул кобуру и вынул револьвер Рюмина. — Ну, а вы? — все так же недобро усмехаясь, проговорил матрос, взглянув на Вересова. Вересов с неохотой расстегнул кобуру и, вытащив револьвер, протянул матросу.

— Так-то лучше, — проговорил матрос, пряча револьвер в карман бушлата. — Винченко! — крикнул он. — Отворяй ворота, выпускай господ офицеров.

На корабле, когда они остались одни в каюте, Рюмин бросился на кровать и, дергаясь всем телом, забился в истерике.

— Скоты!.. — выкрикивал он. — Скотины мерзкие, быдло... Да как они посмели так с нами... потомственными дворянами... не прощу!.. Не прощу им во веки веков! И будь они все прокляты!

А рядом сидел Вересов с побледневшим лицом и вновь и вновь переживал тот момент, когда ему пришлось отдать свой револьвер.

ТЕЛЕГРАММА

«Вице-адмиралу Г. П. Чухнину»

12 ноября 1905 г.
12 часов ночи

Помощь будет прислана. Не теряйте бодрости духа. Употребите все усилия, чтобы вразумить мятежников. Напомните им от моего имени, что, восставая против власти, они нарушают долг присяги и позоряют честь России. Объясните им, что если они не образумятся немедленно, то я с ними поступлю, как с клятвопреступниками и изменниками.

НИКОЛАЙ».

На „Очакове“

Бело-голубой андреевский флаг дополз до верхней точки и неподвижно повис на флагштоке — на море стоял штиль. Матросский строй стоял не шелохнувшись.

— Кто не колеблясь стоит за царя, остаются на крейсере!.. — громко крикнул Скаловский. — А те, — Скаловский еще возвысил голос, — кто не желает иметь в России царя, и те, кто колеблется, пусть выйдут из строя, и я обещаю, что их свезут на берег и отпустят на все четыре стороны... Итак, кто за царя?

— Братцы, это уловка, нас хотят разбединить!

Скаловский не заметил, кто это выкрикнул. Строй зароптал и остался на месте.

— Чтобы потом с помощью одних задушить других... Мы не шкуры, ваше высокородие! — снова раздался все тот же голос.

— Так это ты, Чураев... Что ж, тебе место там, — Скаловский махнул в сторону берега. — Торопись, Чураев, да не забудь прихватить своих дружков-смутьянов.

— Зря стараетесь, ваше высокородие. Вы нас не расколете, а в дивизии — наши же товарищи, из нашего же экипажа: такие же матросы, как мы...

Чураев еще не успел закончить свою речь, как на палубе появился флаг-офицер с приказом Чухнина.

Он предупреждал команду крейсера, что если «Очаков» еще хоть раз ответит на сигнал дивизии, то по крейсеру немедленно откроют огонь эскадра и форты.

— Вот видите, братцы. Вот видите, с нами ведь не шутят! И мы... мы должны будем подчиниться! А теперь вольно!.. — скомандовал Скаловский.

С хмурым видом матросы разошлись по местам.

Дождавшись обеда, старший офицер поманил к себе мичмана Казаринова. Он не знал, что матросы внимательно следят за тем, что происходит на мостике.

— Помогите мне убрать фалик, — прошептал Скаловский. — Нужно лишить команду возможности сигнализировать мятежникам.

Фалик с шумом упал на мостик. Теперь «Очаков» даже при желании не мог общаться с мятежной дивизией.

Первым на мостик взлетел Антоненко. Увидев разъяренного богатыря, Скаловский невольно попятился.

— Не мы, а вы устраиваете бунт! — выкрикивал Антоненко, тесня к леерам Скаловского и Казаринова. — Какое вы имеете право идти против народа?

Рядом с Антоненко уже сжимали кулаки машинисты Соловьев и Осадчий, уже подходил с другой стороны артельщик Брынза, и гремел под матросскими сапогами трап, как во время боевой тревоги. «Наверное, так и началось на «Потемкине», — мелькнуло в голове Скаловского.

Вчера Чухнин ознакомил его с телеграммами Бирилева и Николая. «Как только вы убедитесь, что не можете вернуть команду к послушанию и присяге, то немедленно покиньте мятежный крейсер вместе со всем офицерским составом и верными людьми!» — распорядился адмирал, но говорить об этом матросам Скаловский не имел права.

— Что ж, — срывающимся голосом проговорил он. — Я хотел как лучше... Теперь же пеняйте на себя... Все офицеры покидают крейсер ввиду явного неповиновения!

Через десять минут катер с офицерами отвалил от правого борта «Очакова» и пошел к «Ростиславу» — флагманскому броненосцу.

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА

«В департамент полиции

14 ноября 1905 г.

Настроение жителей крайне тревожное, чернь против властей. Крейсер «Очаков» вышел из повиновения. Между матросами, крепостной артиллерией возмущение растет. Саперная рота передана матросам. Крепость объявлена на военном положении.

Мои агенты из страха отказались работать. Теперь в 11 часов дня у морских казарм — сходка массы матросов, сухопутных солдат.

Ротмистр ВАСИЛЬЕВ».

ТЕЛЕГРАММА

«Лейтенанту П. П. Шмидту

14 ноября 1905 года

Совет рабочих депутатов от имени петербургского пролетариата шлет горячий привет севастопольским солдатам и матросам, решившимся, следуя славному примеру потемкинцев, стать на борьбу за свободу в братском союзе с рабочими.

Да будут севастопольские события примером для солдат всей России, как забастовка петербургских рабочих в защиту кронштадтских матросов — примером для рабочих всей России. Тогда союз революционного пролетариата и революционного войска положит конец всем остаткам самодержавия и водворит на развалинах его свободный демократический строй.

Петербургский Совет рабочих депутатов»

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА

«Его Императорскому Величеству Николаю Второму

15 ноября 1905 года,

5 час. 20 мин. пополудни

«Очаков» представляет серьезную опасность для города и поддерживает мятежные экипажи, отказывается выдать ударники орудий. Командиром команда избрала бывшего лейтенанта Шмидта, известного революционера. Когда придут все подкрепления, буду действовать беспощадно.

Генерал МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ»

ШМИДТ

Еще алела над морем узкая полоска заката, но с востока, с лесистых Инкерманских высот уже стекала в бухту и разливалась по зеркальной глади густая южная тьма.

Последний мирный день кончился вместе с командой «Гюйс и флаг спустить». Эту команду, освященную древней традицией, исполняют на стоянках все моряки мира, и оставшиеся без видимых знаков отличия ночью корабли становятся как бы ничейной территорией.

В Севастополе, морском городе, знали об этом и ждали этого часа.

Его ждал Шмидт, потому что ночью отряды восставших матросов должны были начать операцию по захвату эскадры.

К нему готовился вице-адмирал Чухнин, и, надеясь на эскадру, он сделал все возможное, чтобы лишить корабли огневой мощи, — на всех броненосцах были сняты орудийные плиты, кольца и замки и свезены в арсенал под ответственность морской артиллерии генерал-майора Саночкого. В семь часов вечера адмирал приказал офицерам флота собраться на «Ростиславе».

Стоя на мостике, Шмидт видел, как к флаг-

ману понесли, раскачиваясь и подпрыгивая на волнах, красные и зеленые бортовые огоньки. Что там готовится? Что замышляют Меллер-Закомельский и Чухнин? Примерно час тому назад мимо «Очакова» в сопровождении миноносца прошел коммерческий пароход, на палубе которого Шмидт разглядел солдат. Стало быть, еще один батальон, уже шестнадцатый по счету! В течение последних суток в Севастополь прибыли семь батарей полевой артиллерии, эскадрон, сотня дончаков.

«В революции одни сутки могут решить все», — подумал Шмидт, приближая к глазам бинокль: целое созвездие огней выплывало у черного борта «Ростислава». Как жаль, что депутаты восставшей дивизии пришли к нему только вчера вечером. Пришли, когда он, получивший наконец отставку, собирался отплыть в Одессу. Даже билет на пароход уже был куплен. Он намеревался объехать все крупные промышленные центры России, чтобы с Советами рабочих депутатов договориться об одновременном выступлении российского пролетариата и флота. В одновременности и внезапности выступления он видел залог успеха. Думал: случись так, и самодержавный трон неминуемо рухнет.

Севастополь, как ему казалось, восстал преждевременно. «Девятый вал» российской революции все еще впереди», — сказал он, явившись по пригласению в Совет депутатов, и призвал матросов начать тщательную подготовительную работу. Но, выслушав ответы депутатов, он понял, что свернуть восстание уже невозможно. Поздно! Слишком далеко зашли восставшие матросы и солдаты.

В помещении экипажного суда, где заседал Совет и куда матросы, встретившие Шмидта у ворот, внесли его на руках, было надымлено, душно, но потные, измученные бессонными ночами лица людей выражали такую веру в правоту своего дела, с такой надеждой смотрели на него, что убеждать их в преждевременности их выступления больше не имело никакого смысла.

Несколько минут Шмидт сидел, не зная, на что решиться. Сложившаяся в Севастополе ситуация вдруг предстала перед ним во всей своей громадной сложности, и решиться на то, чтобы отказать матросам, было так же трудно, как и принять их предложение стать во главе восстания. Одиннадцатого, то есть всего два дня тому назад, георгиевский кавалер Петров, получивший свой крест на «Варяге», стоя в наряде за деревянным забором, случайно услышал, как контр-адмирал Писаревский наставляет штабс-капитана Штейна. Готовилась бойня: три боевые роты по команде Писаревского должны были с двух сторон ударить по митингу матросов и солдат, который проходил на площади перед морской дивизией. Нужно было немедленно помешать исполнению злой воли адмирала, просунув дуло винтовки в щель, Петров выстрелил в офицеров. Все, что произошло потом, было похоже на лавину, кото-

рая, казалось, должна была все смести на своем пути. И вот этого не случилось! Почему?

Что помешало матросам арестовать офицеров, когда растерянные и перепуганные перед лицом обрушившейся как шквал стихии офицеры собрались двенадцатого ноября в Морском собрании и Чухнин, сам грозный Чухнин, бился на виду у всех в истерике, и рвал на себе волосы, и слал проклятия на головы мятежников?

Что помешало им овладеть эскадрой, ведь вся власть в городе целых два дня фактически находилась в руках Совета?

Почему был упущен самый удобный момент для победы восстания в Севастополе?

Тогда, обтирая свой лоб, покрытый бисером пота, Шмидт не мог ответить на эти вопросы, но он знал совершенно точно: позови его матросы два дня тому назад, и все было бы по-иному. Ведь внезапность что птица — упустишь, потом не поймает. А Совет во главе с председателем Вороницыным упустил ее, и вот результат — город наводнен карателями, офицеры на кораблях, почувствовав себя увереннее, смогли разоружить суда. И поэтому Шмидт не сомневался — не сегодня завтра вся эта хорошо отлаженная военная машина опустит свой карающий меч на головы восставших.

Он видел — матросы еще не замечают нависшей над ними угрозы.

Но хуже всего было то, что этой угрозы не замечал и сам председатель Совета Вороницын. Он сидел на своем месте, плотный, коренастый, с густой черной бородой, и глаза его за круглыми стеклами очков смотрели на депутатов с непонятным для Шмидта выражением превосходства. «Что ж, что Севастополь наводняют войска, — говорил он, улыбаясь. — Солдат — всегда солдат, у всех одна жизнь и одни заботы. Неужели кто-то еще сомневается, что, ознакомившись с нашими требованиями, они тут же не примкнут к нам?!»

Вороницыну казалось все это слишком очевидным. Он никак не мог понять, что забастовка, которую он провозгласил как основной вид борьбы для воинского начальства, все равно бунт, который требует немедленного и самого жестокого подавления. В назидание другим. Об этом недвусмысленно предупреждала телеграмма царя.

«Слеп он, что ли, Вороницын? — думал Шмидт. — Не понимает разве, что раз Севастополь объявили не только на военном, но даже на осадном положении, то всякий прапорщик волен казнить человека без суда и следствия по одному лишь подозрению?!»

Уже на «Очакове» машинист Гладков наконец объяснил ему все. «Вороницын — меньшевик, — сказал Гладков. — Есть такое течение в нашей партии. Возражают они против восстания, боятся буржуев напугать. Еще, говорят, не время...»

Но тогда, еще не зная об этом, он вдруг почувствовал, какая страшная опасность грозит матросам, и понял, что не может бросить

их на произвол судьбы, не имеет на то права, и встал из-за стола.

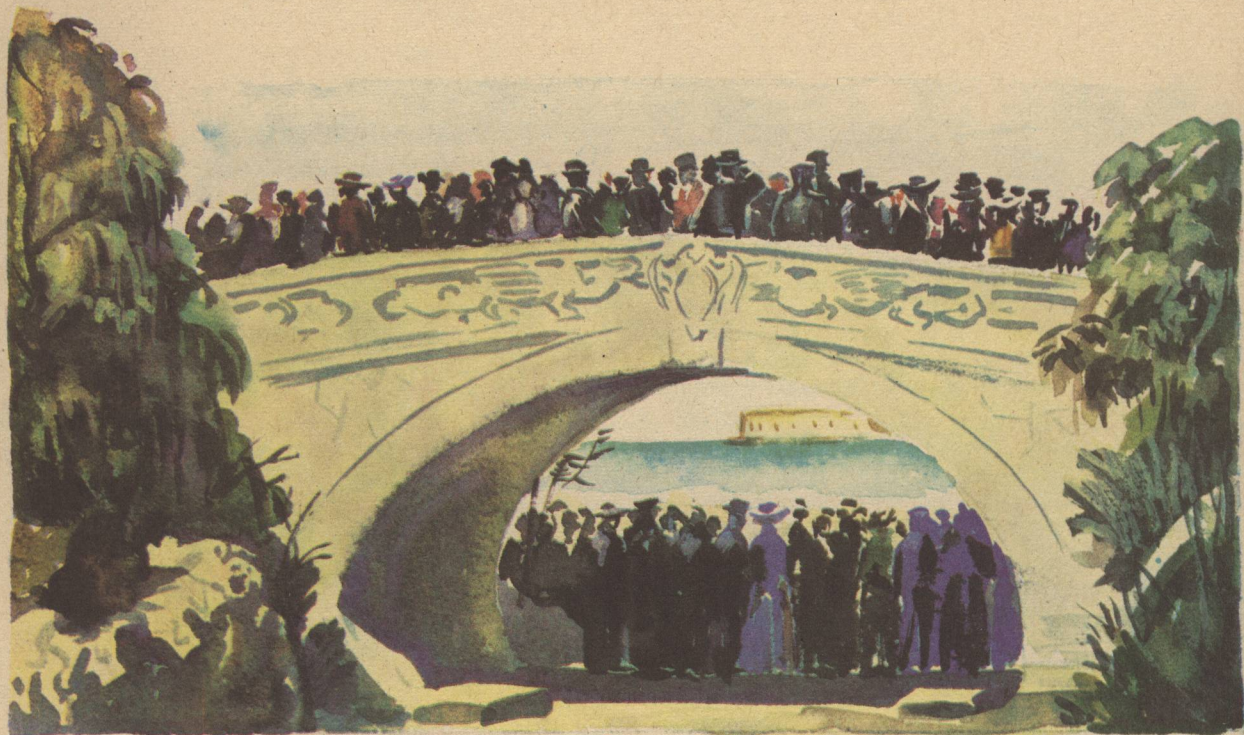
— Товарищи, я принимаю ваше предложение!

«Победить сегодня будет во сто раз труднее, чем вчера», — думал он, выжидая, когда смолкнет крик радости, вспыхнувший в депутатской и по коридору, как по бикфордову шнуру, выплеснувшийся во двор.

— ...Но с этой ночи, с этого часа мы должны действовать быстро и решительно!

Он знал: людям нельзя бороться вслепую. Всегда нужно иметь перед глазами ясную цель, это укрепляет дух. А у восставших пока ее не

Установив во всех портах республиканский образ правления, мы потребуем от царя созыва Учредительного собрания. — Нет, не легкую победу обещал он, а напротив — упорную борьбу. — Но, — говорил он, — мы не должны забывать, что насилие — это не наш метод. Вероломство, подлость — все это атрибуты наших врагов. Мы отказываемся от всего, что претит человеческой совести, и пусть победа достанется нам дорогой ценой, но мы, обещайте мне, никогда не унижим достоинства революционеров и построим общество справедливости, в котором счастливо и легко станут жить наши дети».

было. Он взглянул на Вороницына. Председатель сидел нахмурившись. Словно был чем-то недоволен. Словно заранее был не согласен с тем, что скажет сейчас Шмидт.

— ...Инициативу мы уже упустили. Два дня вы занимались выработкой требований, забыв о том, что все это будет разрешено само собой после утверждения в России демократического строя. Зачем нам лить воду каплю по капле, когда наша главная задача объявить решительную войну правительству! Созыв Учредительного собрания — вот наша цель, и Черноморский флот в силах ускорить этот день...

Да, они об этом еще не думали. Они не ценили себя так высоко и не знали, что от них может зависеть так много. А он разъяснил им, что в первую очередь следует овладеть флотом и победить в Севастополе. «Тогда, укрепив Севастополь с суши, — говорил он, — мы сможем выслать в море две эскадры — одну в Одесском направлении, другую — в Кавказском.

Дети... Он вдруг вспомнил о сыне, и бинокль, направленный на «Ростислав», сам собой пополз вправо, пока не наткнулся на окна двухэтажного флигеля. Свет горел в столовой и в комнате сына. Мысль, что казаки могут захватить сына в качестве заложника, обожгла сердце. «Надо забирать Женю на «Очаков», — решил он.

Ночь

Словно в предчувствии грозных событий, всю эту ночь тревожно круглился над трехпалой гаванью ярко-белый зрачок луны. И выли на Корабельной стороне и в Цыганской слободке беспородные дворовые псы.

Окрики часовых «Кто гребет?» были безответны, но скрип уключин слышался то там, то здесь.

Часа в три после полуночи со стоянки «Ека-

терины» послышались ружейные выстрелы. Потом опять тишина...

В тишину вслушивались повсюду: и на кораблях, и на берегу.

Под утро, когда гавань заволкло туманом, в том месте, где стоял «Очаков», раздался лязг цепей.

В шесть часов в тумане послышалось сопение и басовитые шумы, буксир, наверное, прошел.

В семь за «Очаковым» стали различимы силуэты трех миноносцев. Еще один спешил туда же.

Что это за корабли? На чьей стороне они? Только с подъемом флага все могло разрешиться.

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА

«Военному министру Редигеру»

15 ноября 1905 года

Генерал Меллер-Закомельский телеграфирует: «Со вчерашнего вечера мятежники напали на арсенал в порту, на минный крейсер «Гридень», контр-миноносец «Свирепый» и номерные миноносцы 165, 268, 270, напали на минный транспорт «Буг», но отражены командой».

Командующий округом
генерал-от-кавалерии
барон КАУЛЬБАРС»

Пятнадцатого утром

Сначала где-то наверху, почти в поднебесье, проступили очертания Адмиральского храма, и некоторое время храм висел в воздухе, словно фата-моргана, которая иногда является моряку в океане. Но вот на гребнях пока еще невидимых холмов вспыхнули свечечки тополей, затем стали различимы белые домики на склонах, мачты и трубы броненосцев на рейде, памятник Нахимову на площади, колоннада Графской пристани, наконец по воде скользнул первый солнечный луч, рядом лег второй, третий... и утро наступило.

И, глядя на эту мирную картину, невозможно было думать о смерти, которая, притаившись до поры до времени в пороховых погребах, в минных аппаратах и в тонких оружейных стволах, уже незримо присутствовала в этой тихой, залитой солнцем севастопольской гавани...

На Приморском бульваре, где народ толпился с семи утра, поглядывая на часы, ждали подъема флага. Сигналом к подъему служил выстрел пушки на Лазаревском плацу. Кое-кто уверял, что поскольку пушка эта находится в руках мятежников, то никакого выстрела не будет.

Но ровно в восемь, как всегда, пушка громко пальнула и привычно запели трубы.

— Что ж это на «Очакове» без оркестра? — протянул кто-то разочарованно.

— Ах, сколько красных флагов! — воскликнула, всплеснув руками, гимназистка.

— Не так уж и много, — озабоченно прого-

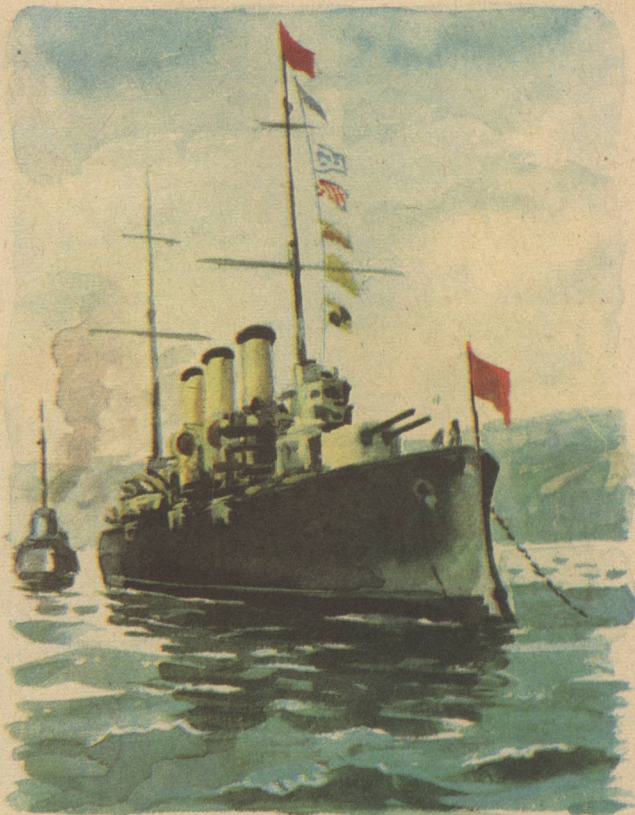
ворил рабочий. — Ни один броненосец не присоединился.

— Силищи-то нагнали в Севастополь! Вот поглядите, барышня, в бинокль. На Северной стороне, видите, полевую батарею поставили?

— Не посмеют стрелять по «Очакову». В фортах сказали солдаты, что первыми бомбардировать «Очаков» не станут, — сказал рабочий.

— Прикажут, так станут, — возразил кто-то.

— Глядите, какой-то сигнал «Очаков» под-

нимает! — выкрикнул звонкий мальчишеский голос.

— Что там? Что там? — нетерпеливо дергая своего спутника за рукав и близоруко щуря глаза, спрашивала гимназистка, пока кто-то не проговорил громко:

— «Командую флотом, Шмидт» — вот что это означает, барышня.

— Как же так? — удивилась гимназистка. — Ведь командует флотом Чухнин.

— Самозванец! — прошипел кто-то.

— Это вы о Шмидте? А ну брысь отсюда, господин хороший!

— Полегче!.. Полегче!.. Перед тобой, хам, надворный советник Папиров! Да я...

Но все тот же звонкий голос не дал договорить надворному советнику:

— Глядите! «Свирепый» отходит от «Очакова»!.. С оркестром!

— Вижу Шмидта, — проговорил владелец бинокля. — Он стоит на барбете носового орудия.

— Как на барбете?! Зачем на барбете?!

Человек с биноклем пожал плечами.

— Стоит на барбете, один-единешенек, а «Свирепый» совершенно явно идет к «Ростиславу».

— Но ведь его могут убить! — прошептала гимназистка.

ИЗ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ГАЗЕТЫ «НОВАЯ ЖИЗНЬ»

16 НОЯБРЯ 1905 г.

ВОЙСКО И РЕВОЛЮЦИЯ

Восстание в Севастополе все разрастается. Дело близится к развязке. Борющиеся за свободу матросы и солдаты устраняют начальство. Порядок поддерживается полный. Правительству не удастся повторить кронштадтской гнусной проделки, не удастся вызвать никаких погромов. Эскадра отказалась уйти в море и грозит городу, если попробуют усмирять восставших. Командование «Очаковым» принял лейтенант в отставке Шмидт, отставленный за «дерзкую» речь о защите с оружием в руках свобод, обещанных в манифесте 17 октября. Сегодня, 15, должен был окончиться, по сообщению «Руси», срок, назначенный для сдачи матросам.

Мы стоим, следовательно, накануне решительного момента. Ближайшие дни — может быть, часы — покажут, победят ли вполне восставшие, будут ли они разбиты или будет заключена какая-нибудь сделка...

Н. ЛЕНИН*

Продолжение следует

* Псевдоним Владимира Ильича Ульянова-Ленина.

Ж И В Е Т

Саша ведет экскурсию

Школа их построена просто среди домов, но считается, будто она на улице Попова. На самом деле до этой улицы пять сотметровок бежать. Проверено. Район вокруг школы называют Поповкой, и кругом здесь, куда ни пойдешь, заводы. На одном делают маленькие вычислительные машины, на другом — электрические лампочки, а на полиграфическом комбинате книжки печатают.

Понятно, что среди соседей Саши Феофанова больше всего рабочих. Встают они рано, когда за окном темным-темно. Обычно Саша в эту пору еще спит, но сегодня проснулся рано. Особенный у Саши сегодня день — дедушкин. Сразу после уроков Саша должен провести экскурсию в школьном музее. В музее истории Смоленской комсомольской организации. На одном из восьми стендов — фотография его родного дедушки. Похожий групповой снимок висит и дома. Саша не раз останавливался перед портретом и удивлялся: дед такой молодой, моложе мамы.

Бабушка часто рассказывает о нем. В Белом — небольшом городке неподалеку от Смоленска — дедушка был

ДЕДОВА ФАМИЛИЯ

секретарем комсомольской организации. Там и погиб в марте сорок второго. Геройски погиб, как написано в справке, и командование части просило оказывать всяческую помощь семье погибшего товарища Курденкова. Курденков — это есть дедушка. Бабушка и ее сыновья, мамини братья, — тоже Курденковы. Сохранилась, живет дедова фамилия.

Саша рад, что ему дедушкин стенд поручили, а стенд подводников отдали Саше Александрову. Правда, сначала Саша, как все мальчишки, останавливался у морских экспонатов. Нина Никитична, директор школы, смеялась:

— Что же, у морского стенда будет стоять десять экскурсоводов, а у других ни одного?

Однажды в школу пришло письмо от экипажа подводной лодки... Подводники и ребята подружились, переписывались, а потом несколько мальчишек даже участвовали в морском походе. Саша был на лодке два раза. Только вышло так, что в первый поход Саша оконфузился: присел возле чего-то похожего на скамейку и вдруг провалился в люк, прямо в машинное отделение, хорошо еще, что кто-то из подводников успел подхватить его на лету, реакция у них мгновенная: ведь если настоящий бой, одна секунда все может решить.

Сейчас у них в школе многие пионерские отряды носят имена героев-моряков. Их отряду 6-го класса «а» присвоено имя политрука — черноморца Николая Фильченкова.

Когда будущих экскурсоводов собрали в музее, одна девочка вдруг заявила:

— Про Курденкова Василия Ильича тут много пропущено. Мне про него его внучки рассказывали — Марина и Лена. Они в нашей школе учатся. Он тяжелораненым попал в плен, а фашисты заперли всех пленных в сарае и сожгли...

Марина и Лена — Сашины двоюродные сестры. Саша сразу сказал:

— Не могла ты такого от Марины и Ленки услышать. Дедушка был комиссаром и в плен никогда бы не сдался.

— Откуда ты знаешь?

— Он знает, потому что это его дедушка.

Саша много раз слышал воспоминания бабушки. Она с дочерью и двумя сыновьями не успела эвакуироваться из Белого, где дедушка до войны все хорошо знали. К счастью, никто семью не выдал, а через два месяца фашистов прогнали, пришли наши и вместе с ними дедушка, уже не политрук, как в начале войны, а комиссар батальона. Он разыскал свою семью и предупредил:

— Ждите меня, приду завтра.

Назавтра был бой, и дедушка ни вечером, ни ночью не пришел, а бабушке сообщили:

— Мужа вашего ранило, его отнесли в сарай, в полевой лазарет, но фашисты подожгли сарай снарядами. Спасти никого из раненых не удалось, все сгорело.

...Ребята единогласно решили, что Саша

ЗВАЛИ ЕГО СИНИЦА

Забали барабаны, затрубили горны. Отряды расходились на сбор, посвященный итогам марша «Идем дорогой Ленина, дорогой Октября!». У ребят в гостях ветераны, надевшие по этому случаю ордена и медали. А в 7«б» вошел высокий мужчина в будничном костюме, которого я только что видела в учительской — учитель истории Семен Михайлович Дурейко.

Я узнала его по фотографии в школьном музее, такой же светловолосый, с гордо поднятой головой. Девочки-экскурсоводы, не выпуская из рук указок, рассказывали историю родных Ружан, несколько веков принадлежавших князьям Сапегам. Новый отсчет времени начался здесь 17 сентября 1939 года, когда Красная Армия освободила Западную Белоруссию.

Что он успел к тому времени, белорусский паренек из крестьянской семьи Семен Дурейко? Окончил семь классов польской школы и читал по-русски — отец научил. Летом работал у предпринимателя — делал кровельную черепицу, зимой — на валке леса. И помогал старшим братьям, членам подпольной компартии Западной Белоруссии, вредить полицаям и панам, готовиться к встрече Красной Армии. А когда Брестщина стала советской, Семен окончил учительские курсы и стал директором детского дома, куда собрали детей беженцев. Ему не было двадцати лет, когда у Бреста перешли границу гитлеровцы. Снова ружанские коммунисты и комсомольцы ушли в подполье. Вот тогда и назвали Семена Синицей.

должен быть экскурсоводом при дедушкином стенде.

На дедушкином стенде, кроме экспонатов, взятых у бабушки, было много других интересных документов и фотографий, а история того, как их разыскивали, оказалась очень увлекательной.

...Уголок, отведенный тому, что связано с Федором Евстигнеевичем Солдатовым, кавалером двух орденов Красной Звезды и ордена Великой Отечественной войны, командиром

пятого батальона 1-й комсомольской штурмовой Смоленской орденов Суворова и Кутузова инженерно-саперной бригады. Комсомольское подразделение, освобождавшее Смоленск! Их школа просто обязана знать его воинов. Ребята довольно быстро отыскали книжку об этой бригаде, завязали переписку с ее ветеранами, установили 242 фамилии бойцов и командиров. Одно огорчало: среди них не нашлось никого, кто был бы родом из Смоленска или Смоленской области.

Намечаем новый маршрут

Кое-кто даже считал, что искать больше нечего:

— Они в Виннице формировались, на Украине. Откуда там быть смоленским?

Только Люда Мартынова и Наташа Гаевая (обе уже в институте учатся) не сдавались:

— Хоть один смоленский да должен найтись.

Первым на верный след навел красных следопытов комсорг одного из батальонов бригады Василий Георгиевич Васютин, живущий на Украине. Он порекомендовал: комбат-5, Солдатенков, по-моему, был смоленским, напишите Голику В. П. в Харьковскую область, он все скажет точно.

Голик откликнулся сразу:

«Прошло тридцать лет, а мы часто вспоминаем своего командира Солдатенкова. Он сам смоленский. При освобожде-

Одним из первых на Брестской земле получил Семен комсомольский билет — он хранится сейчас в музее Минска вместе с Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, врученной Синице в партизанском отряде в 1943 году. В тот трудный год комсомолу исполнилось 25 лет. Через линию фронта из Москвы в Ружанскую пушу самолет доставил тогда две грамоты в бригаду: партизану, пустившему под откос 25 вражеских эшелонов, и Дурейко, организатору комсомольского подполья.

На рассвете в дом сторожа, где они ночевали, пришли фашисты, и Семен с Женей Гордеем чудом не попали в их лапы. Провели собрание с вновь принятыми комсомольцами, но решили быть осторожнее. В следующую деревню уже въехала бричка с «кучером» и

«ксендзом», который будто бы объезжал своих прихожан...

Это была рискованная работа — привлекать к комсомольской работе молодежь. В деревнях фашистам помогали наводить порядки не только старосты, но и те, кто надеялся, что вернется старый режим. А комсомольцы распространяли листовки, подпольные газеты, агитировали односельчан, прятали тех, кому грозил угон в неметчину, переправляли людей в партизанские отряды, в пушу, разоблачали провокаторов. Конюхами, поварами, сторожами работали надежные люди. Они сообщали партизанам все, что удавалось узнать в фашистских гарнизонах.

Взрослые были в партизанских отрядах, а в деревнях оставались подпольщиками они, подростки. Тайком ребята

Во всех концах страны живут выпускники школы...

нии вашего родного города он разыскивал свою мамашу. Немцы все в городе спалили, и мы мамаше нашего командира зрбыли землянку рубленую и печь за яких шесть часов времени, чтобы его мать была бы в тепле. Найдите нашего командира, будем вам благодарны».

Теперь можно было обращаться в военкомат, и оттуда сразу ответили, что Солдатенков призывался из деревни Надва Руднянского района Смоленской области, а был он до службы в армии красным избачом и вожаком местных комсомольцев. В весенние каникулы экспедиция красных следопытов отправилась в Надву, разыскали могилу матери Солдатенкова, нашли и его родственников, племянника и тетку. От них стало известно, что Федор Солдатенков в семье был седьмым ребенком, семья жила в бедности, как большинство крестьян до революции. Еще подростком Федя участвовал в борьбе с кулаками. В войну был хорошим красным командиром. После войны ему не довелось вернуться в родные места. Где живет? Вроде бы в Москве.

В Москву на улицу Мира письмо отправили сразу, и все равно оно опоздало: полковник запаса Солдатенков умер. Школьники познакомились только с его женой и сыном.

...Нет, Саша совсем не ждал, что экскурсию он будет вести не у того стенда, что ему приглянулся вначале. И про Солдатенкова, и про дедушку, и про других комсомольских активистов каждый хочет узнать. Такие это были смелые, гордые люди. Саше представилось, как наши «тридцатьчетверки», стреляя на ходу, врываются в бабушкин город со странным названием Белый, а следом за танками бежит комиссар, впереди всех бойцов.

Этот комиссар — его дедушка.

Вл. МИХАЙЛОВ
Фото В. Ковалева

срывали развешенные фашистами репродукторы. А когда комсомольцы нашли брошенный приемничек и починили его, то услышали о победе наших под Москвой. И наутро об этом знала вся округа!.. От руки ребята переписывали сводки и расклеивали их в самых людных местах.

— А потом, — рассказывает Семен Михайлович, — нашли ребята у озера разбитую армейскую типографию, отыскали шрифт — до единой буквочки, — и стали хлопцы печатниками. В разведенный грифель химического карандаша добавляли сажи и печатали листовки: «Ни грамма хлеба фашистам!», «Кровь за кровь!», «Бей фашиста в стану — легче будет на Дону!»

Семен Михайлович выложил на парту, возле которой стоял,

кипу пожелтевших листовок. И все пионеры окружили учителя.

— Вот где вы рыбу ловите на озере, у Заполья, стояли разбитые танки. Наша задача была также добывать партизанам оружие. За каждый патрон шла борьба, сами искали и крестьян просили: «Что найдешь в поле, когда пашешь, то ховай (прячь!)». Долго пытались мы открыть люки танков — надо было проделать все тихо, незаметно. Бились, бились, пока догадались. Двенадцать пулеметов добыли, много дисков... А как в лес переправили? Вот там, на улице Ленина, был пост — ох и много же подвод с «сеном» провезли мы мимо него!..

Ребята затихли за партами, чтобы ни слова не пропустить. Слушали, как разгромили фа-

шистские гарнизоны, как сожгли гитлеровский штаб...

Да, трудная молодость была у Синеца. Трудная, но счастливая! А вернулся партизанский отряд имени Кирова в разоренные деревни, — вместе с друзьями восстанавливал Семен Михайлович советскую власть в крае, налаживал мирную жизнь. И снова в любую непогоду — теперь открыто — ходил по деревням: то собирать народ на колхозную стройку, то помочь семьям, где не осталось хозяина-кормильца... Время быстро летит, вот уже более тридцати лет Синеца, Семен Михайлович Дурейко, учитель истории.

...Прозвенел звонок. Семен Михайлович не мог дольше оставаться на сборе: у него был урок в другом классе.

И. ЛОМАКИНА

29 октября —
день рождения
Ленинского
Комсомола

СЛУШАЙТЕ
ВСЕ!

Вся история твоей пионерской организации тесно связана с историей Родины, партии, комсомола.

«Пионер готовится стать комсомольцем». — Так звучит один из законов пионеров Советского Союза.

Пионерские годы — годы мужания, закалки характера. Вместе с отрядом ты впервые прочел речь В. И. Ленина на Третьем съезде комсомола, вместе с отрядом продолжаешь изучать заветы Ленина молодежи, революционные, боевые, трудовые традиции советского народа, героические страницы истории Коммунистической партии, Ленинского комсомола, своей пионерской организации.

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ

Нет сейчас для тебя звания дороже, чем звание юный ленинец, но пройдет совсем немного времени, и ты, сегодняшней пионер, станешь полноправным членом Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

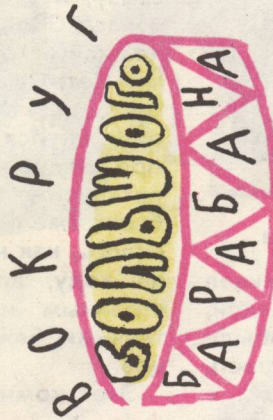
День рождения комсомола и твой большой праздник. Радостный, торжественный, дорогой.

Хасан Абдиев
у знамени
ЦК ЛКСМ Узбекистана

БАРАБАЮ

Оформление Л. Каминского

Света Кудыкина:

— Подарок — большая радость. Мальчиков не обрадовали подарки? Как же так? Столько лет ходить вместе в школу, читать одни книги, сидеть за одной партой и не дружить? Прямо не верится, что и так бывает!

Алик Виноградов:

— Еще как бывает! Наш отряд тоже раньше был недружным. А вот после совместного похода в Чкаловск, в музей летчика-героя, многое изменилось. Помню, в поле нас застала гроза, все побежали, а спрятаться было негде. Все ребята насквозь промокли. Мальчики, конечно, отдали куртки девочкам, а сами дрожали, как суслики... Ленка нарочно в Волгу полез искупаться, как будто жарко невмочь! Все разошлись. Тут его даже Валя Ежова зауважала.

В августовском выпуске журнала юнкоров можно было прочесть коллективный ответ шестиклассников школы № 176 города Ленинграда девочкам из Самаркандской области. Что значит быть чутким! Тактичным! Надо ли бояться обидеть товарища! Разговор продолжается. На письмо Элиды и Дины отвечают пионеры Заволжской средней школы Московской области, ученики двух четвертых классов.

маешь, — смело сказать! Ябедой такого никто не назовет. Жаль, что Дина и Элида не написали в редакцию, знает ли пионерожатая о поступке мальчиков. Если знает, то как отнеслась?

Нелла Шуми:

— Не надо стесняться быть добрым. Словом человека еще как можно обидеть: лопухом назвал, например, думаешь: ну и что такого? А потом сам надуешься: не хочешь дружить — и не надо! А ведь настоящий друг не должен бояться прощения попросить, если надо, если понял, что неправ.

По-моему, если бы кто-то из узбекских ребят не сказал таких слов, что, мол, это от девочки, с которой ты дружишь, то мальчик не сломал бы сувенира...

В гостях у юнкоров «Барабана» почетный гость — Хасан АБДИЕВ, бригадир комсомольско-молодежной бригады колхоза «Коммунизм» Пахтачэйского района Самаркандской области, знатный кукурузовод Узбекистана, делегат XVIII съезда Ленинского комсомола и отрядный вожатый в Пахтачэйской средней школе.

Слово Хасану АБДИЕВУ:

— Памятным событием года для узбекских пионеров стал слет вожатых-производственников нашей республики. Он проходил под девизом «Смену растить нам!».

На слете еще и еще раз звучали слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева, сказанные на съезде комсомола: «Воспитание учащих, работа с пионерами должны постоянно находиться в повестке дня всех комсомольских организаций как один из главных вопросов. Только тогда в комсомольские организации заводов, колхозов, строек, институтов и воинских частей будет приходить хорошее пополнение. И только так комсомол сможет успешно выполнить ответственное поручение партии — быть вожатым и воспитателем юных ленинцев».

ГОВОРЯТ ЧЛЕНЫ ШТАБА:

Алим Амирханов из Самарканды:
— Мы заключили договор с нашими шефами — воинами. Договорились так: мы боремся за звание отличного юнармейского отряда, а воины — за звание отличного подразделения.

Марина Левчук из школы № 1 Сырдарьинского района Ташкентской области:

— Работа в отряде трудная, но я дала слово комитету комсомола, что мой отряд станет на Марше правоплантовым.

Алеша Бессарабов из Навои, председатель совета дружины школы № 13:

— Дружим с экипажем подшефного судна «Алишер Навои». Провели конкурс рисунков под девизом «Пусть всегда будет солнце!».

Рисунки победителей конкурса будут демонстрироваться к 60-летию Октября на всех широтах, где побывают наши друзья-моряки.

Более полсотни миллионов школьников окончат в годы пятилетки среднюю школу, встанут в ряды труженников республики. Конечно, от нас, вожатых, зависит, какова будет их жизненная позиция.

Работая с отрядом, я понял, что самому уметь растить хлопков, кукурузу и научить других этому — не одно и то же. А мне хочется прежде всего научить пионеров любви к труду, заинтересованности в высоких результатах даже самой простой работы...

На слете мы говорили о том, что пионерам, подросткам нужны наше теплое слово, поддержка во всех начинаниях не только с трибуны, а и в жизни — на сборе, на перемене, в походе по родному краю.

Иногда я вижу, что не все вожатые хорошо, творчески выполняют свой долг, потому что, скажу откровенно, нелегко найти общий язык с одиннадцати-двенадцатилетними ребятами. Но я и сам понимаю, что недооценивал трудолюбия и любознательности пионеров, пока не пришел в отряд. Они очень серьезно относятся к занятиям, которые я провожу, не жалеют времени и труда, чтобы стать людьми знающими, полезными Родине. А знаете, какая радость видеть, что твои воспитанники растут настоящими юными гражданами, достойными наследниками Великого Октября!

Надя Хоспина:

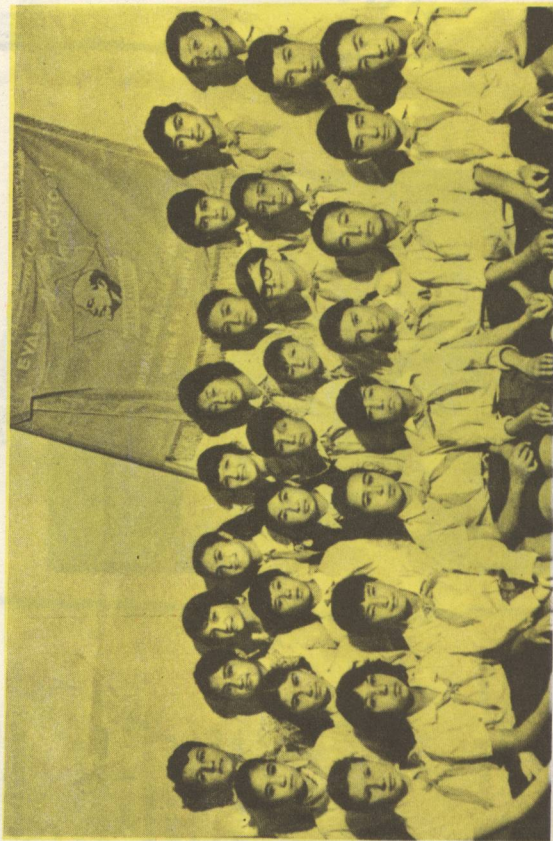
— А вот и нет. Мы Леньку стали уважать, когда он один перекопал всю делянку нашего отряда в школьном саду. Другие мальчишки не могли прийти, на футбольном матче были, за школу болели. Мы ждали, что Ленька подмоги попросит, но он справился сам. Мы ему потом лучше всех джинсовую куртку расшили.

Татья Цветков:

— Встать и честно сказать на пионерском сборе, например, что ду-

Татья Тургенинская:

— Мы все за Лено были, когда перевыборы в отряде шли. Он добрый, искренний, справедливый. На ребят хорошо действует. Узбекские мальчишки тоже могли сказать своим одноклассникам: не обижайте нашего друга, а не просто так. Словам суверныры, мальчишки обидели девочек. А разве плохо, когда мальчишки дружат с девочкой? В нашем отряде так не считают.

Знакомьтесь: Республиканский пионерский штаб

ПИОНЕРСКИЙ СБОР

Петина Надя, 3-й класс, Рязань

Твоей
ЗАРБЕЖНЫМ

Ровесник

«Москва — Гавана» — так называется Клуб интернациональной дружбы в московской школе № 249.

Вот что рассказывают о своей жизни члены КИДА.

«Занимаемся в клубе второй год. Было такое задание — провести викторину «Знаете ли вы Кубу?». Мы подготовили рассказ о школе имени Ленина в Гаване и о международном пионерском лагере «Варадеро».

Мы дружим с пионерами из школы имени Ленина. Это самая большая школа на Кубе. Когда ребята из этой школы приезжали в Москву, в КИДе был вечер дружбы, пели кубинские и русские песни».

**Оля Татурина,
Люда Соломкина**

«Поэт, писатель и революционер Хосе Марти — мой любимый герой. Он возглавлял кубинскую революцию 1875 года. В ссылке, несмотря на все трудности, продолжал учиться и писать».

Много я узнал о Кубе за два года в нашем КИДе. Теперь состою в лекторской группе, делаю сообщения для четвертых и пятых классов».

Саша Колодочкин

«Многие ребята изучают испанский язык. Стихи Хосе Марти они читают и на испанском языке. Ведут кружки у нас студенты педагогического института».

Наша дружина носит имя Хосе Марти, и мы стараемся как можно больше узнать о нем, о его жизни. В день его рождения к нам всегда приходят пионеры из кубинского посольства в Москве».

Хосе Марти любил природу. Каждый раз, когда у него было время, он уходил к морю или в лес. Я тоже люблю природу...».

Оля Петрушина

Заветная страничка

МЫ СОВХОЗУ ПОМОЩНИКИ

Совхоз построил для нас новую школу, современное, красивое здание. Оборудовал все кабинеты, построил огромный спортивный зал. В нашей школе нет ученика, который не помогал бы на строительстве.

Все в школе знают Михаила Луми, бригадира. Его бригада все строила в совхозе — и коттеджи для каждой семьи, и детский сад, и клуб... Теперь бригадир обещал: построим девять домов — возьмемся за школьный бассейн!

Все старшеклассники стремятся получить разрешение помочь строителям. Остальные ребята, помладше, летом каждый день приезжают в наш лагерь труда и отдыха на автобусе. А кто живет поближе — приходят пешком. Пионеры помогают взрослым на поле, на фермах. Обычно работаем до обеда, после обеда играем, занимаемся своими делами.

Хорошо прошел у нас в лагере день спорта, день самостоятельности. В конце дня командиры отрядов рапортуют о сделанном. Одному, наверное, неинтересно работать, например, на прополке капусты, но всем вместе, да еще соревноваться отрядами — здорово. В августе, когда лагерь закрывается, совхоз устраивает нам экскурсию по республике. Мы уже были в Таллине, Тарту, Выру. А в этом году на заработанные деньги хотим поехать в Ленинград.

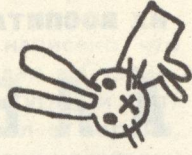
Айн Луми,
командир отряда,
совхоз Адавере,
Эстонская ССР

БЕСЕЛАЯ ПИЧТА

Учитель:

- Что такое саванна?
 - Место, где живут совы.
- Сергея Богуславский,**
117-я школа,
Ленинград

Учительница:

- Так сколько же кроликов надо поместить в одну клетку?
- По-моему, 0,5...

Юра Солев,
117-я школа,
Ленинград

Учитель литературы:

- Зачем поехал Илья Муромец в Киев?
- Чтобы там победить!

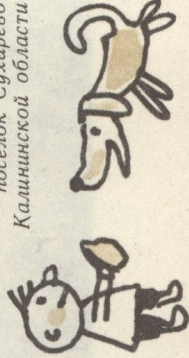
Мила Шипулина,
город Кемерово

Витя пришел домой расстроенный:

- Меня бабушка угостила пирогом, а его собака съела. А больше пирога у бабушки нет!
- Ничего, она потом еще испечет!
- Да я не пирог жалею, а собаку! Она не наелась!

Коля Осипов,
поселок Сухарево
Калининской области

Тучка солнышко закрыла...
Что потом на небе было!
Сотни молний небо рвут,
Тучи, как быки, ревут,
Вдруг поднялись на дыбы
И мгновенно сшибли лбы.

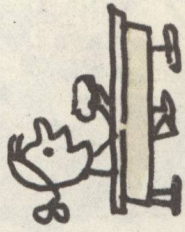
Грохот уши заложил,
Дождь потом заморосил,
Тучи за море помчались,
Там их звуки затерялись,
А когда гроза пропала,
Небо даже засияло
И спустилась на луга
Солнечная радуга.

Андрей Кравчина,
5-й класс, школа № 172,
Ташкент

на школьную тему

Ой, подружка дорогая, как тебе не стыдно!
На уроке что-то ела — думала: не видно!
Записала Марина Осипова,
117-я школа,
Ленинград

БИЛСЯ ЗДЕСЬ ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ С ТАТАРСКОЙ ОРДОЙ

Андрей Раров, 5-й класс

МНЕ ДОРОГА РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ. НИГДЕ, НАВЕРНОЕ, НЕ ТАКОЙ КРАСОТЫ

Саша Воронков, 13 лет

ДОШЛИ ФАШИСТЫ ДО МИХАЙЛОВА, А ДАЛЬШЕ К МОСКВЕ ИХ НЕ ПРОПУСТИЛИ

Саша Воронков, 10 лет

ИХ ВОСПИТАЛ КОМСОМОЛ

А Я БЫ ТАК СМОГ?

Татьяна ПЧЕЛКИНА

3 июля 1972 года рязанский комсомолец Анатолий Мерзлов работал на своем стареньком тракторе, подбирая солому. Стояло знойное лето. От случайной искры вспыхнула солома. Анатолий сражался с огнем и, спасая трактор, погиб.

О его подвиге в «Комсомольской правде» рассказал Константин Симонов, рассказал с болью и гордостью, ему посвящали стихи и песни.

Я ехала на родину Мерзлова для того, чтобы посмотреть на мальчишек и девчонок деревни Прудские Выселки, побродить по полю, где он сражался с огнем.

КРАЕВЕДЫ ИЗ МИХАЙЛОВА...

Город Михайлов стоит на реке Проне, давно стоит, восемьсот почти лет, крепко стоит. Бился здесь Евпатий Коловрат с татарской ордой. Остался от тех времен земляной вал. Вот тут-то на обрыве, над самой Проной два года назад

поставили танк — «тридцатьчетверку».

На постаменте написано, что этот танк участвовал в Сталинградской, потом Курской битве, а потом вошел в Берлин, потом в Прагу. Танк поставлен в память о войне. Дошли фашисты до Михайлова, а дальше к Москве их не пропустили. 246 наших солдат полегло на этой земле. Осталось в братских могилах города Михайлова...

Обо всем этом рассказали мне ребята из Михайловской школы-интерната, краеведы. И самый главный их краевед, директор школы, Юрий Васильевич Бучнев. По крохам собирали в школе музей. Сначала была одна комната, потом две, и наконец, целый этаж... Сейчас обещают отдать под этот удивительный музей весь дом.

Представьте себе, восемь тысяч экспонатов — старинная кольчуга, прясла, подковы, серебряные подвески, ножи, перстень с печатью, кости мамонта... И рядом — 46-й номер газеты «Искра» 1903 года, дневники Максима Алексеевича Синельникова, юного подпольщика по кличке Лешка-Веселый, фотография двадцатидвухлетней учительницы Лиды Поляковой, убитой кулаками, письма выпускников школы № 1 города Михайлова, прямо со школьной скамьи в 1941 году ушедших на фронт... И еще одна ценная реликвия — комсомольский значок Толи Мерзлова...

Список героев из давней истории идет к сегодняшнему дню.

ЛЕШКА-ВЕСЕЛЫЙ

«Я, Синельников Максим Алексеевич, родился в 1898 году, 20 августа в Рязанской губернии Михайловского уезда Прудской волости в семье бедняка. Отец работал пастухом, мать — прачкой. В семье нашей было шесть детей. Хата была маленькая — шесть на семь аршин.¹ Семья всегда голодала. В 1904 году отец

*1 Аршин — 0,7 метра.

купил к празднику самовар, а зимой 1905 года этот самовар отобрали за недоимки. Отец часто выступал перед народом, ругал царя и министров-капиталистов...

...Весной 1909 года моя старшая сестра Елена взяла меня с собой в Москву. В то время она содержала конспиративную квартиру вблизи Рогожской заставы. Я доставлял письма и политическую литературу по указанным адресам, соблюдая строгую конспирацию.

Меня научили, как сохранять в тайне пароль, следить за шпиками и полицией, научили революционным песням. Мне поручали торговать газетами и журналами вразнос. В газеты и журналы я вкладывал листовки.

В начале весны 1912 года я стоял на страже и заметил, что за революционером Паршиным Андреем Дмитриевичем в вокзальном переулке близ Таганки идут шпики. Я успел сообщить ему об этом, но шпики напали на меня, схватили, заткнули мне рот тряпками, втащили во двор и потом отправили в Таганскую тюрьму. Там пытали, били. Через день вызывали на допросы, но я ничего не отвечал. Одежды тюремной на мой рост не было, поэтому я был в своих изодранных штанах и окровавленной рубашке. Нас вывели из тюрьмы для очных ставок. Шли мы тихим ходом. У Яузских ворот было большое скопление народа и подвод, которые попали на трамвайные рельсы. Мне удалось рвануться в толпу и убежать на Хитров рынок.

В то время я получил кличку Лешка-Веселый за то, что выполнял различные поручения с песнями и плясками. Много раз попадал в руки полиции, был бит, сидел в тюрьме, отбывал ссылку.

Осенью 1914 года революционеры выправили мне паспорт, прибавив в возрасте один год, и устроили работать на Оборонный завод Подобедова сначала учеником слесаря, потом учеником шофера.

9 ноября 1917 года я выехал к себе на родину в город Ми-

хайлов для установления там Советской власти. Михайлов в то время был купеческий и поповский город. С большим трудом удалось выполнить поручение большевиков. Но порядок в городе мы установили. Правда, не без потерь. Враги народной власти зверски убили двух пламенных революционеров — военкома Шишкина и комиссара по продовольствию Мохова.

В 1918 году разгорелась гражданская война. «Страна в опасности», — заявил революционный совет. Меня направили во второй Николаевский дивизион, в первую бригаду Василия Ивановича Чапаева, где командиром был товарищ Потапов. Зачислили пулеметчиком. Стал командиром пулеметной команды, потом политруком. Четырежды ранен, трижды контужен...

Я закрываю дневник, толстую тетрадь, вместившую человеческую жизнь, и думаю о тех удивительных людях, глашатаях революции, о тех удивительных судьбах, с которыми мы связаны одной прочной и вечной нитью.

Максим Синельников был родом из Прудских Выселок, где родился, жил и погиб Анатолий Мерзлов.

**УЧИТЕЛЬНИЦА
ЛИДА ПОЛЯКОВА**

Колхоз имени Чапаева, в котором Толя Мерзлов работал трактористом, был создан в 1930 году.

В том самом тридцатом году двадцатидвухлетняя учительница Лида Полякова, комсомолка, была убита однажды утром вблизи Виленского разъезда, что в десяти километрах от Михайлова. Ее нашли под откосом железнодорожного полотна, исполосованную ножом.

По заданию комсомольцев Лида поехала агитировать за колхозы. И вот из последней поездки в Журавлевку не вернулась...

Я еду из Михайлова той самой дорогой, которой когда-то ехала Лида. Вокруг — простор полей, рязанские раздолья, хлебные поля...

Показалось село. Это колхоз имени Чапаева... За него когда-то агитировала Лида. За светлые просторные дома, за школы с высокими и веселыми окнами, за этого мальчишку, что пристроился на крыльце с книжкой в руке, за эти тракторы, колонной въезжающие на колхозную улицу.

В детстве Лида сама бороновала пашню, полола, вязала снопы, сажала картофель. В голодный страшный 1920 год Поляковы пекли лепешки из лебеды и коры деревьев. Ослабевшая корова была подвешена в хлеву на веревках, чтобы не упала, всю солому с крыши ей скормили, потом корову иррезали.

Лида ходила в школу в село Собакино. В узелке несла книги, хлеб и вареную картошку. Зимой школу не всегда топили. Ребятишки сидели на скамейках, тесно прижавшись друг к другу, в пальто и варежках.

Лида очень хотела учиться дальше. Она поступила в Михайловский педагогический техникум. Училась там вместе с сестрой.

На двоих была одна стипендия. Но занимались сестры отлично.

Лидию Николаевну направили на работу в деревню с удивительным названием Серебрянь.

Первого сентября ребята пришли к ней в школу. Молодая учительница хорошо подготовилась к этому дню. Школа

Сбор пионерского отряда имени Анатолия Мерзлова

дышала чистотой, пахла мытым деревом. На окнах в банках стояли букеты полевых цветов. Она внимательно оглядела класс. «Какие разные, какие славные», — подумала она.

Спросила: «Кто умеет читать?» Все молчали. «Кто умеет писать?» И опять все молчали. «А стихи кто-нибудь из вас знает?»

Скуластый мальчишка лет двенадцати, с веснушками, разбежавшимися по лицу, сказал: «Я петь могу!»

И он запел громко, смешно коверкая мотив: «Наш паровоз вперед лети! В коммуне остановка...»

Это была первая песня, которую пел ее первый класс: «Иного нет у нас пути! В руках у нас винтовка».

Учительницей работала Лидия Николаевна до того страшного дня, последнего в ее жизни...

ВЫПУСКНИКИ, ГОД 1941

У меня в руках три альбома. В них — фотографии, письма, телеграммы, документы. Я листаю страницы — и суровое военное время встает передо мной во весь рост.

...Гриша Рябов — десяти-

классник, секретарь комитета комсомола того далекого 41-го. Он был душой школы, заводилой, веселым, талантливым, щедрым. С первого класса по десятый учился на пятёрки. До сих пор в доме его матери висят похвальные грамоты, уже пожелтевшие от времени. Он самостоятельно выучился играть на пианино, был руководителем струнного оркестра.

22 июня 1941 года Гриша Рябов пошел в военкомат. Он потребовал, чтобы его записали в народное ополчение. Военком сказал Грише: «Ты школьник еще, учись!» Но Гриша настаивал, уговаривал, просил.

Он был единственным школьником в ополчении.

24 ноября 1941 года фашисты захватили Михайлов. Истребительный батальон народного ополчения во главе с секретарем райкома партии Казановым оказал фашистам жестокое сопротивление. Ополченцы задержали наступление фашистов на два часа.

Потом был приказ Казанова: «Разойтись. Скрыться в лесах». Дома у Гриши Рябова оставалась больная мать с маленьким братишкой. Он убежал домой, чтобы попрощаться с ними, но никого не застал. Их уже зва-

куировали. Когда выходил из дома, лицом к лицу столкнулся с фашистами. Гриша крепче сжал винтовку. Но его окружили, сбили с ног, отобрали оружие и комсомольский билет. А потом расстреляли на пустыре.

...9 мая 1975 года выпускники сорок первого года собрались в своей Михайловской школе. Приехал из Москвы генерал-майор Лялин, инженер Макеев, пришел из больницы, что совсем недалеко от школы, доктор Роман Владимирович Соколов, прилетел Дмитрий Небольсин... Что же это был за день! Сколько было радости, сколько слез, песен, воспоминаний. И сегодняшние ученики, пионеры и комсомольцы, радовались вместе с взрослыми и немножко грустили... Потому что кто же из вас не мечтает скорее вырасти и когда-нибудь совершить подвиг!

О ТОЛЕ МЕРЗЛОВЕ

В музее-мемориале Толины вещи: тетрадки, любимые книги, фотографии. Их осталось совсем немного. Он не любил фотографироваться. Здесь

очень тихо, здесь не хочется разговаривать. Молча постоять, подумать.

В школе, которая носит имя Анатолия Мерзлова, мне показывают сочинения ребят, и совсем молодая учительница литературы говорит: «Вы знаете, как только сочинение на свободную тему, так пишут о Толе. Я им как-то сказала: „Ведь у нас много других героев“. Молчат и пишут о Толе». Вот строки из этих сочинений:

«Мне дорога рязанская земля. Нигде, наверное, нет такой красоты. Здесь родилось много замечательных людей. В Москве в Музее боевой славы лежат под стеклом два комсомольских билета. Один пробит пулей и обгрен кровью. В нем написано: «Александр Матросов погиб, закрыв грудью амбразуру пулемета». Другой билет опален пламенем пожара. В нем записано: «Анатолий Мерзлов погиб при спасении урожая». Вот два похожих и в то же время различных подвига. Наша школа носит имя Мерзлова. В нашем селе Анатолию Мерзлову поставлен памятник. И, проходя мимо, всег-

да спрашиваешь себя: «А я бы так смог?»

Игорь Мохов

«У меня нет родителей. Но я обещаю Толиной маме быть таким, как ее сын».

Алексей Новиков

«Этот простой мальчишка учился в нашей школе. В нашей школе стоит его парта. И каждый раз, глядя на эту парту, мы вспоминаем его подвиг. Мы стараемся быть похожими на Анатолия и готовы каждую минуту помочь нашей Родине».

Виктор Олисов

Я уезжала из Прудских Выселок поздним вечером. Зажигались огни, вдалеке звучала песня. Я думала о Толе Мерзлове и его подвиге и о том, что жизнь его продолжается. И мои новые знакомые, мои новые друзья из Михайлова и Прудских Выселок — школьники Люба Злипаева, Сережа Потапов, Люда Чумарова, Игорь Мохов, которые помогли мне написать этот рассказ, тоже могут стать героями. Почему бы и нет?

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ОСЕНЬ

По долинам, по оврагам
Ходит осень тихим шагом.
Вот она хозяйским глазом
Лес кудрявый обвела,
И листва у леса сразу
Тихо на землю легла.
Тут ковром, тут покрывалом
Землю голую устлала,
Тут отправила грачей
К югу теплomu скорей,
Все убрала, всех собрала,
И сама пошла быстреей
На несжатые поля —
Всюду ждет ее земля!

*Марина Калинина,
7-й класс,
Москва*

Рисунок
В. Прошкина

ЗАВОЕВАНО БОРЬБОЙ И ТРУДОМ

Прошло сорок лет с тех пор, как была принята Конституция СССР 1936 года. Неизменно изменилась наша страна. В ней создано зрелое, развитое социалистическое общество. Государство стало общенародным. Неизвестно изменился и весь мир — образовалась мировая система социализма, сложилось сотрудничество социалистических стран. Еще выше поднялся авторитет партии, советских коммунистов — ядра всей политической системы нашего общества.

Все это потребовало и существенных изменений в Основном законе государства. Их и отразила Конституция СССР 1977 года — года 60-летия Великого Октября. Эту Конституцию по праву называют манифестом мирового социализма.

Если мы положим перед собой десяток или даже целую сотню конституций капиталистических стран, то первое, что нам бросится в глаза, — это их необычайная пестрота.

Одна из главных особенностей всех буржуазных конституций — это их двойственность. Внутренние противоречия. Провозглашается много прав и свобод. Однако они остаются правами лишь на бумаге. Характерны в этом отношении Соединенные Штаты Америки.

Мне довелось быть в этой стране, когда там готовились к 200-летию американской революции. Повсюду были расклеены плакаты с фотокопиями конституции 1787 года. «Документ свободы» — так именовалась она.

Действительно, американская конституция одна из первых буржуазных конституций. В ней провозглашены «всеобщее процветание, блага свободы». Но среди этих прав нет главных — права на труд, права на образование.

Давайте вспомним о том, чем озабочены мы сами. Нас тревожит одно — какую дорогу из множества имеющихся выбрать в жизни.

Какую приобрести специальность. Или в какой поступить институт. Ни одному школьнику в нашей стране и в голову не придет размышлять о том, сумеют ли родители заплатить за его обучение в институте. У нас обучение бесплатное.

А, скажем, в США за месяц обучения в университете надо платить столько же, сколько за полмесяца зарабатывает квалифицированный рабочий.

Но плата за обучение — это еще полдела. После того как получено образование, нужно найти работу. В нашей стране и искать ее долго не надо. Всюду требуются добросовестные, грамотные люди. А для молодых людей в Соединенных Штатах Америки это трагедия. Там миллионы людей без работы. И никому нет до них дела. Американская конституция не служит гарантией нормальной человеческой жизни.

Другое дело у нас: «Твори, выдумывай, пробуй!» Тебя всегда поймут и поддержат, если ты стараешься для всех, на благо всего нашего общества.

Новая Конституция СССР предусматривает активное участие всех нас в управлении государственными и общественными делами. Конституция дала нам широкие права. Достигнув восемнадцати лет, ты уже можешь быть избран в органы управления своим селом, городом и даже страной. Какая ответственность и какая честь! И нам следует быть достойными своих законов.

Великое преимущество Конституции СССР в том, что все права и свободы, записанные в ней, — это реальные права и свободы. Они гарантированы всем строем нашей жизни.

А. НОВИКОВ,
доктор философских наук

Алена Беляева (4-6 класс): что Конституция — это документ, в котором записаны все права и все обязанности советских людей. Мы еще пионеры, мы живем по законам пионеров Советского Союза. Но мы тоже станем взрослыми, и новая Конституция станет и нашим законом. Наше правительство и государство проявляют большую заботу о людях, и особенно о нас, детях... Теперь мне стало особенно понятно, почему мы в школе празднуем День советской Конституции. Теперь я знаю,

Лена Петрова (7-6 класс):
— В статье сорок пятой Конституции говорится, что гражданам СССР имеют право на бесплатное образование. Я хочу сказать именно об этой статье. Когда мы, советские дети, учимся, мы и не задумываемся о том, сколько стоит нашей стране наше образование. В капиталистических странах многие дети вообще не учатся или имеют возможность на очень малое образование, так как в

капиталистических странах обучение стоит очень дорого... Выучившись, мы имеем право выбрать и профессию по душе. В то время как в странах капитала люди согласны на любую работу.

Наша Родина заботится о том, чтобы советские люди постоянно повышали свое образование. Когда я вырасту, я обязательно буду ткачихой. Свою профессию я выбрала сама, а государство поможет мне выучиться на ткачиху...

Наташа Чистова (7-а класс):

— Когда мы обсуждали проект Конституции, меня заинтересовала статья, в которой говорится о здравоохранении нашего народа. Мы живем в совхозе «Детскосельский». У нас построен свой хороший санаторий для тружеников совхоза. Моя мама лечилась в нем. Никуда не нужно ездить, все под рукой. Это настоящая забота государства о тех, кто трудится.

И о здоровье детей говорится в Конституции. У нас в школе есть врач и медсестра, они

следят за нашим здоровьем, делают нам прививки, чтобы мы не болели, росли здоровыми и выросли настоящими строителями коммунизма...

Лена Благушина (5-а класс):

— В проекте Конституции сказано, что каждый человек имеет право выбрать профессию по душе, и я хочу стать строителем!

Моя мама работает строителем. Она рассказывала мне, что раньше их труд был значительно тяжелее, много надо было делать вручную. Сейчас на помощь строителям пришла техника...

Мы учимся в светлой школе, которую нам подарила Родина. И наша обязанность — беречь школу, соблюдать чистоту и порядок в классе. А есть ребята, которые не прочь написать на стене, сломать «нечаянно» стол или стул... Думаю, если они внимательно вчитаются и вдумаются в этот исторический документ — Конституцию СССР, то они обязательно изменят свое отношение и к школьному имуществу, и ко

всему тому, что нам бесплатно предоставляют наша Родина и правительство.

Лена Киселева (7-й класс):

— В проекте Конституции сказано, что каждый человек может и должен учиться. Даже больше того, у каждого человека должно быть среднее образование, полученное или в школе, или в ПТУ. ПТУ только у нас в Ленинграде больше двухсот, а это значит, что можно выбрать любую профессию по душе. Когда я вырасту, я обязательно буду закройщицей в ателье, и я знаю, что получить эту профессию мне поможет наше государство.

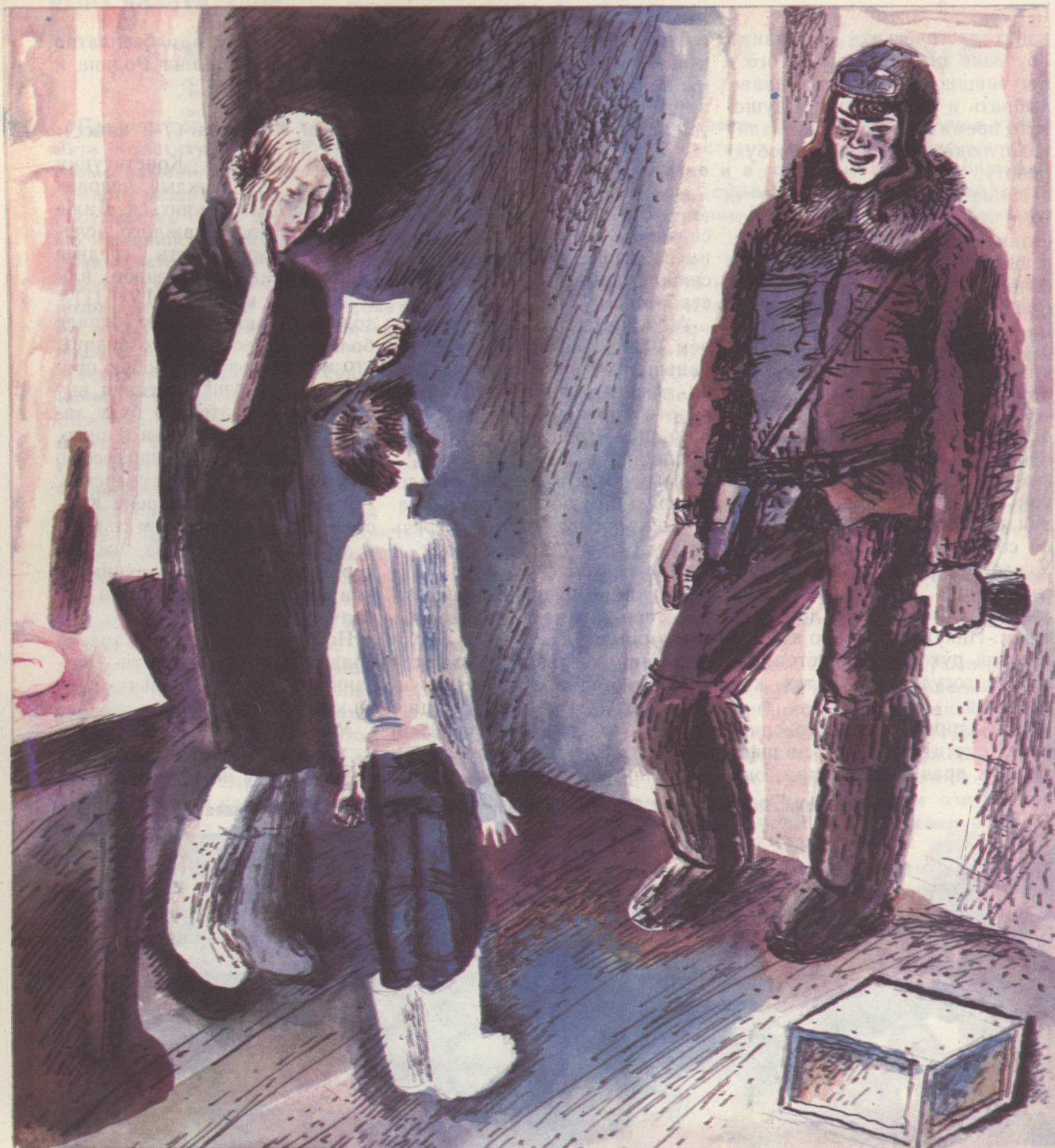
Мы обсуждали проект Конституции в пионерском лагере, и тогда же я узнала, что за хорошую учебу в техникуме или институте государство выплачивает стипендию.

Но у человека есть не только права, но и обязанности. Обязанность нас, школьников — на совесть учиться.

Мне радостно сознавать, что я живу в Советской стране. Хорошая у нас Конституция.

Лена Киселева, Лена Петрова, Наташа Чистова, Лена Благушина, Алена Беяева

РАССКАЗЫ

ПОСЫЛКА

О. ОРЛОВ
Рисунки И. Дяткиной

Зимой от папы пришла посылка. Вернее, посылку привез летчик. Летчик летел еще дальше на север, но в Архангельске самолет сделал посадку, и летчик взялся доставить отцовскую посылку.

Посылку он привез поздно вечером. Он торопился обратно на аэродром и даже отказался выпить чаю, как мама его ни уговаривала.

Еще он передал письмо от папы — маленький

треугольный конвертик. Мама сразу же стала читать и все говорила летчику: «Простите... я сейчас... я быстро...» И, отрываясь от письма, спрашивала, как там папа.

— Воюет, — сказал летчик. — Новые самолеты вот получаем... А с Петром Ивановичем, с мужем вашим, мы в одной эскадрилье. Он мой ведущий, а я его, значит, прикрываю... Василий меня зовут. Василий Васильевич...

Потом он посмотрел на свои наручные часы и заторопился. Он крепко-крепко пожал мою руку, осторожно тряхнул мамину и отдал честь.

— Прилетайте еще, Василий Васильевич! — сказала мама. — И прикрывайте там друг друга получше... Если можно...

— Сделаем, — сказал летчик и ушел.

А мама еще долго смотрела в окно, на улицу, в темноту, куда ушел этот совсем незнакомый нам летчик.

Потом мама снова стала перечитывать папино письмо.

Она, наверное, и забыла про посылку. Но я-то не забыл. Тем более что посылка была большая и тяжелая... Я принес клещи и начал ковырять крышку. Гвозди заскрипели, посыпались щепки. Сразу запахло съедобным. Сверху, правда, было несъедобное, какая-то шерстяная вещь для мамы... Но зато дальше, завернутые в бумагу и старые газеты, были и колбаса, и блестящие банки консервов, и шпиг, и печенье, и конфеты... Просто богатство какое-то!

Все выложил я на стол, все бумажки перебрал, чтобы ничего не затерялось...

— Ух ты! — только и мог сказать я.

— Ах как хорошо, — сказала мама. — Как раз завтра воскресенье. Вот и устроим пир. — И она принялась все убирать со стола в буфет. Мне она дала только два печенья, кусочек твердой копченой колбасы и конфету...

Назавтра нас с Женькой послали по важному делу — обойти всю родню.

Родни было много. И дедушкина родня, и бабушкина.

Дядя Веня, старый капитан, жил одиноко в Соломбале. Тетя Паша, бабушкина сестра, — на Кузнечихе. Возле базара в низеньком кирпичном домике проживала семья Мясоедовых. Далековато жили дядя Салтыковы — за Двиной, возле лесопилки. А тетя Сима, старенькая-престаренькая и совсем глухая, та жила еще дальше, в самых Пустошах... Мы ей долго не могли втолковать, что вечером ее ждут у нас в гости.

Потом еще были дядя Коля с тетей Наташей, дядя Филипп, ослепший от мелкой ювелирной работы, и тетя Фима, горбатенькая...

На севере у всех почему-то очень много родственников и все друг друга знают и уважают...

Всех обошли мы с Женькой, весь день пробегали. А день был солнечный, снег пушистый. И было весело оттого, что вечером нас ждал пир...

Когда мы с Женькой прибежали домой, в доме уже пахло шанежками и в большой комнате мама накрывала на стол.

Первым пришел дядя Веня. Он был человек аккуратный и пришел точно. Они с дедом сели в сторонке и начали вспоминать, как в молодости плавали на кораблях.

Потом пришла тетя Фима. Она деликатно села в уголке. Потом дядя Коля с тетей Наташей. Потом дядя Салтыковы. Потом все Мя-

соедовы, и сразу стало шумно. Потом пришла тетя Сима, и сделалось совсем шумно, потому что она хотела понять, зачем все собрались, и ей приходилось кричать в самое ухо... Потом пришел дядя Филипп и чуть не опрокинул бабушкин фикус. Фикус схватили Мясоедовы, а дядю Филиппа под руки отвели и посадили в большое кресло. Наконец пришла бабушка с шанежками и пригласила всех к столу. Пир начался...

...Короче говоря, вся посылка была съедена. Я, правда, наелся досыта.

Но вечером, укладываясь спать, я горестно вздохнул. Мама посмотрела на меня и все поняла. Она поняла, что мне было жаль этой съеденной в один вечер посылки.

— Знаешь, — сказала она, — иначе ведь нельзя. Мы должны были поддержать всех стариков... Хоть на один день, да поддержать... Да и на всю жизнь, сынок, не наешься...

Но все равно мне было жалко посылки, ничего уж тут не поделаешь. Если бы только нам с мамой — так хватило бы надолго... Нет, не с мамой, а с Женькой, с бабушкой, с дедушкой, конечно...

На следующий день Женька спросил меня: «Тебе сколько печенья вчера досталось? Мне — шесть штук! И четыре конфеты... Эх! Не надо было нам с тобой всю-то родню обходить...»

— Как? — не понял я.

— А так. Через одного надо было. Нету, мол, дома и все. Тогда бы нам больше досталось... А то вон Мясоедовых семеро, и все любят поесть...

Он еще что-то говорил, но я не слушал. Я вдруг представил себе ужасную картину: наш пир, а на нем родня — через одного... Я увидел стул, где сидел дядя Веня — пустой, и кресло, где сидел дядя Филипп — пустое... И где тетя Сима, и дядя Коля...

— Нет, — сказал я Женьке, — нельзя через одного...

Но тут я замолчал, потому что мне стало стыдно. Я ведь и сам вчера думал почти так же... И ничего я больше Женьке не сказал.

Теперь прошло много лет.

Я вспоминаю всех этих стариков. Они давно уже поумирали, ведь и тогда они были совсем старые.

Но до сих пор я думаю, что все-таки очень хорошо, что они прожили хоть на один день дольше...

СТАРУХА

Была война. Я с матерью жил в деревне неподалеку от Архангельска. Мать два раза в неделю уезжала в город за продуктами, а я оставался со старухой, у которой мы снимали комнату, и ждал мать.

Едва наступали ранние северные сумерки, фашисты прилетали бомбить Архангельск. Вся

деревня выходила смотреть с высокого берега Двины на медленно опускавшиеся на парашютах осветительные бомбы и на разгоравшиеся в разных местах города пожары.

Ахали, топали валенками на морозе. Бывало, что мать в тот день так и не приезжала: не было попутной машины. Я смотрел на зарево и думал, что, наверное, мать не вернется совсем, а я останусь теперь один и пропаду. Замерзнув, я шел в избу. В избе было тепло, но темно: старуха сэкономила керосин.

Я входил и садился на лавку. Старуху я немного боялся. Но я сидел и смотрел, как она в красной полутьме от открытой печи движется по горнице.

Отчаявшись дожидаться матери, я ждал теперь одного: когда старуха позовет меня ужинать. Хлеб для меня мать оставляла ей. Я никогда не просил у старухи поесть и ждал, когда она соберет на стол.

Но прежде она должна была зажечь лампу и пойти в холодные сени, где у нее стояли две большие кадушки. В кадушках, придавленные черными от рассола булыжниками, под дубовыми кругами лежали соленые грузди.

Наверное, старухе не хотелось кормить меня, но я знал, что она меня к столу позовет. Ведь хлеб-то на столе был наш. Тот, что оставляла моя мать. А я считал, что будет справедливым, если я поем немного старухиных грибов, а она поест нашего хлеба.

Старуха не спешила. Она чистила старыми газетами ламповое стекло, подрезала фитиль, несла от печки щепочку с огнем...

Потом выходила с лампой в сени, долго возилась там и возвращалась с целой миской груздей. Это была большая миска! Рядом с ней нашего хлеба было очень-очень мало...

— Иди, что ли, — говорила старуха.

Я подсаживался к столу. Трогал тарелку.

— Без рук, что ли? — говорила старуха. — Клади грибов-то...

В миске лежали кружочки груздей — больших, маленьких, жестких, холодных...

Я тянулся к миске, а старуха смотрела, как я накладываю грибы, словно считала, сколько я положил... Грузди были вкусные. Иногда хрустела на зубах песчинка. Я ел медленно, выбирая коричневые хвоинки и складывая их на край тарелки. Старуха ела еще медленнее

меня. И не притрагивалась к хлебу. Я смотрел исподлобья на старуху и добирал вилкой крошечки и груздевую слизь. И как-то незаметно я съедал весь хлеб...

— Клади, клади еще, — говорила, вздохнув, старуха.

Я снова тянулся к миске. Пожалуй, в конце концов, я съедал много больше грибов, чем старуха... Я набивал живот холодными груздями, и мне становилось холодно. Но все-таки я наедался. Я садился снова на лавку у стены и глядел на желтый огонь лампы. Старуха больше не говорила ни слова. Она, верно, думала, что я съел много ее грибов и что весь хлеб съел тоже...

Лампа горела, и я не шел спать. Я не шел спать еще и потому, что чувствовал, что это будет не очень-то благодарно: наевшись, уйти.

Старуха же обыкновенно после ужина подходила к большому старинному сундуку и поднимала его тяжелую крышку. Я уже знал, что будет дальше.

Из сундука старуха вынимала пиджаки и брюки из хорошей толстой материи, никогда прежде мной не виданной красоты свитера, добротные ботинки, рубашки, галстуки и, наконец, тужурки с золотыми капитанскими шевронами на рукавах.

Все это были вещи старухиного сына. Все, что он привозил из далеких заграничных рейсов.

От капитана не было никаких вестей — об этом мне говорила мать. Наверное, пароход потопили немцы.

Старуха перебирала все это, подолгу держала в руках, встряхивала. Шевроны царапали шелк рубашек. Пахло кожей и нафталином.

Потом все добро убиралось обратно в сундук, и старуха гасила лампу.

Я шел спать. За бревенчатыми стенами начинала шуметь вьюга. Виделось мне страшное: старухин сын качается на волнах моря, замерзший насмерть. И золотые капитанские шевроны сверкают среди черных волн. Я засыпал.

Весной мы с матерью уехали из деревни. Потом кончилась война. И только через много лет, когда я вырос, я понял, что старуха, перебирая вещи сына, делилась со мной своим горем, которого я тогда не мог понять.

ГОВОРИТ „АВРОРА“

Шестьдесят лет назад с борта крейсера «Аврора» ушло в эфир историческое воззвание Владимира Ильича Ленина «К гражданам России».

Радиостанция крейсера революции передала Ленинское воззвание 7 ноября 1917 года в 10 часов утра. А весной этого года группа ленинградских радистов — Георгий Румянцев, Владимир Калинин и Яков Лаповок — получила очередное задание: осмотреть объект, выбрать место для радиостанции, изготовить и установить антенну. В графе «объект» стояло короткое и выразительное — крейсер «Аврора».

На следующий день мы поехали на корабль. Внимательно осмотрев крейсер, стали обсуждать технические детали. И сразу же стало ясно: антенна должна сливаться с очертаниями корабля, то есть быть незаметной, а станцию следует установить в радиорубке, там, где она стояла в 1917 году. Но как сделать антенну неза-

метной, как подвести ее к станции между надстроек и мачт? Для такой ювелирной работы требовались не только умелые, но и очень смелые помощники.

— Знаете, — сказал офицер Евгений Шурупов, — в экипаже крейсера уже есть комсомольцы-добровольцы, которые хотят вам помочь. Думаю, что с этой работой они справятся.

Скоро мы познакомились с этими авроровцами. К тому времени Яков Лаповок и Владимир Калинин рассчитали и сделали антенное устройство,

настроили и проверили конструкцию на всех режимах в лаборатории. С Александром Ивановичем Сазоновым мы привезли устройство на крейсер. И три матроса, осторожно подняв антенные лучи, понесли их вверх, словно акробаты, хватаясь за почти невидимые тросы и выступы обшивки. Они работали стремительно и точно. Никто, пожалуй, не смог бы так бережно и аккуратно смонтировать на большой высоте хрупкую конструкцию антенны, как смонтировали ее старший матрос Виктор Симдянкин, старшина второй статьи Владимир Котов, матрос Александр Панин.

И вот наступил торжественный момент. Александр Иванович Сазонов — один из старейших советских радистов — включил радиостанцию:

— Говорит Ленинград! Говорит город Ленина! С борта крейсера «Аврора» работает главная радиостанция Всесоюзной радиоэкспедиции «Октябрь-60».

В тот день в самых дальних уголках планеты радиолюбители настраивали коротковолновые приемники на ленинградскую волну — почетно установить связь с радиостанцией легендарного крейсера. На русском, английском, французском, испанском языках во многих городах и поселках планеты операторы вызывали U60A — юбилейный позывной «Авроры». А установив связь, тут же передавали в ответ: «Советский Союз, «Аврору» слышим хорошо!»

Рассказ начальника Ленинградской радиотехнической школы ДОСААФ Якова Федоровича КОЛОМИЙЦА записал В. ШУРЛЫГИН

Радиостанция «Авроры»

УЛИЦА КРЕМСА

Алексей САМОЙЛОВ

Может быть, вы слышали про это крупнейшее месторождение природного газа в Коми АССР, откуда берет начало газопровод «Сияние Севера»? Газ, который горит у нас на кухнях, несется по трубам тугой волной отсюда — из Вуктыла.

Геолог Андрей Яковлевич Кремс взял на себя громадную ответственность, когда осенью шестьдесят шестого года в кабинете министра газовой промышленности СССР А. К. Картунова заявил, что он гарантирует на Вуктыле такие запасы газа, что можно немедленно, не ожидая защиты месторождения в ГКЗ (Государственной комиссии по запасам): на это ушло бы минимум два года, — начать промышленную эксплуатацию месторождения и строительство газопровода Север — Центр. Немедленно!

— Голову на отсечение даю, есть в Вуктыле миллиарды кубометров газа, — говорил он на совещании в Москве. И сто пятьдесят его коллег-геологов, и министр Картунов поверили Кремсу. И не потому, что он так смело сказал, а по-

тому что привел очень убедительные научные доводы, защищая Вуктыл.

Правительство разрешило — в порядке исключения — немедленно приступить к строительству газопровода.

После этого случая министр Картунов, человек исключительного мужества, Герой Советского Союза, стал называть Кремса «самым смелым геологом страны».

За досрочное выполнение заданий первой нефтяной пятилетки Кремс был награжден орденом Ленина, за открытие нефтяных и газовых месторождений в Коми АССР ему присвоено звание Героя Социалистического Труда, он — дважды лауреат Государственной премии СССР.

— Запишите мой новый домашний адрес, — сказал мне знакомый инженер из объединения «Коминетфть». — Ухта, улица Кремса, дом...

Я уже знал, что Кремса нет в живых, но еще не знал, что есть улица его имени.

Раньше на улице Кремса жил сам Кремс. Улица тогда называлась Студенческой. Кремсу

очень нравилось жить на улице с таким молодым названием.

— Знаете ли вы, как в Азербайджане определяют возраст человека? Я сам бакинец, а родился в устье Куры, в районе, знаменитом в оные времена хлопком и малярией. Так вот, в тех краях, когда человеку переваливает за полвека, советуют вести отсчет прожитых им лет от ста. Мне, стало быть, по бакинскому исчислению стукнет на днях ровно двадцать пять.

В ту нашу первую и последнюю, как оказалось, встречу Андрей Яковлевич Кремс готовился отметить свое семидесятипятилетие.

Термометр на здании объединения «Коминетфть» показывал тридцать шесть градусов выше нуля. Мы брели по тенечку — поэт, прозаик, два художника и два журналиста. В это воскресенье у нас был деловой визит.

И вскоре в доме № 3 на Студенческой улице мы, шестеро взрослых людей, давно уже вышедших из студенческого возраста, почувствовали себя школярами.

По стенам кабинета стояли

застекленные стеллажи. На них — книги, фотографии и камни. Много камней — образцы пород, какими богата здешняя земля.

На один из стеллажей Кремс повесил геологическую карту Тимано-Печорской нефтегазовой провинции, усадил нас за длинный стол, взял указку, откашлялся и... повел нас за собой к океану...

Слушая потом наши вопросы, он достал слуховой аппарат: тогда подумалось, что это — единственное, что выдало его преклонный возраст, но мы ошиблись — из-за перенесенной в юности болезни он не слышит без специального аппарата уже более полувека.

А вообще-то в нем ничего старческого. Низкий, приятного тембра голос. Крупная седая голова, за столом сидит прямо, не горбясь. Жесты плавные, выверенные. В нем чувствуется сила.

Что может быть увлекательнее, интереснее, чем познавать? Кремс разграничивал два эти понятия — «учиться» и «познавать».

Учиться можно из-под палки, а познавать только по доброй воле, томиться духовной жаждой и утолять ее. Учиться можно, перегружая память, а можно пройти самому — за шагом шаг — путь, которым шел первооткрыватель.

Кремс не был бы Кремсом, если бы только сетовал на небожизненную ленивую молодежь, не желающую познавать, а предпочитающую более легкое занятие — учиться, да и учиться-то далеко не всегда с должным рвением. Он основал в Ухте Малую академию наук. На ее десяти факультетах учатся познавать ухтинские старшеклассники, поступающие потом на работу техниками или получающие рекомендации в вузы.

Сначала он задумал создать академию юных геологов и геофизиков, но интересы ребят оказались столь разнообразны, что геолого-физический стал лишь одним из десяти факультетов, наряду с химическим, математическим, историческим, литературным...

— Лучше пусть в нашей Малой академии ребята переходят с факультета на факультет, чем потом будут менять институты, — говорил Андрей Яковлевич.

Каждой осенью Академия производит набор, каждой осенью четыреста пятьдесят ухтинских школьников приходят в Малый зал Дома культуры, в Ухтинский Дом пионеров, редакцию городской газеты «Ухта», в аудитории Индустриального института слушать лекции.

Я встречал потом в геологических партиях ребят и девушек, прошедших академию Кремса.

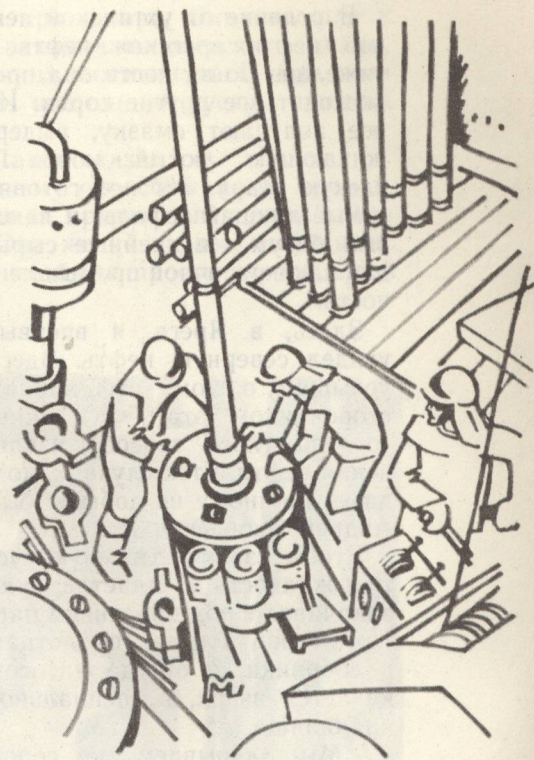
Сам Кремс почти половину своей жизни был занят познанием недр холодной ухтинской земли. Кремса, ученика и соратника выдающегося советского ученого-нефтяника Ивана Михайловича Губкина, называли маршалом нефтяной геологии.

— Самая интересная геология, молодые люди, — сказал он нам наставительно и развел руками, мол, ничего не попишешь, так оно и есть, — это геология нефтяная. Ибо нефть и газ — подвижные вещества. Надо думать и думать, как с ним подобраться.

Мне никак не удавалось увидеть нефть. Нефть скрыта от глаз. На действующих скважинах Коми АССР всеми процессами управляют автоматы, а нефть где-то там, внутри непрозрачных емкостей. В трубопроводе ее тоже не увидишь.

Обидно столько ездить по буровым и нефтепромыслам и не увидеть, как выглядит «горючая вода густе», как называли первую российскую нефть в конце шестнадцатого века, когда из этих мест привезли в Москву несколько ведер этой самой горючей воды.

И вдруг всего в тридцати километрах от Ухты я увидел нефть не просто в пробирке (как в музее Ухтинского геологического управления), не в ведре (как видели ее царь и бояре в Москве), а прямо в пласту. Для этого пришлось поехать в поселок Ярегу и спуститься под землю.

Рисунки
М. Беломлинского

В отличие от ухтинской легкой нефти ярегская нефть — тяжелая. По вязкости она превосходит все другие сорта. Из нее получают смазку, выдерживающую лютый мороз и адскую жару. Из нее готовят самый лучший асфальт и лаковый битум — ценнейшее сырье для лакокрасочной промышленности.

Здесь, в Яреге, я впервые увидел северную нефть. Здесь услышал о том, что давним сторонником этого необычного — шахтного способа извлечения нефти в тех случаях, когда ее по-иному не добыть, был Андрей Яковлевич Кремс.

Чтобы извлечь тяжелую густую жидкость из пластов, туда закачивают под давлением пар. Потом она стекает по лоткам в сборники, а оттуда насосом качается вверх, в специальное хранилище.

...Мы закрываем за собой дверь квартиры № 22 с табличкой: «Кабинет геологии нефти и газа Коми АССР». Ниже этажом, в квартире № 21, живет Кремс.

— Мне ближе всех в Ухте до работы — ровно пятнадцать секунд.

На улице Студенческой — благодать. Жару сдуло северным ветерком, можно дышать и разговаривать.

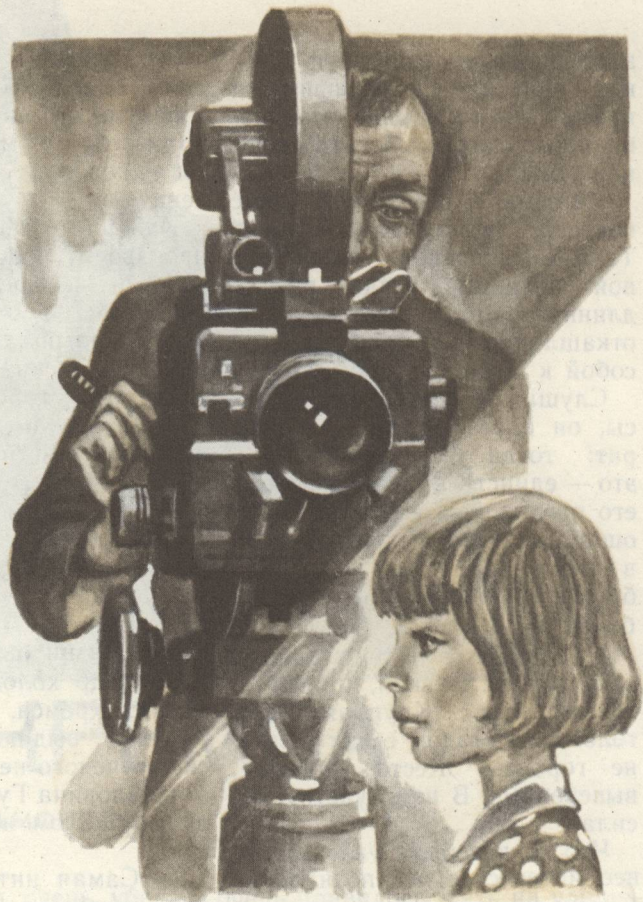
Мы идем к Дому пионеров и останавливаемся у мемориальной доски, где среди имен погибших во время Великой Отечественной войны бывших ухтинских пионеров есть имя и Левы Кремса.

Сыну геолога было девятнадцать, когда в сорок втором он погиб в воздушном бою под Ленинградом.

Мы стоим у мемориальной доски, и я думаю о том, как надо жить, чтобы было что ответить на главный, по мнению профессора, вопрос: «Что ты сделал в своей жизни?»

Андрей Яковлевич Кремс, как и его сын, ответил на этот вопрос всей своей жизнью.

Теперь, когда я прилетаю в Ухту, я непременно иду на улицу Кремса, тихую и зеленую. И слышу его низкий голос: «Познавайте, молодые люди, познавайте!»

девочка, хочешь сниматься в кино?

ПОВЕСТЬ

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки К. Швеца

На другой день Инга не пришла на съемку. И тут произошел настоящий скандал. Режиссер кричал на второго режиссера:

— Где Инга?

Второй режиссер спрашивал у ассистента:

— Почему нет Инги?

Ассистент побежал к директору картины:

— Найти Ингу!

Осветительная аппаратура была приведена в боевую готовность. Рабочие стояли на местах. Оператор со своими помощниками выкатил тяжелую кинокамеру «Дружба», как орудие на прямую наводку. Артисты нервно курили в стороне, ожидая начала съемки.

А маленькой героини фильма не было.

Поехали к ней домой. Дома Инги не оказалось.

Поехали в школу. Не приходила она на уроки.

Позвонили в милицию, дежурному по городу. Никаких происшествий с девочкой отмечено не было.

Окончание. См. «Костер» №№ 8—9, 1977 г.

Все ходили мрачные. Никто не смотрел в глаза друг другу, словно каждый чувствовал себя виноватым.

Но больше всех переживала Вика. Она вдруг забыла, что является «девушкой из кино», ей казалось, что пропала ее сестренка, родной человек. Что с ней могло случиться?

— Ребята, она найдется! — говорила Вика товарищам. — Она появится. Все будет в порядке!

В тот же день Вера и Павел сидели в студийном кафе за круглым столиком у окна. Оба были расстроены. Оба думали об одном. Об Инге.

Павел почему-то вспомнил, как Инга разыграла сцену с зелеными яблоками и как он, внимательно наблюдая за игрой девочки, чувствовал в ней не только дарование, но и внутреннюю силу. Она тогда заставила его поверить в эти «зеленые яблоки». Он даже ощутил во рту оскомина.

А Вера думала о темном закутке в нескончаемом коридоре и о том, как она плечом почувствовала горячие Ингины слезы.

— Что-то с этой девчонкой происходит... — вдруг заговорил Павел. — Может быть, она больна?

Вера молчала. Она отхлебывала из белой чашечки кофе и молчала.

Студийное кафе, чем-то похожее на привокзальное, жило своей суетливой жизнью. Кто-то входил, кто-то, глянув на часы, убегал. В двери просунулась голова:

— Потехина здесь нет? — спросила голова. — Потехина вызывают к директору!

Не было в кафе Потехина, и голова исчезла. Неожиданно Вера сказала:

— Павел, я виновата перед тобой. Я не предупредила... у девочки умерла мама.

Павел резко повернулся к артистке:

— Как умерла мама? Когда?

— Еще до съемок.

Вера покачала головой:

— Никто не знал. Узнала... случайно.

Павел отодвинул стул, словно собирался куда-то бежать, но не побежал, а стал расхаживать у окна. За окном шел снег, белые хлопья пролетали совсем близко, и казалось, они сейчас спустятся на волосы, и на бороду, и на плечи режиссера.

Потом Павел повернулся к столику, сел и заговорил возбужденно:

— Почему мне об этом ничего не сказали? Почему молчал отец? Ты понимаешь, в каком свете мы предстали перед Ингой? Она убежала. И я бы убежал, если бы у меня умерла мама, а мне твердили: «Поцелуй маму!» Кошунство!

— Но ведь вначале никто не знал, что умерла мама. Отец думал, что кино отвлечет девочку от горя.

— Отец думал! Ему кошек лечить, а не думать! Кто узнал об этом?

— Вика докопалась. Совсем недавно.

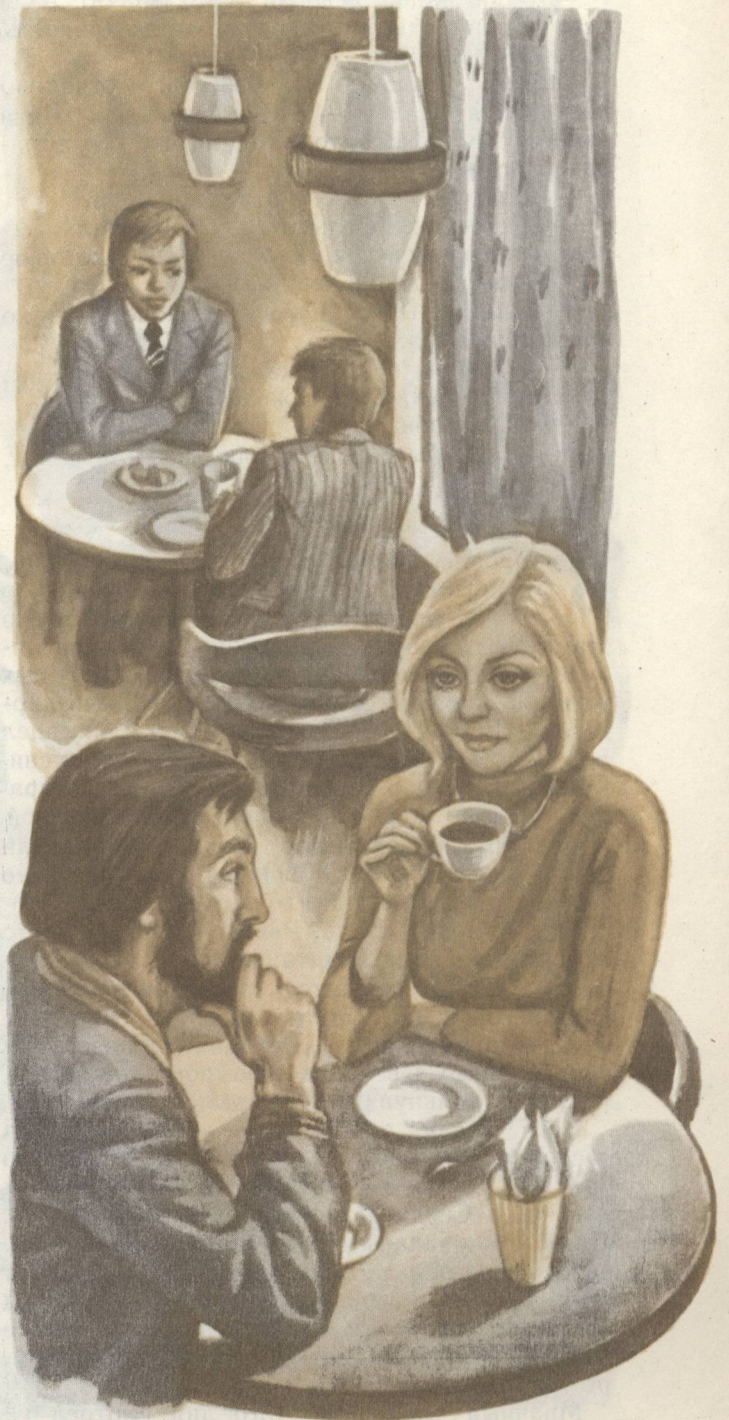
— Надо было сразу сообщить мне! — режиссер стукнул ладонью по столу.

— Сообщать было поздно. Мы боялись, что это тебе помешает.

В кафе вошли три гусара. Они подошли к стойке и стали заказывать сосиски с пивом, а полная буфетчица посмеивалась над ними и говорила, что настоящие гусары сосисок не едят.

Неожиданно Павел сказал:

— Я знаю, почему она сбежала со съемок. Она боялась, что ей придется пережить снова смерть матери. Она же не играет, она живет. Раньше ты для нее была просто ученой, Зоей

Ивановной, теперь ты — Вера. И то, что это не на самом деле, а в кино, ей не объяснишь.

— Я хотела сказать тебе об этом, но ты сам понял. Это хорошо, что ты сам понял.

— Что же делать, Вера?

Вера внимательно посмотрела на Павла и сказала:

— Павел, ты знаешь, чем сценарий счастливо отличается от жизни? В жизни ничего не изменишь. Если человек погиб — его не вернешь. А в сценарии можно спасти.

Глаза Павла широко раскрылись:

— Ты предлагаешь ради одной девочки изменить сценарий?

— Ради одной девочки — это значит ради всех детей. Ведь дети верят в справедливость, в победу жизни. И это — главное!

— Роль вышла из берегов! — отчаянно воскликнул Павел. — Я заметил, как Инга тянется к тебе. Но что будет потом? Ты думала об этом?

— Я боюсь думать, — ответила Вера.

— В плохих фильмах, — продолжал Павел, — папа женится на женщине, которую полюбила его дочь. Хеппи энд!

— Хеппи энд! Счастливый конец! — тихо повторила Вера.

— Но жизнь не похожа на плохие фильмы. Она интересней, хотя тяжелее.

— Инга любит тебя.

— Может быть, и я люблю ее... как дочь...

В глубине парка стоял домик с одним окошком. К домику вела проложенная в снегу тропинка, похожая на молочную реку. Инга подошла к молочной речке и заглянула в окошко. Она увидела двух немолодых женщин, которые сидели за столом и ели картошку. Не боясь обжечься — от картошки шел пар, — женщины ловко счищали кожуру, снимали с картошки мундир и прежде чем отправить в рот, макали в блюде со сметаной. А от жара лица лоснились и ко лбу прилипли пряди сизых волос. Женщины так аппетитно ели картошку, что Инге тоже мучительно захотелось ее попробовать. Разваристую, с пылу с жару, подбеленную сметаной. Она уже решила войти в домик, как вдруг за спиной послышались неторопливые шаги. Девочка оглянулась и увидела мужчину со стеклянным глазом. Он прошел мимо девочки в огромном сторожевом тулупе и, толкнув дверь, скрылся в сторожке.

Инге сразу расхотелось картошки. Она повернулась и побежала в глубь заснеженного парка. Стволы деревьев замелькали черным забором. Сердце застучало громко-громко. Инга остановилась. Прислушалась. И ей показалось, что она слышит, как поет рожь. Этот звук доносился то ли издалека, то ли из-под снега, то ли рождался в ней самой. «Вере нельзя умереть!» — подумала она уже в который раз.

Мрачный человек из того дня смотрел на

Ингу стеклянным глазом. Неужели тот день повторится снова?

Все возмутилось в Инге. Сомнения исчезли. Наступила полная ясность. Не отдать Веру! Спасти ее!

Она шла по пустынному парку мимо ввалившихся в зимнюю спячку веселых аттракционов. На снегу отпечатывались ее маленькие следы. Рядом тянулась цепочка крестиков: прошла ворона.

Пустые качели слегка раскачивались от ветра, похожие на лодочку без парусов. «Чертовое колесо» казалось отлетевшим от огромной колесницы. Сама колесница умчалась неведомо куда на одном колесе.

Инга дошла до карусели. Казалось, она попала в зачарованное царство, которое кто-то недобрый заставил замереть без движения. Вот только что они весело мчались по кругу и вдруг замерли: лошади, припав на задние ноги, лвы в прыжке. Правда, здесь были люди — целая бригада маляров. Они красили лошадок, волков, львов. Это были не простые маляры, а, видимо, молодые художники. Длинноволосые, с бородками.

Инга остановилась у зебры. Зебра была белой. Девушка-художница тонкой кисточкой наносила черные полосы.

— Можно, я попробую? — спросила Инга.

— Как ты сюда попала, подруга? — удивленно спросила девушка-художница. Она была тоненькая, в фартуке с разноцветными пятнами и в очках.

— Там дырка, — сказала Инга и махнула рукой в сторону ограды.

— На, покрась, — сказала девушка-художница и протянула ей кисточку. — Ты с уроков смылась? — спросила она.

— Нет, — сказала Инга, — я не стала сниматься. Сбежала.

— Откуда сбежала?

— Со студии.

— Ты не врешь, подруга? — спросила художница.

Инга сняла шапку, приподняла паричок, снова надела его. И стала красить.

— Трудно сниматься? — спросила девушка.

— Не-ет.

— Почему же ты не стала?

Инга перестала красить, посмотрела на девушку и сказала:

— У нас в кинематографе не все благополучно.

— Ну, ты даешь, подруга! — сказала художница.

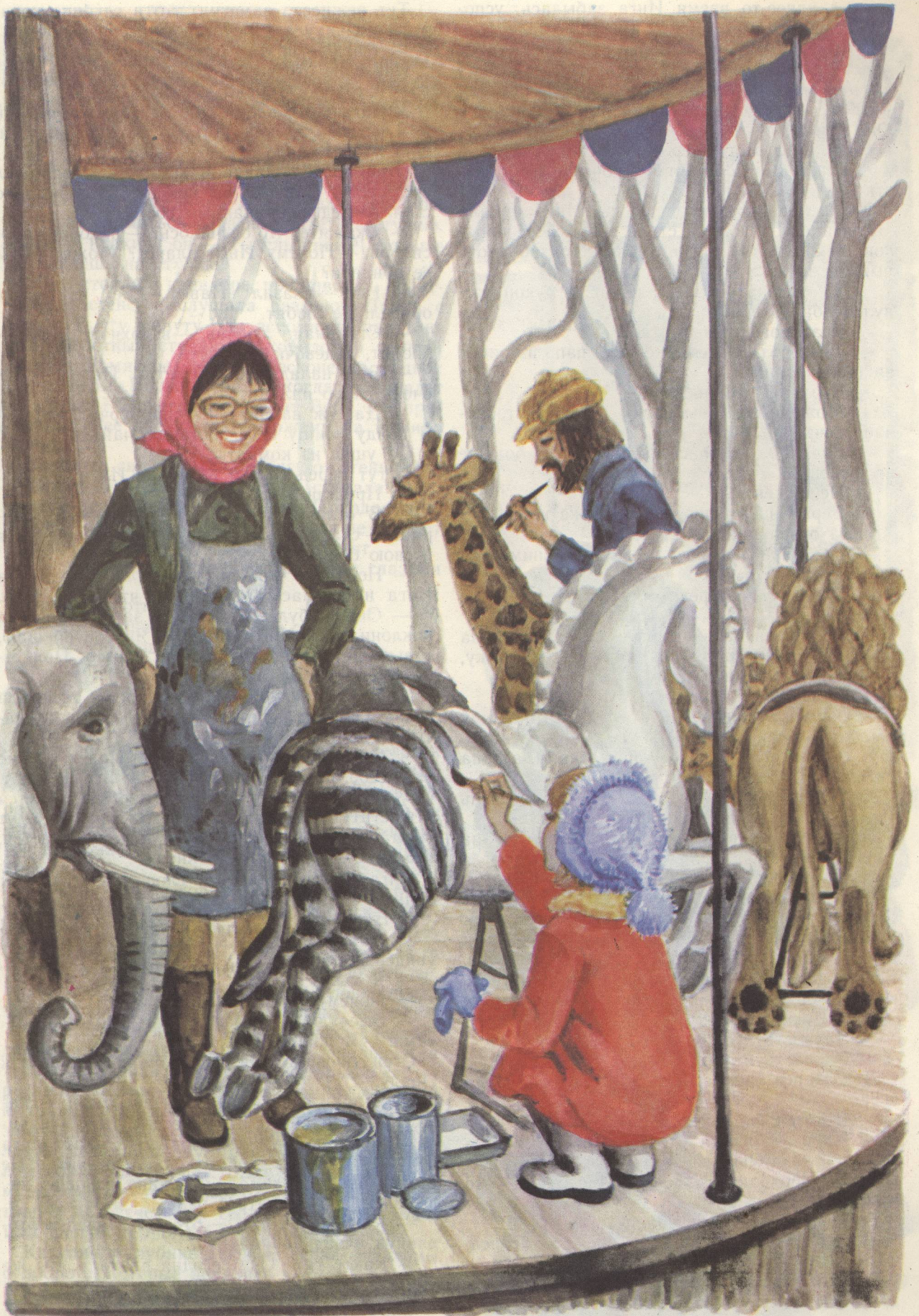
— Красить интересней, — сказала Инга, разглядывая неровную черную полосу, нанесенную кисточкой на бок зебры. — И никто не умирает.

Художница удивленно посмотрела на Ингу.

— Я пойду. Спасибо, — сказала девочка и протянула кисточку.

Художница взяла кисточку и долго смотрела вслед Инге.

— Ну, подруга! — прошептала она.

искусство, мужество и смелость. Но он любил Натю

На какое-то время Инга забылась, успокоилась.

Под вечер она пришла домой и уже не чувствовала себя такой несчастной. Словно за этот день успела далеко уйти от студии и от всех бед, которые ее там подкарауливали. Она как бы очутилась на другом, безопасном, берегу. И с этого берега смотрела на свой вчерашний день спокойно и почти с любопытством.

Когда папа пришел с работы, Инга лежала на диване и рядом на столе высился ее паричок, похожий на шкурку какого-то забавного рыжего зверька.

— Ты больна? — спросил папа и рукой коснулся лба дочери.

— Я здорова, — был ответ.

— Температуры нет, — сказал папа и увидел на столе паричок.

— Что это? — спросил он. — Парик?

— Можешь его выбросить, — сухо отозвалась дочь.

— Зачем же выбрасывать? Тебе он больше не нужен?

— Не нужен.

— Верни на студию. Не твоя же вещь!

Инга отвернулась к стене.

— Все равно выброси. Я больше сниматься не буду.

— Почему? — встревожился папа. — Ты устала?

Инга повернулась к папе, потом вскочила на пол и прижалась к папиному пиджаку, пахнувшему лекарствами.

— Я поеду к бабушке.

— Хорошо, Инга... Ты поедешь. Я напишу бабушке. Видимо, это кино тебе не по силам.

И тут Инга заплакала. Она плакала, а папа утешал ее, гладил:

— Ну, ну успокойся... Больше не пойдешь туда... И все будет в порядке. Слышишь?

Инга постепенно утихла. Успокоилась. Папа ушел на кухню.

Потом вернулся и сказал:

— Никогда не пойдешь!

Очень твердо произнес ветеринар эти слова.

И вот тогда раздался звонок. Папа открыл дверь, и в прихожую вошел Павел Карелин. Его шапка была белая, а борода покрылась инеем, и он был похож на эдакого худого, молодого Деда Мороза.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

Дед Мороз снял шапку, и с нее посыпался снег.

— Я хотел бы видеть Ингу.

— Ингу... — осекся отец, однако после короткого раздумья сказал: — Хорошо, раздвайтесь. Проходите. Я позову Ингу. Нам надо выяснять отношения.

Голос ветеринара звучал сухо.

— Непременно надо, — согласился Павел, и его голос был тоже жестким.

Гость и хозяин холодно посмотрели друг на друга и направились в комнату.

Тут режиссер заметил, что в глубине коридора мелькнула и исчезла фигурка девочки.

— Инга! — позвал отец. — Инга!

Никто не отозвался.

— Странно. Только что была дома.

А Инга в это время сидела в темной ванной и чувствовала, как пылают ее лицо и уши. Она ждала — что будет дальше.

Отец провел Павла в комнату. Предложил ему сесть. Сам же он не сел, а растерянно стоял перед неожиданным гостем.

— Скажите, что случилось? — наконец спросил он. — Почему Инга плачет? Может быть, ее обидели?

— Нет, — сказал Павел. — Ее никто не обидел. Ее любят.

— Странная любовь, — вздохнул папа. — Любят, а девочка рыдает.

— Все наладится, — ответил Павел. — Все очень скоро наладится.

— Да, уж наладится! — пробурчал папа. — Я пойду поищу ее и поставлю чайник.

Он ушел из комнаты.

И тут перед гостем возникла Инга:

— Пришли жаловаться?

— В отличие от тебя я — надежный товарищ, — сказал Павел и всей пятерней вцепился в свою бороду.

— Не хочу, чтоб она умирала, — крикнула Инга и осеклась: вспомнила, что отец дома.

— Она будет жить, — заговорщически наклонился к Инге Павел. — Я тебе обещаю, только не думай, что это так просто. Придется крепко бороться.

— За ее жизнь? — Инга широко раскрыла глаза. Она уже не думала, что сейчас в комнату войдет отец.

— За ее жизнь! — подтвердил Павел. И уже сам себе под нос пробурчал: — Все думают, что кино — это только удовольствие. Рвутся в институт кинематографии. За трешку идут сниматься в массовку. Никто не задумывается, что кино — это трудная жизнь.

Инга не понимала его слов. Но сейчас он больше говорил для себя, чем для девочки.

И тут вошел отец с чайником.

— Нашлась? Где ты была? — он удивился, увидев Ингу.

— Я мыла голову.

— Почему у тебя волосы... сухие?

— Высохли, — сказала Инга и пожалала плечами. — Я пошла?

Отец проводил ее взглядом и подошел к Павлу.

— Я должен перед вами извиниться, — сказал он и подвинул к режиссеру рыжий паричок: мол, не нужен, забирайте, — но Инга больше не будет сниматься... Так вот... Не может она... Я думал, что кино отвлечет ее, поможет зарубцеваться ране...

— Кино и помогло, — ответил Павел и отодвинул назад паричок.

— Какое там! Она сегодня плакала. Вы же умный, светлый человек. Сами должны понимать.

— А вы как врач должны понимать, что лекарства не всегда сладкие. Бывают горькие... Мы с Ингой обо всем договорились. И надо было раньше предупредить нас, что нет ... матери.

— Вы бы не взяли ее?

— Взяли бы! — отрезал режиссер. — Но знали бы, как вести себя с ней.

— Может быть, это было моей ошибкой, — сказал ветеринар, — но я исправлю ее. Инга не будет сниматься. Она не пойдет на студию. Инга! — крикнул он. — Ты слышишь?! Больше не пойдешь на студию!

Инга стояла в коридоре, прижавшись лопатками к стене, и слушала разговор Павла с отцом. В эту минуту она вспомнила запутанный, неудобный студийный коридор и темный закуток и мягкое, теплое, бесконечно родное плечо Веры. Неужели она никогда не попадет на студию? Никогда не увидит Веру. Не прижмется к ее плечу, так похожему на мамино плечо.

Какая-то сила оторвала Ингу от стены. Она решительно вошла в комнату и сказала:

— Я приду завтра на студию. Правда, папа, я приду завтра на студию. Никогда не следует подводить людей, ведь люди работают.

Папа замер, уставившись круглыми глазами на дочь.

Павел коротко бросил:

— До завтра!

И быстро зашагал в прихожую.

Поезд приходил рано. В эту пору зимой утро неотличимо от ночи, а когда человек поглощен одними и теми же мыслями, то утро может показаться продолжением вечера. Перрон был пустынен. Встречающих было мало. Встречающих почему-то всегда меньше, чем провожающих, словно люди больше любят провожать...

Карелин быстро ходил по перрону. Ему было зябко в коротком пальто, которое он, как солдат шинель, носил во все времена года.

Он, конечно, мог бы дожидаться поезда в здании вокзала, где наверняка было теплее, но режиссера мучило нетерпение. Слово поезда придет скорее, если ждать его на перроне...

Режиссер нервничал. Столкнувшись с неожиданными переживаниями Инги, он зашел в тупик. Он знал режиссеров, которые в «интересах искусства» убивали на съемках лошадей и травили борзыми ручного волка. Он был знаком с лозунгом: «Все для искусства». Этот лозунг напоминал ему страшные слова военных лет: война все спишет! Было в этих двух премудростях что-то общее, отталкивающее, противное человеческому сердцу. Никакой хороший фильм не спишет страдания девочки.

Карелин в глубине души не верил в фильмы о доброте, которые делались злом.

На студии говорили: «Снимай по сценарию. Мало ли у кого какие переживания! Кино — искусство мужественное». Но он любил Ингу

и не мог даже ради искусства заставить девочку пережить то, что она однажды уже пережила — смерть матери.

Поезд возник неожиданно. Он выплыл из тьмы зимнего утра. Холодный, в клочьях метели, с окнами, покрытыми серебряной чешуей.

Поеживаясь от холода, автор вышел из вагона. Он близоруко осмотрелся. И приложил руку к уху, которое как-то стремительно начало замерзать.

— Хорошо доехали?

— Хорошо. Полночи не спал... Сосед разговаривал во сне. Но к утру я привык.

— Что же рассказывал вам сосед... ночью... во сне? — улыбаясь спросил Павел.

— По-моему, он звал мать...

— Мальчишка?

— Вы думаете, что мать зовут только мальчишки? Он старый человек. Но, по-моему, он звал маму. Очень уж жалобно разговаривал он во сне... Как ваши дела?..

— Даже взрослые зовут во сне маму, — вздохнул Павел. — У нас непредвиденное обстоятельство. Может быть, придется менять сюжет картины.

Автор перестал тереть ухо: ему сразу стало жарко.

— Как... менять? Худсовет? Предлагают менять?

— Нет. Не разрешают менять... Но я знаю, вы любите детей, поэтому призвал вас на помощь.

Автор молча смотрел на режиссера. Они стояли посреди пустой платформы. Мимо прошли последние пассажиры. Носильщики прокатили свои тележки. Промчался какой-то запоздавший мужчина с живыми цветами. Потом стало пусто. Как в поле. И только два человека стояли под фонарем. словно у них не было другого, более подходящего места для объяснения.

— В чем дело? — растерянно спросил автор и поставил свой командировочный чемодан на снег.

— Второй раз Инга не переживет смерть своей матери.

— Как второй... раз?

Ничего не понимающий, застигнутый врасплох невнятным и сбивчивым сообщением режиссера автор растерянно смотрел на него. Но при этом он не суетился и не задавал лишних вопросов.

Он был автором, а не еловым пнем.

— Я понял... — тихо сказал автор. — Я, кажется, понял. Она будет жить. Врачи сделают еще одно усилие. И жилка на виске тихо забьется. И белые губы потеплеют. И грудь поднимется, чтобы сделать первый вздох после безмолвия, после мертвого штиля. И ресницы дрогнут, как острые стрелки приборов, определяющих присутствие жизни. И она произнесет первые слова: «Где Инга?» Она произнесет их так тихо, что их еле услышит дежурная сестра — санитарный пост. Но эти два слова загрямят на всю больницу. И их услышит

девочка, которая наверняка будет стоять под окнами больницы, не спуская глаз с третьего окна справа на втором этаже. Драма смерти уйдет из фильма под сильным напором жизни. Маленькая девочка своей дочерней любовью отобьет у смерти мать.

Какой сюжет сильнее? Старый или новый? Эти перемены делаются не только ради Инги — добро, сделанное для одного человека, находит отголосок в сердцах многих. Добро не бывает замкнутым, оно распространяется, как тепло, как свет. Оно принадлежит всем!

Инга поверила Павлу, что Вера будет жива, и успокоилась.

Она не замечала, что на студии идет бой за «поправку к сценарию» — так взрослые люди называли выздоровление Веры. Павел ходил всклокоченный, как боевой петушок, и клочья бороды воинственно торчали в разные стороны. У автора поднялось давление, и он тайком глотал лекарства, похожие на конфетки. Оператор ругался по каждому поводу и совсем замучил своего главного козла отпущения — ассистента. Бои вспыхивали в разных местах: в коридорах, павильонах, буфете, кабинетах.

Решающий бой происходил в кабинете директора.

— Сценарий утвержден. Берете на себя ответственность — снимайте по-своему, — сказал директор.

И тут с места встал невысокий черноволосый человек в очках — редактор Хановичус.

— Я возражаю, — сказал он. — Она должна погибнуть, в этом драматический пафос фильма. Зритель не простит нам...

— Мы попросим у зрителя прощения, — сухо сказал Карелин, выпуская из рук бороду, отчего она взметнулась вверх.

— У каждого будете просить прощения? Или через одного? — съязвил Хановичус, снимая очки. Без очков он стал похожим на енота.

— У каждого, — не сдавался режиссер. — Каждый, кто увидит картину, поймет нас.

И тут заговорил директор:

— Подумайте еще раз, товарищи! Взвесьте объективно все «за» и «против».

Хановичус надел очки и перестал быть похожим на енота.

— Редактора вы не слушаетесь, а каприз девчонки...

Карелин не дал ему договорить:

— Каприз девчонки! Да знаете ли вы, что дети в кино не играют, а живут. Это не каприз, а судьба.

— Громкие слова, — пробурчал редактор.

Карелин побледнел.

— Вы когда-нибудь видели страдания людей? — спросил он, обращаясь к Хановичусу. — Например, во время войны.

— Во время войны я был мальчиком, — невозмутимо ответил редактор.

— Я тоже был мальчиком. Но я видел фашистов. Я видел, как они жгли наши дома, как в нашем городе заставляли людей чистить тротуары... зубными щетками... Потом я видел — их везли на расстрел. Я помню их лица. Они ехали на фурах...

— Какое отношение это имеет к делу? — не поднимая глаз, спросил Хановичус.

— Я знаю разницу между капризом девчонки и страданием человека! — сказал Павел и подошел к роялю: — Разрешите, я сыграю? — спросил он директора. — То, что я сыграю, относится к делу.

Директор развел руками. Карелин открыл крышку рояля. Потер ладони о колени, чтобы согреть, и заиграл. И все заметили, что играет он одной левой рукой. Только левой. Всю пьесу левой рукой. В зале притихли, не понимая, что означало это необычное выступление режиссера.

Автор сидел, закрыв лицо руками.

Неожиданно дверь открылась, и вошла Инга. Никто ее не звал, никто не ждал. Она шла мимо и слышала знакомую музыку. Ее играл Павел во время первого знакомства. Эта музыка была грустной и тревожной. Она звучала не как жалоба, а как призыв друзей: быть рядом, не отступать, держаться. Ее исполняли только левой рукой, словно правая была занята: сжимала рукоятку оружия.

Инга услышала музыку-призыв. Вошла. Павел не сразу заметил девочку. А когда заметил, перестал играть.

— Что ты, Инга? — спросил он.

— Почему вы опять играете одной рукой? У вас другая устала?

Павел вдруг встал, закрыл крышку рояля и, обращаясь ко всем присутствующим, сказал:

— Во время первой мировой войны знаменитому австрийскому пианисту Витгенштейну оторвало правую руку. Он был солдатом. И тогда другой солдат, композитор Равель, специально написал концерт для левой руки. Может быть, это тоже называется беспринципностью? Между прочим, Равель вскоре умер от военных ран... Разные бывают капризы. Пойдем, Инга.

Павел положил руку на плечо маленькой артистке, и они направились к двери.

— Снимайте по-своему, — устало, сказал директор и пошел следом за ними.

Солнце, которому зимой полагалось светить, но не греть, неожиданно забылось и стало припекать. Напрасно зима оскалила свои ледяные зубы — сосульки. Не было у этих зубов былой остроты и твердости: они падали на землю и со звоном разбивались. А в довершение всего вместо снега пошел дождь — это зимой-то! И последние островки снега были разгромлены и выброшены.

Больше всех от этих неожиданных перемен страдали кинематографисты:

— Что делать? Ушла зимняя натура! Как снимать сцену «Зимой под окнами больницы»?

Но кинематографисты — народ хитрый и находчивый. Они набирают номер «01» и вызывают пожарных. Все думают, что пожарные машины мчатся на пожар, но они спешат на съемочную площадку. Они — пожарные машины — выстраиваются под окнами больницы и начинают выпускать белую пену. Целые горы пены! И хоть снег растаял — вся земля белая. Словно выпал настоящий снег. Снег вызвали по телефону. Номер снега — «01».

«Я здесь, мама, ты слышишь меня? Я говорю с тобой молча, но ты должна слышать меня... Я знаю, что ты лежишь и не можешь подняться, чтобы подойти к окну... Но ты должна чувствовать, что я с тобой рядом. Я же чувствовала, когда была больной. Все время чувствовала, что ты рядом. Ты только не беспокойся за меня. Я одета тепло. У меня на ногах носки, которые бабушка прислала из деревни. И свитер, который ты сама связала для меня. Правда, он немного мал, я выросла... Но он греет. Он теплый, как твое плечо. У меня немного пощипывает нос. Вот бы уткнуться носом в твое плечо... Но ничего, я подожду, когда ты поправишься. И мой нос подождет, потерпит. Главное, чтоб ты поправилась. Чтобы ты была!..»

Инга не замечала пожарных машин с белой пеной, не замечала софитов, не замечала любопытных, которые всегда собираются на местах киносъемок. Их ни мороз, ни дождь не разгонят. И милиции с ними одно мученье.

— Граждане, пройдите! Вы мешаете съемкам!

— А какой фильм снимается?

— Выйдет на экран — узнаете.

— А Банионис снимается?.. Кто режиссер?.. Вон тот, бородатый?

Перекрывая голоса, в мегафон звучал усиленный в пять раз голос помрежа:

— Гражданка в белой шубе, выйдите из кадра!

Перепуганная гражданка отскочила в сторону: может быть, этот кадр под током?

Нет! Инга не видела и не слышала всего, что происходило на улице перед зданием больницы. Ей казалось, что Вера на самом деле лежит в тихой, пахнувшей лекарствами палате, и оттого, что она, Инга, ходит под окнами, ей легче... Какое это прекрасное чувство — знать, что близкий тебе человек рядом. Пусть даже в больнице, но он есть! Есть! Есть!

Девочке не мешала обычная суета, из которой складывается строгий порядок съемок. Она механически делала все то, что ей говорил Карелин. Натягивала свой рыжий паричок и начинала проход сначала. Снова поднимала глаза. Снова пальцем от угла отсчитывала окна, чтобы найти нужное. Снимали они дубли — второй, третий. Начинали сначала. Но внутри у Инги ничего не прерывалось. Ее

прекрасная жизнь с мамой вдвоем продолжалась. И девочка своим удивительным чувством проникала сквозь каменные стены, сквозь время, подчиняя себе реальную жизнь.

Поглощенная своими переживаниями, Инга не заметила даже отца в толпе любопытных. Его мешковатое пальто и съехавший набор трех затерялись среди других пальто и шапок. Зажатый костистым стариком и девушкой, поминутно встававшей на носочки, чтобы происходить видеть, отец наблюдал за Ингой. Что происходит сейчас с дочерью? Как она очутилась здесь? Почему волнуемое напряжение застыло в ее глазах? А ведь когда-то он замечал у нее именно такое выражение лица! Ах, да, это было еще тогда... Инга ждала у окна, а мама не возвращалась: она часто задерживалась по службе. Девочка всматривалась вдаль, стараясь как можно раньше заметить маму. Вот тогда у нее были так же расширены глаза, и лицо затаило в себе предчувствие встречи... Почему все это вернулось к дочери, а к нему не возвращается?

Старик толкал его локтями. Девушка-коротышка прыгала перед глазами. А он стоял, теряясь в догадках, большой и беспомощный.

Еще в толпе была старая женщина со строгими серыми глазами. Она стояла, опираясь на палку, и внимательно наблюдала за Ингой.

У нее, наверное, болела нога — осколочное ранение в голень, и она старалась по сильнее опираться на палку, и пряди седых волос выбивались из-под платка и касались острых скул. О чем думала фронтовая санитарка, неотрывно глядя на девочку? Может быть, хотела-помочь ей, как помогала людям на поле боя? А может быть, Инга напоминала ей маленькую Веру?

Несколько раз в перерывах между дублями Инга подходила к Павлу и спрашивала:

— Когда она появится в окне?

— Она появится! Ведь она остается жить! Честное слово, Инга! Она остается жить из-за тебя!

Девочка снова подняла глаза к окну, которое теперь находилось сразу, не отсчитывая от края. «Я здесь, мама, ты слышишь меня? Я говорю с тобой молча, но ты должна слышать меня. Ты должна, потому что ты будешь жить... Так сказал Павел, а я верю ему. Ты будешь...»

И вдруг она увидела в окне знакомое лицо! Она не сразу узнала Веру, потому что на голове у нее была белая косынка.

— Вера! — Инга, закричала, хотя по роли она должна была молчать. — Вера, ты будешь жить!

Девочка стояла в белой пене, изображающей снег, а из всех больничных окон смотрели люди в серых халатах. Когда Инга крикнула «Ты будешь жить!» — все услышали ее слова, и каждому показалось, что это к нему обращается маленькая артистка. Маленький добрый пророк!

Безмолвные молнии вольтовых дуг делали пелену лиловой. Гудели пчелиные ульи софитов.

Щелкала хлопущка (номер кадра, номер дубля). Трубный голос помрежа гремел на всюлицу:

— Парень в лыжной шапке, выйди из кадра!

Звучали строгие, как у военных, команды:

— Внимание! Мотор!

Оператор припадал к окуляру, как наводчик орудия, ловавший цель, а Инга не спускала глаз с окна, в котором стояла Вера.

Съемочный день подходил к концу. Инга не слышала, как над площадкой прозвучала команда «Стоп», не заметила, как погасли фиолетовые блики софитов. Белая пена опала — снег растаял... Инга очнулась только когда к ней подошла Вика. Легонько потрясла ее за плечо и, широко улыбаясь, сказала:

— Инга, все! Ты сыграла, как бог. А они еще хотели Брусничкину!

И она звонко чмокнула Ингу в щеку:

— Пойдем, все кончено!

— А где же Вера?

— Сейчас придет твоя Вера, — со вздохом сказала Вика.

Но девочка недоверчиво посмотрела на нее:

— Может быть, Вера на самом деле заболела?

— Что ты! Она здорова. Понимаешь?

— Понимаю... Здорова...

— А когда кончится кино, Вера станет другой? — с опаской спросила Инга.

— Кто это тебе сказал? Глупости! — горячо сказала Вика. — Она же человек!

И, схватив Ингу за руку, потащила ее к вагончику, чтобы смыть с лица грим, стянуть с головы рыжий паричок.

Съемки фильма закончились. Прошел уже месяц, как к школьному подъезду перестала подкатывать машина с надписью «Киносъемочная», и Вика перестала ждать Ингу на ступеньках. Все, что было связано с кино, начинало удаляться, превращаться в воспоминания.

Этот день запомнился Инге вместе с апельсинами в оранжевой пористой коже. Они пламенили на прилавках и казались Инге яйцами, которые в весеннем городе снесла большая южная птица с оранжевыми перьями. Вот будет весело, если из апельсинов вылупятся птенцы! Оранжевой стаей они взлетят над мокрыми крышами, и людей охватит нежданная радость!

В этот день Инга встретилась с Верой.

Они шли по городу, в который ворвался циклон весны. На тротуаре поблескивали лужи, а вместо снега шел дождь. Он касался щек и серебристой пылью оседал на пальто. И вместе с теплым ветром и преждевременным дождем в сердце девочки вливалась радость. Ей хотелось кружиться и петь — она шла рядом с Верой.

— Хорошо, что осталась жива, — неожиданно сказала Инга, заглядывая в лицо Веры. — Ты должна была остаться живой.

— Рассказать о моем папе? — спросила она. — Мой папа очень интересный человек — он лечит коров и собак. Однажды ему привели больного львенка. И представьте — он вылечил! Хотя никогда раньше не лечил львов. Интересно?

— Очень.

— Рассказать, как папа познакомился с мамой? Это тоже очень интересно. У мамы была кошка Флора. Эта кошка упала с балкона. И ей было плохо... Не интересно?.. И вот мама пришла с кошкой к ветеринару. Ветеринар лечил корову. Он сказал маме: «Мне не до кошки!» — «Я буду ждать!» — сказала мама. «Вам долго придется ждать! — сердито сказал ветеринар. — Я провожу до ночи». — «Я буду ждать до ночи!» — сказала мама — Не интересно? Ночью он освободился. Мама все ждала. Он посмотрел на маму, и вдруг заметил, что мама красивая. И он все смотрел и смотрел на маму. А она сказала: «Что вы смотрите на меня? Вы смотрите на кошку». И тогда...

Инга вдруг замолчала и внимательно посмотрела на Веру.

— Что тогда, Инга?

— И тогда они поженились...

Им не хотелось расставаться, и они шли все дальше.

Неподалеку от парка им повстречалась старуха, которая несла за спиной большой пучок соломы. Солома золотилась и излучала нежный, согревающий свет. И девочка подумала, что мудрая старуха не поленилась и в летний ясный день набрала впрок солнечных лучей, чтобы в пасмурный день осветить ими город.

— Конечно, Инга. Я и осталась. Из-за тебя.

— Я спасла тебя? — спросила Инга, искренне поверив в свои слова.

Вера утвердительно кивнула. И Инга почувствовала себя Королевой ужей, которая может не только ходить по земле, но и погружаться на дно озера. Инге захотелось поделиться с Верой своей радостью — рассказать ей о своей жизни.

Инге захотелось сделать Вере что-нибудь приятное, и она сказала:

— Если тебе хочется курить, ты кури. Кури. Вера обрадовалась. Она даже покраснела от радости и сказала:

— Можно, я закурю сейчас?

Она спрашивала Ингу разрешения, как будто Инга была старшей.

Вера тут же подбежала к киоску. Купила сигареты и спички. Она торопилась, словно боялась, что Инга раздумает и заберет обратно свое разрешение. И пока она прикуривала, Инга внимательно следила за ней.

— Вера, можно я буду называть тебя подругой, а ты меня? — вдруг спросила Инга.

Вера вопросительно посмотрела на девочку.

— Ты будешь говорить мне: «Здравствуй, подруга!», а я буду отвечать тебе: «Как дела, подруга?» Меня одна художница называла подругой.

Вера широко улыбнулась, и Инга поняла, что она согласна.

Подул ветер, и дождь полил сильнее. Теперь он хлестал в лицо и уже не оседал пылью, а мочил пальто и шапки. И вдруг Инга посмотрела на другую сторону и увидела Вику. «Девушка из кино» шла нахохлившись, слегка втянув голову в плечи, а руки держала в карманах куртки, чтобы не мерзли. Кондукторская сумка свободно болталась на плече. Вика наступала в лужи, потому что ей некогда было смотреть под ноги: она вглядывалась в лица прохожих, словно кого-то искала. Инга подумала, что Вике наверняка холодно в легкой куртке с капюшоном и у нее промокли ноги. И, может быть, она голодна, если не успела перехватить в буфете сморщенный пирожок, потому что самой готовить ей некогда и она не знает, когда класть в суп морковь...

Инге захотелось позвать Вику, но «девушка из кино» мелькнула и затерялась в потоке прохожих. Она была занята своим трудным делом: из тысячи незнакомых людей выбирала героя нового фильма. И, казалось, сейчас за углом она остановит бегущую школьницу и спросит:

— Девочка, хочешь сниматься в кино?

Поздравляем с наградой!

У памятника Александру Матросову

„У МЕНЯ ОТЛИЧНЫЕ РЕБЯТА!“

Мы идем с ним по центральной улице в сторону парка. На дворе поздняя осень, и листья с лип и тополей, высаженных вдоль тротуаров, почти все облетели. Они попрятались от метлы дворника в придорожные канавы, забились в отверстия чугунных решеток, которые окружают стволы старых лип, прилепились к железным крышам зданий.

Сегодня воскресенье, и на улицах много людей. Мой спутник то и дело отвечает на приветствия знакомых. Две девочки идут нам навстречу по другой стороне улицы, машут:

— Привет, Алеша!

Он тоже улыбается и машет им.

— Салют! — слышим мы с автобусной остановки. Это Алешу приветствуют мальчишки со спортивными сумками через плечо.

— Завтра после работы приду, — на ходу говорит им Алеша. — Скажите Саше Андрееву, чтобы принес в школу альбомы со своими рисунками...

Если у вас будет время, приходите, — говорит он мне, — познакомлю с отличными ребятами!

Я еще не был в средней школе № 5, но представляю себе

этих ребят, о которых мне так увлеченно рассказывает Алеша Кондратьев, фрезеровщик Великолукского радиозавода... Это Бойкова Ира — командир пионерского отряда, Света Блинова, Саша Рожков, Алеша Одинцов, Света Иванова...

Мы поднялись на мост. Ловить в этом году совсем обмелела. Посредине реки желтели водорослями, вяло зеленели пучки водяной травы. На серых валунах сидели скучные вороны и задумчиво смотрели на проходивших по высокому мосту людей, на едущие машины. Прямо перед нами на гранитном постаменте — фигура воина в полушубке, каске и с автоматом в руках. Этот бронзовый памятник знают все в нашей стране. Он — Александр Матросову.

В этом городе прошло мое детство. Я помню, как из деревни Чернушки, где был похоронен Матросов, его прах перенесли на это самое место, помню, как пионеры шли за гробом к месту захоронения. Шли трудящиеся, воины полка, в котором служил герой.

Неподалеку от памятника стоит красивое здание из стекла и бетона. Это музей боевой

В гостях у водителя

комсомольской славы имени Александра Матросова.

— Я часто бываю здесь с ребятами, — негромко говорит Алеша. — Мы никогда не видели войны — ни я, ни ребята, но вот, постояв здесь у памятника Александру Матросову, побывав в музее, начинаешь не только умом, но и сердцем понимать, что для нас, людей нынешнего поколения, сделали деды и отцы.

В старом парке гуляет ветер, он с тихим шорохом гоняет по желтым тропинкам скрюченные листья, шумит в кронах огромных деревьев. В Ловати отражается Крепостной вал. На валу в серое небо воткнулся остроконечной вершиной монумент. Это памятник латышским воинам, погибшим во вторую мировую войну при освобождении города Великие Луки.

Я хорошо знаю этот город, могу сказать, в каком году построен тот или иной дом, откуда берет начало Ловать и куда впадает. Я когда-то работал в местной газете и брал интервью у героев войны и труда, а вот сейчас идет со мной рядом симпатичный двадцатилетний паренек, о котором хочу написать очерк для журнала «Костер», а он ничего не рассказывает о себе, утверждает, что ничего в своей жизни значительного не совершил, что у него самая обычная биография, на подстраничке помещается! И он рад бы мне помочь, но не знает как...

Ну что он может рассказать о себе? Когда родился, пошел в школу, потом на завод — и все? Вот о своих ребятах, с которыми он был летом в пионерском лагере «Космос», пожалуйста...

Или вот еще о неразлучных друзьях — Саше Рожкове и Алеше Одинцове. Эти два мальчика совершенно не похожи: Саша болезненный, а Алеша — лучший спортсмен в классе. И вот когда Саша заболел, первую четверть не ходил в школу, то Алеша даже забросил любимый спорт: каждый день навещал друга и помог ему подготовиться. Когда Саша пришел в школу, у него не было ни одного «хвоста»...

— Алеша, — спрашиваю, — почему ты пошел на завод, а не в техникум, почему стал вожатым?

— У нас на заводе много вожатых.

— Ты же не только работаешь, но и учишься?

— Разве я один?

— Работаешь, учишься, почти все свободное время — у подшефных ребят. Трудно?

Алеша задумывается, потом улыбается:

— Знаете, я об этом не думал, трудно ли мне. Мне просто интересно работать, учиться, заниматься с ребятами... Интересно жить. Если я не увижу своих мальчишек и девочек хотя бы неделю, я не нахожу себе места. Скучаю без них... Зато сколько они мне нового, интересного расскажут при встрече! Пойдемте завтра со мной в школу! Мы будем стенгазету делать. Саша Гайченков снимает, как профессиональный фотограф.

Я видел, что Алеша Кондратьев действительно такой человек: все, что он делает, естественно. Он прав, ему интересно жить!..

...Серьезный разговор, круто изменивший жизнь Алеши, состоялся дома, после того как он закончил восьмой класс.

— Я пойду работать, — заявил он родителям.

Его никто не отговаривал: положение в семье Кондратьевых было тяжелым, отец болел, зарплаты матери на все не хватало. Он верил в свои силы. Ничего не изменилось, кроме того, что он теперь по шесть — семь часов работал на заводе.

Первая его специальность — автоматчик-станочник. Есть люди, которые с жадностью хватаются за любое дело, потом быстро остывают, так и не овладев мастерством. Алеша — другого сорта человек: уж если за что берется, то не отступает. Ему нравилась своя работа, но когда молодые рабочие взяли обязательство овладеть еще одной профессией, Алеша перешел на фрезерный станок, на котором и работает до сих пор.

А потом Алеша Кондратьев пришел в 6«а», куда его комсо-

мольская организация завода послала вожатым.

Никогда Алеша не думал, что это комсомольское поручение изменит его жизнь.

Тридцать шесть пар глаз изучали вожатого, ожидали, что он скажет.

А он, глядя на них, думал: «Вам-то, чертям, хорошо: сидите и смотрите, а мне нужно что-то делать...»

Он достал из кармана заготовку, необработанный кусок металла, и пустил по рядам. Ребята с недоумением рассматривали, пожимали плечами. Обыкновенная железка.

— А это зачем? — полюбопытствовал Саша Рожков.

— Я думал: будет фокус. Была железка... Раз, два, три... выскочит какой-нибудь кролик.

В классе засмеялись.

— При желании можно ее и в кролика превратить. — Алеша достал из кармана куртки сверкающую шлифовкой деталь. — А вот эту штуку я час тому назад сделал из такой же заготовки.

Деталь пошла гулять по классу. На этот раз ребята долго не выпускали ее из рук, рассматривали, гладили.

...Эта первая встреча произошла два года назад. С тех пор много воды утекло. Алеша стал своим человеком в классе.

Если он хотя бы один раз не пришел, сколько потом было упреков, даже если причина была уважительной. Собирать макулатуру или металлолом?

Ребята всегда с удовольствием занимались этим, если с ними рядом был Алеша. Фантазии у него хоть отбавляй! Собирая старые газеты, ребята мысленно уже видели на прилавках книжных магазинов пре-красно изданные новые книги, такие, как «Остров сокровищ», «Робинзон Крузо», «Дон-Кихот».

Праздником стали походы на завод, где работает Алеша. Ребята познакомились со всеми рабочими цеха, многих мастеров Алеша приводил в школу, где они рассказывали ребятам о своей профессии. Когда учащиеся появлялись в цехе, рабочие уступали им свои места у станков и показывали, как нуж-

но обрабатывать металл. Самое удивительное — девочки не отставали от мальчиков: им тоже хотелось поработать на станке...

Говорили не только о профессии, но и о рабочей гордости и чести, о высоком звании рабочего человека. Когда Алеша становился за свой фрезерный станок, включал пульт и грубая заготовка превращалась в законченную деталь, все без исключения восхищались вожатым.

Таким был Алеша в механическом цеху. Совсем другим он был в пионерском лагере «Космос», где несколько летних месяцев в году он проводит вместе со своими подшефными. Здесь он свой парень. Алеша мало чем отличается от школьников. Такой же выдумщик, фантазер. В любой игре первый заводила. Случалось, ему наравне с другими ребятами за некоторые выходы влетало от старшей пионервожатой...

Когда вечером на берегу живописного озера у пионерского костра школьники исполнили подготовленную специально для него популярную песню «Замечательный вожатый есть, друзья, у нас...», весь пионерлагерь стал аплодировать, и, наверное, Алеша в первый раз по-настоящему смутился... А потом малыши несколько дней не давали ему покоя, спрашивали: «Алеша, а ты вправду играешь за «Зенит»? Дело в том, что в этой песне есть и такие слова: «...а недавно наш вожатый за „Зенит“ играл в футбол».

В пионерлагере ребята каждый вечер собираются вокруг Алеши, идут с ним на берег озера, разводят костер, и начинаются бесконечные рассказы о путешествиях. Это любимая Алешина тема. Ему самому не так уж часто приходится выезжать из Великих Лук, но он большой любитель разных путешествий. Уже несколько раз организовывал экскурсии в Москву, Ленинград.

Казалось, только что был день, а уже из-за Крепостного вала ползут ранние осенние сумерки. Свинцовая вода в Ловати еще больше потемнела, а на песчаных проплешинах посередине реки нахмурились камни-валуны. В парк прилетели галки и с криком устраиваются на ветвях.

Алеша поднял кленовый лист. Лист широкий, разлапистый, казалось, уходящее лето оставило на нем яркий багрянец.

— Ира Бойкова любит собирать осенние цветы, — задумчиво сказал он. — Наберет целую охапку, а потом раздает всем. И каждому листу придумывает название... А Света Блинова любит с моста бросать листья в Ловать.

Он вдруг положил лист на ладонь, дунул: кленовый лист, медленно колыхаясь, опустился в воду.

— Пускай плывет, — обернувшись, сказал Алеша. — Жаль только, что Ловать обмелела... Это ведь знаменитая река, по ней шел когда-то путь из варяг в греки.

И снова мы идем через бетонный мост. Сразу с него свора-

чиваем на площадь Ленина. Перед нами — большое трехэтажное здание сельхозинститута, а напротив него — новая современная гостиница «Ловать». Ветер гоняет по ровному, влажно поблескивающему асфальту разноцветные листья. Он срывает их с деревьев, что обступили фонтан. Наверное, его уже выключили, и на каменной чаше сидят девушки и юноши.

— Я сейчас на распутье, — с грустными нотками в голосе говорит Алеша. — Через год заканчиваю среднюю школу...

— Перед тобой все дороги открыты, — произношу я довольно избитую фразу.

— Это верно, — соглашается Алеша. — Радиозавод предлагает мне стипендию, если я поступлю в Ленинградский Политехнический институт. По своей рабочей профессии.

— Что же тебя смущает?

— У меня ведь есть и вторая профессия — вожатый, — улыбается Алеша. — Я теперь не мыслю себе жизни без ребят.

— Подавай документы в педагогический, — подсказываю я.

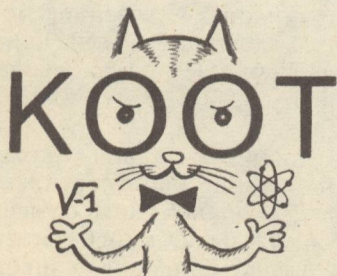
— А нельзя сразу учиться в педагогическом и политехническом? — смотрит он на меня без улыбки. — Понимаете, мне обе профессии очень дороги.

И я подумал: а ведь так, наверное, и будет. Этот художавый, стройный паренек с улыбчивым мальчишеским лицом добьется своего.

Такой уж у него характер упорный.

В. КОЗЛОВ

Фото А. Цветкова

На очередном заседании членов Клуба Обыкновенных Открытий предлагается рассмотреть две задачи, получен-

ные нами от Роберта Тусеева из Казахстана и Оли Сафроновой из Ленинграда.

ЗАДАЧА РОБЕРТА ТУСЕЕВА

«Уважаемый КООТ! Я живу в степном поселке. Мимо поселка проходит линия высоковольтной передачи. Я не раз слышал, как гудят провода. Мой друг Тимур сказал, что провода гудят оттого, что по ним идет ток. Я с ним не согласился, потому что гудят не только эти провода, а еще и

телеграфные. Я сказал, что провода гудят от ветра. Ответьте нам, кто же прав: я или Тимур?»

ЗАДАЧА ОЛИ САФРОНОВОЙ

Возьмите семь спичек и положите их следующим образом:

МИР БОЛЬШОЙ И МАЛЫЙ

ПЕСНЯ О СЕВЕРЕ

Художник Владимир Емельянов живет в Ленинграде, а знают его в разных уголках нашей страны. И не только коллеги-художники, но люди самых разных профессий — буровики и строители, геологи, подводники, охотники...

За цикл работ о наших современниках график Владимир Емельянов получил звание лауреата премии Ленинградской комсомольской организации.

Кириши, буровые вышки Тюмени, Тува, Карелия, Дальний Восток, Монголия — вот некоторые маршруты художника.

— Впервые, — рассказывает Владимир Емельянов, — большую стройку я увидел в Киришах. Парни и девушки, молодые комсомольцы, возводили огромный нефтеперерабатывающий завод.

Переложите спички слева так, чтобы равенство имело место.

Оля уверяет, что эту задачу можно решить тремя способами.

Все желающие участвовать в заседаниях нашего Клуба должны высылать ответы в течение месяца. Самые интересные и обстоятельные будут опубликованы в специальном номере.

Тем, кто попытался расшифровать шифrogramму в предыдущем номере и не смог, даем ключ к шифру. Надо твердые гласные поменять на соответствующие им мягкие, а мягкие — на твердые (например, «а» на «я», «у» на «ю»), и звонкие согласные поменять на глухие, а глухие — на звонкие (например, «б» на «п», «в» на «ф» и так далее). Прodelайте эту работу, друзья, и сообщите нам, что у вас получилось.

Тогда же, в Киришах, я задумался: какое это чудо — нефть, черное золото. Захотелось узнать, как же геологи находят такое. Отправился в Тюменскую область...

В поездках Емельянов не только наблюдает со стороны. Он и сам трудится вместе со своими героями. Был рабочим в поисковой геологической партии по маршруту Ямал — Северный Урал. Вместе со всеми копал каменистую землю, ставил палатки, мок под дождем и разжигал костры, тащил тяжелые мешки. Не раз ходил художник в долгие учебные походы на подводных лодках, высаживался с десантниками на скалы, шел «в атаку». И был счастлив.

— Когда мы впервые плыли по Оби, — вспоминает художник, — то не переставая фотографировали — плывущего лося, чум вдалеке...

Бесконечные белые ночи, незаходящее солнце, щедрые краски цветущей тундры, гомон птиц. Все будоражило, не давало уснуть.

Видел, как на скалах птицы выют гнезда. Трогал пушистого белого птенца. А потом, в городе, тянуло поскорее описать все, что увидел на Севере.

Любовь к путешествиям и приключениям сочетается в Емельянове со стремлением осмыслить все увиденное. Вот графический лист, который называется «Двое в накомарниках».

Они похожи на таинственных инопланетян. А это рабочие, буровики, пришедшие покорять далекие сибирские края.

Хлещет дождь, бушует непогода, а в палатке назло стихии дружно поют геологи («Песня о Севере»).

Разрез подводной лодки — у перископов двое. А мы словно ощущаем, как давит сверху и с боков толща воды, видим неприветливые волны («Под перископом»).

Во всех этих произведениях художник использует свой любимый композиционный прием — в одном листе показывает большое и малое. Посмотрите внимательно на обложку этого номера «Костра», и вы сами в этом убедитесь.

О. КОЛЕСОВА

Всем членам Клуба Обыкновенных Открытий предлагается подумать над тем, какими качествами должны обладать те ребята, которые вступили в наш клуб. Постарайтесь составить примерный устав клуба и пришлите его в редакцию.

Пишите, друзья, мы ждем ваших писем, в которых вы расскажете о своих обыкновенных открытиях.

Заседание клуба вел кандидат физико-математических наук
Г. ЧЕРКАШИН

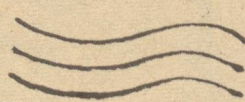
В редакции «Костра» висит большая карта Советского Союза. На карте — разноцветные кружочки, треугольнички, квадратики... Еще несколько месяцев назад их не было, а были, как это и полагается на карте — города, реки, возвышенности, долины... Города, долины, реки и возвышенности, конечно, остались, но прибавились и эти непонятные значки.

Попробуем расшифровать их...

Синие кружочки — места, где обнаружен дуб за пределами ареала. Один кружок — возле города Котлас Архангельской области! Это гораздо севернее границы ареала дуба. А самый восточный кружок — за тысячи километров к востоку от границы ареала! Это — город Рубцовск Алтайского края. Все эти дубы посажены и выращены человеком.

Десятки кружков ярко-красного цвета расписаны на карте по европейской части СССР. Это — дубы-великаны, о которых мы узнали из ваших писем, ребята... Желтые треугольнички — места, где за пределами ареала найдена

ПОЧТА

ДУБКИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ АРЕАЛА

Я очень люблю ботанику и зоологию, поэтому страницы «ПОИСКА» заинтересовали меня.

В лесах нашей области дубы не встречаются, но вокруг наших домов их сравнительно много. Самый большой из них растет напротив нашего дома. Его высота — четыре метра...

*Олег Варлаков,
13 лет, Свердловск*

Я живу в Свердловской области. Часто езжу за город, бывала во многих местах и только возле поселка Рудного я видела дубовую рощу. Она была посажена в 1938 году и занимает площадь около половины гектара. Высота больших дубов в роще около 15 метров, возле них растут и маленькие дубочки. Поврежденных деревьев нет. За рощей следят ребята из поселка Рудного.

Осенью 1966 года мы с папой посадили дуб под своим окном. Тогда его рост был 70 сантиметров, а теперь — больше девяти метров. А диаметр ствола — 15 сантиметров. Наш дуб пока не плодоносит.

*Лена Демина,
8-й класс, Свердловск*

Наш поселок стоит на берегу реки Вычегды, в шестидесяти километрах от районного города Котлас. На нашем пришкольном участке рас-

Оформление О. Филипенко

РАЗНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Я живу в городе Запорожье. У нас есть памятник природы — дуб, которому 700 лет. Находится он на острове Хортица, а остров объявлен заповедником. Дуб находится под охраной. У нас много других растений, и среди них есть лекарственные: зверобой, шалфей, ромашка, подорожник. А я с мамой на нашей даче высеяла мать-и-мачеху. В этом году она цвела.

Я провожу экспедиционное обследование в районе дачи. Здесь должно быть много интересного. Подробности сообщу позднее.

Юнкор **Надя Трапезникова**

Дорогие «Зеленые страницы»! В лесу за нашей деревней растет дуб-исполин. Его высота — 25 метров, диаметр ствола — 1 метр. Возраст дуба — 100 лет. Это дуб черешчатый.

В нашем Полесском крае — крае болот и лесов — растет много интересных деревьев. Мне еще известен дуб-гигант. Он растет в дубовом лесу возле деревни Данилевичи Гомельской области. Трое мужчин, взявшись за руки, едва обхватывают это дерево. Высота дуба — 40 метров. Считают, что этому дубу около 800 лет...

Еще я встречал необычную березку в лесах. Она больше похожа на куст, чем на дерево. Листья у нее размером с монету, высота березки около метра, а толщина ствола не более 1 см. Растет эта березка целыми колониями. Я не знаю, как называется это растение.

Дубы, о которых я вам написал, взяты под строгую пионерскую охрану, а дуб-гигант возле деревни Данилевичи охраняется государством.

Мы с братом хотим вырастить кедр, но нигде не можем найти семян.

Валерий Акулич
деревня Приболовичи,
Белорусская ССР

Дорогой Валерий!

Твое сообщение очень заинтересовало ученых. Березка, о которой ты пишешь, называется карликовой. Латинское ее название — «Betula nana». Это северное растение, и в наших краях растет на болотах. В Белоруссии карликовая березка встречается очень редко.

А семена кедра мы тебе высылаем с инструкциями — как и когда их высадить и как ухаживать за маленькими кедрками. Советуем тебе также связаться с ребятами из лесхоза «Урал». Об этих ребятах ты можешь прочитать в «Костре» № 3 за этот год. Ребята из этого лесхоза выращивают кедры на многих гектарах, опыт у них большой.

Адрес: Свердловская область, Кушва, Дом пионеров, лесхоз «Урал».

Желаем успехов.

те несколько молодых дубков. Их привезли около десяти лет назад из Лимендского заповедника и посадили здесь. С тех пор они выросли примерно на метр...

Надя Козицина, 6-й класс,
Лена Норикова 5-й класс,
поселок Харитоново
Архангельской области

ИЩЕМ СТАРИННЫЕ, ЗАБРОШЕННЫЕ ПАРКИ

Дорогие «Зеленые страницы»! Выполняем одно из заданий «ПОИСКА».

ПАСПОРТ СТАРОГО ПАРКА

1. Парк находится в селе Гостилицы Ломоносовского района Ленинградской области.

2. Парк заложен во второй половине восемнадцатого века. В создании парка принимали участие лучшие архитекторы того времени.

3. Площадь парка — около 30 гектаров.

4. Всего в парке насчитывается 1132 старых дерева. Больше половины из них — липы и клены, есть дубы, лиственницы, ясени. И в небольшом количестве встречается осина, береза, ель. Есть в парке и молодые деревья. Их около 500 штук.

5. Мы насчитали 40 больных деревьев.

6. На территории парка находятся совхозные парники, запущенный яблоневый сад, пасека, участки пашни, посадки картофеля жителей Гостилиц, два жилых дома и овраг с проточными прудами.

Наш парк очень сильно пострадал во время Великой Отечественной войны. Недалеко от парка, там, где находится гора Колокольная, проходила линия обороны. Снарядами были снесены верхушки почти у всех деревьев в парке. Деревья напоминали израненных воинов...

Еще в 1967—68 годах ученики нашей школы участвовали в посадках, которые производились в парке рабочими совхоза «Красная Балтика».

Теперь мы тоже взяли шефство над старым парком.

Виталий Иванов, **Светлана Токарева**,
Виктор Пихлаку, **Марина Иванова**,
Гостилицкая средняя школа

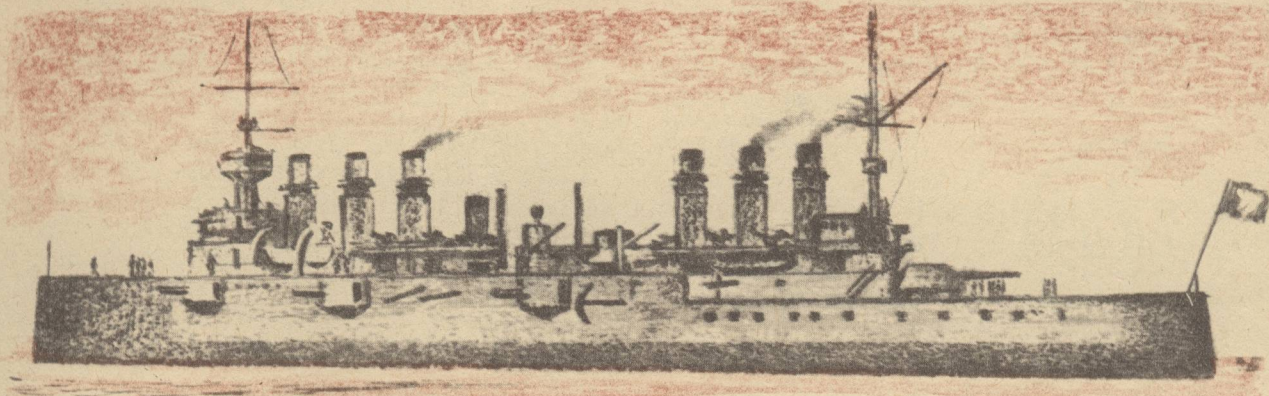

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА
Оформление
Р. Попова

Год издания — 21-й

КРАСНЫЙ ФЛАГ НАД КРЕЙСЕРОМ „ВАЛЬДЕК-РУССО“

Шел 1919 год, к Одессе приближались белые. На помощь им спешили интервенты многих стран...

С моря к Одессе подошел тяжелый крейсер. На его борту сверкали золотые буквы — «Вальдек-Руссо».

Из шести труб валил дым. Орудия были вот-вот готовы открыть огонь по городу...

Но французский адмирал медлил. Он знал: на его крейсере неспокойно. Офицеры докладывали: матросы собираются кучками, шепчутся... Неслыханное дело — на военном корабле Франции действует подпольный революционный комитет!

Однако матросы действовали нере-

зительно, а офицеры крейсера времени не теряли: оружейная зала была накрепко заперта, и у ее бронированной двери встали верные адмиралу люди.

Узнав об этом, восемьсот человек команды хлынули на палубу. Над крейсером взвился красный флаг.

Адмиралу матросы передали ультиматум: «Требуем возвращения во Францию! Иначе войдем в порт и передадим крейсер большевикам!»

Адмирал был взбешен, но поделаться ничего не мог. Он попросил только отсрочить выход на двое суток.

— С моря идет шторм, — сказал он матросам, — лучше его переждать

на рейде...

Адмирал выгадывал время, чтобы связаться с другими кораблями эскадры.

Через два дня «Вальдек-Руссо» вышел в море.

Но адмирал обманул команду. Он привел крейсер в бухту, окруженную артиллерийскими фортами и флотом...

Так закончилось восстание на крейсере «Вальдек-Руссо».

Офицеры искали красный флаг крейсера, но не нашли. Кто-то из матросов спрятал его и успел передать на берег — рабочим.

С. ЮРЬЕВ

СКОЛЬКО НА СВЕТЕ МОРЕЙ?

Если хорошенько изучить карты, считаешь на Земном шаре около восьмидесяти морей... Кто их открыл? Моряки и путешественники! — скажешь ты. Верно. А потому что же — открывать нечего?.. Раз все моря открыты и названы?

Сейчас моря открывают заново. Делают это ученые. Химики открывают свое море: определяют — какие вещества, нужные для людей, там есть и сколько их можно добыть из моря.

Есть ценные элементы, без которых и космическую ракету не построишь, марганец, магний или вольфрам, скажем...

Биологи открывают свои моря. В морских-то водах живет — ни много ни мало — сто пятьдесят тысяч видов

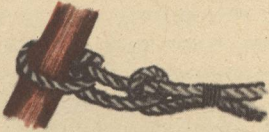
живых существ! Это те, что ученые нашли, изучили и описали в научных книгах. А сколько еще не открыто!

У физиков — свое море. Как волны образуются? Сколько воды испаряют южные моря? Сколько северные? Какая средняя глубина океана? Что ни море — свои загадки и свои тайны.

У акустиков — моря свои. Недавно они обнаружили особые волны, которые движутся под водой в десятки раз быстрее звуковых волн! Морские карты с очертаниями берегов, островов да проливов сделаны давно, а вот карты подводные! Акустики создают их с помощью эхолотов — подводные карты морей — с хребтами, порогами, впадинами...

Вырастай, учись — будут и у тебя свои моря...

ОТВЕТ НА ЗАДАНИЕ
БОЦМАНА РУМПЕЛЯ

ШТЫК

РЫБАЦКИЙ ШТЫК

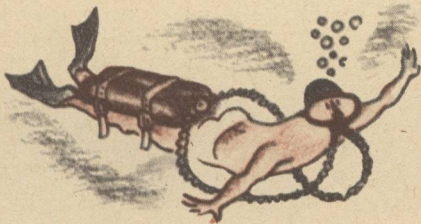
ЗАДВИЖНОЙ ШТЫК

Вот этим штыком нельзя ни порезаться, ни уколоться.
«Штык» — морской узел.

ВЕСЕЛОЕ
СПРАВОЧНОЕ БЮРО
УЧЕНОГО МЕДУЗКИНА

*Очень хотим узнать
про науку АКВАЛОНОГИЮ.
Ноя С. Авишай.*

Думаем, что АКВАЛОНОГИЯ — это наука надевать акваланги на ноги. Вероятно, наука эта еще очень молодая, так что больше про нее ничего сказать не можем...

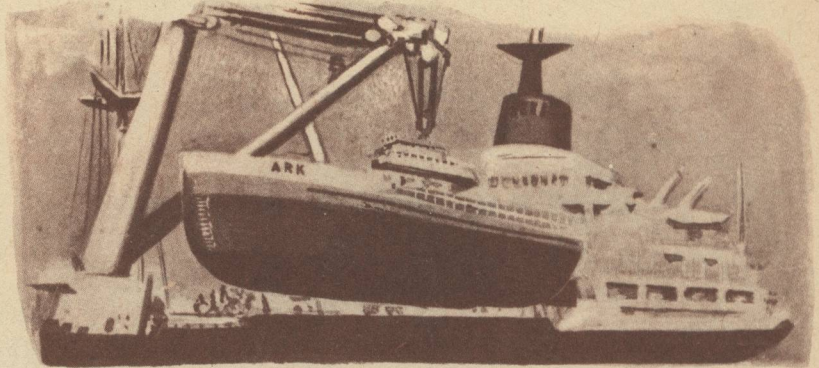
*Рисовала водолаза, но
не знаю, как нарисовать
водолазный
кафтандр... Сия Я.*

Кафтандр рисуют так...

ОКЕАНСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

Небольшой теплоход «Арк» нужно было доставить из Японии в Персидский залив. Однако стали подсчитывать: плыть «Арку» безопасней не напрямую через океан, а поближе к берегам, значит, только горячим

надо заправляться раз двадцать... И плыть долго, команду пои-корми, жалование плати... Дорого выходит! Что же делать? А если погрузить на большой теплоход? Такой теплоход нашли не сразу: «Арк» длиной около 40 метров и весит 183 тонны... Наконец нашли. На фотографии «Арк» грузят на теплоход «Аска».

Всякие грузы возят по океанам, но так, чтобы теплоход плыл на теплоходе, — очень большая редкость!

Ю. СТУДЕНЦОВ

АРГОНАВТ

В теплых морях встречаются удивительные создания — словно лодочки с парусами. Это моллюски-аргонавты. Лодочка — раковина, парус — щупальца. Испугает что-нибудь аргонавта, он — бульк! — и в глубину ушел. А если все спокойно и нет опасности, аргонавт вытеснит из лодочки газом часть воды и всплывет. И дальше по ветру поплывет. Подумать — настоящая маленькая подводная лодка. Только эту подводную лодку природа придумала миллионы лет назад...

ЧТО ХУДОЖНИК НАРИСОВАЛ НЕПРАВИЛЬНО?

КАКИМ БЫТЬ ПИОНЕРСКОМУ СБОРУ СЕГОДНЯ? КАК СДЕЛАТЬ СБОР ИНТЕРЕСНЫМ? ЧЕМ СБОР ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ КЛАССНОГО ЧАСА?

Видел ли ты прошлый номер нашего журнала? Обратил внимание на рубрику «У костра»?

«Нам на сборе почти всегда скучно, как будто остаемся еще на один урок, притом неинтересный...» — жалуется редакция Марина Ч. из Пскова.

«Вот если бы пришел на сбор кто-нибудь из космонавтов или знаменитых артистов!» — мечтает Слава К. из Павлодара.

«Разве дело в том, где сбор проводить, кого пригласить? Мне кажется, не это главное». — Так ответила на вопрос корреспондента Марина Логинова из школы № 66 города Риги.

Марина — комсомолка, как многие в их восьмом «а». Еще недавно этот класс называли самым сильным пионерским

отрядом в дружине. Марина была председателем.

— А почему бы не пригласить к нашему костру ее друзей — комсомольцев, как раз тех, кто совсем недавно носил галстук?

Марина Логинова, Володя Никитин, Инара Арницане охотно включились в разговор с пионерами четвертых, пятых, шестых классов. И директор школы захотел побывать у костра.

Михаил Михайлович Адьютов — заслуженный учитель, бывший старший вожатый школы, депутат районного Совета, «пионерский директор», как часто называют его в городе.

Сначала дадим слово пионерам.

Марина Логинова, восьмиклассница:

— Каждый раз надо решать заново; на какую тему провести сбор, каких гостей пригласить и почему именно их. А вот отношение ребят к сбору важно всегда.

...Кажется, никогда не забуду, как стояла в дверях, чтобы никто не сбежал, кричала, что жаловаться буду Зое Федоровне, классному руководителю. Труднее всего было проводить именно «рабочие» сборы — предварительные, на которых хочется распределить, например, очередные поручения совета дружины. Тогда я не понимала, что силой оставлять ребят на сбор нельзя: это и есть формализм. Теперь бы плакат повесила в пионерской комнате: «Берегись формализма!»

Прежде чем с ребятами говорить, надо «пережить» тему нового сбора, как будто сам ее предлагаешь, а не совет дружины. И уж, конечно, не потому, что «велели».

Илона Зак, шестиклассница:

— Но ведь есть же скучные темы! Например, есть в классе пионеры, которые учатся плохо, потому что ленятся, относятся не по-пионерски к своему главному делу — успеваемости.

Эдик Карпов, четвероклассник:

— У нас некоторые считали, что на сборе говорить о планах пятилетки скучно: цифры, цифры и цифры. А разве их все запомнишь?

Был у нас сбор на тему «Пход в десятую пятилетку». Ездили мы проводить этот сбор в Юрмалу. Это молодой город. Он все время строится.

Мы взяли интервью для школьной стенгазеты у людей разных профессий. Узнали об их личных планах на пятилетку.

Инара Арницане, восьмиклассница:

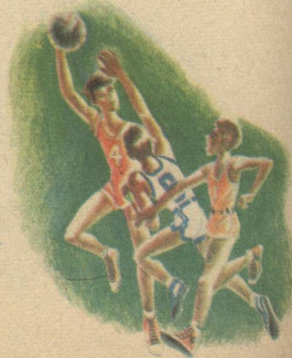
— Ребятам нравится, когда сборы не похожи друг на друга. Но ведь когда приглашаем интересных людей, то чаще всего получается так: гость говорит, а все слушают. И даже, бывает, вопросов не задают.

Удобно? Просто? Так можно на любую тему найти «докладчика», а будет ли это настоящий сбор?

Хорошо, если на сборе заговорят самые тихие, несмелые люди. Есть ребята, которые всегда стесняются: даже на уроках отвечают неуверенно, хоть и выучили заданное. Теряются, когда на них смотрят товарищи, а не только учитель.

Володя Никитин, восьмиклассник:

— Правильно Инара говорит: бывает, на сборе высту-

пают только те, кому велели подготовиться. Живого разговора не получается. Лично мне не по душе сборы, которые надо репетировать, готовить, как конференцию.

Ни разу за всю мою пионерскую жизнь не было сбора, на который позвал бы горнист. А поводов для такого сбора бывало немало: всяких ЧП, которые ребята обсуждают между собой по дороге в школу, на переменке.

Слово почетному гостю — Михаилу Михайловичу:

— Ребята правильно говорят. Пионерским сборам частенько не хватает непосредственности.

Однажды целое воскресенье я потратил на то, чтобы понаблюдать за жизнью ребят во дворе своего дома. У нас их человек двадцать, всех возрастов, и живут они очень дружно. Например, в то самое воскресенье никто не скучал ни минуты. Шла военная игра по всем правилам, даже с маршировкой. В укромных углах двора любители рассматривали коллекцию марок. Инициатива, выдумка, организованность были видны невооруженным глазом.

Как известно, сбор — дело не для пионеров, а дело самих пионеров, они тут должны быть полными хозяевами. И все-таки чаще всего те же самые ребята, что проявляли выдумку во время игр в своем собственном дворе, в школе ждут, что им предложат старшие... Переломить такое «иждивенчество» трудно.

В интернате, где я раньше работал, мы делали так. Дважды в году — осенью и весной — устраивали трехдневный дружинный слет. Есть приказ министра просвещения республики, по которому разрешается шесть учебных дней в году потратить на походы. Мы эти дни объединяли в трехдневки и всей дружиной среди недели выезжали за город. Ставили там свой палаточный лагерь. Создавали штаб. И начиналась жизнь самая романтическая. Пионерские перевыборы прово-

Комсомолки Ира Мартынова и Наташа Кулдыкина у своих подшефных четвероклассников, Пенза, школа № 31

дили только в таких «полевых» условиях. Там же у костра принимали октябрят в пионеры. Проходили митинги, военные игры, затевались диспуты. Ребята легко входили в роль хозяев. После такого выезда и в городе дела шли иначе, веселее.

Однако существуют и другие

пути для борьбы с формализмом. Найти их может каждый, если захочет. Скучно — протестуй, не соглашайся на скуку, но и свое не забудь предложить. И товарищей заставь думать и предлагать.

**Записала беседу Н. ПИЖУРИНА
Фото В. Рожнова**

.....

ФАКТ В ТВОЮ ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ

Есть сбор, на который выстраиваются все пионеры Советского Союза одновременно.

Стоишь ты рядом с товарищами в строгой шеренге и точно знаешь, что везде, где есть школа, даже самая маленькая, так же, как ты, стоят в эту минуту ребята в красных галстуках. В одном строю с тобой. И все как один слушают голос Главного штаба — Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Этот сбор начинается со Всесоюзной радиопрограммы и проводится каждую осень второго октября.

...Пятьдесят семь лет назад в этот день, второго октября 1920 года, на III съезде комсомола выступил Владимир Ильич Ленин. О самых

главных задачах — как жить, как работать, как учиться — говорил с молодежью Владимир Ильич. Его речь стала жизненной программой и для юных граждан советской страны. Вот почему каждый год второго октября по сигналу горна пионеры встают в единый строй.

Началась эта традиция в 1964 году. Первая Всесоюзная радиопрограмма стала стартом Всесоюзного смотра пионерских дружин и отрядов под девизом «Сияйте, ленинские звезды!». С тех пор старт пионерским маршам, смотрам, соревнованиям дается второго октября. В этот день к вам обращаются руководители пионерской организации, секретари ЦК ВЛКСМ, космонавты. Девиз нового этапа пионерского Марша — «Мы — смена твоя, комсомол!» Марш посвящается 60-летию старшего друга и вожакого пионерии — Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

ДЕТИ
КОСМИЧЕСКОГО ВЕКА

ПЕСТРАЯ ВЕСНА

НА ФЕРМУ

СТАКАН И КУСОК

От города Кирова до станции Оричи — час езды на электричке. От Оричей — несколько километров по лесной дороге, потом от опушки — направо, через поле. А тут — и вся недолга... Прямо на околице — школа, за ней — дома, — это и есть деревня Спасо-Талица.

И вот я сижу в гостях у чудесного фотографа Ивана Александровича Крысова, смотрю его работы и задаю бесконечное количество вопросов.

Добродушный хозяин отмахивается от них, как от назойливых мух, и первым делом

о первых проталинках, о счастливой березе и маленькой избушке, что стоит под ее ветвями.

А «Капля дождя» — это живое мгновение. Висит капля на листке, вот-вот упадет — и не падает...

Ко многим фотографиям приложены письма. Письма из разных уголков нашей страны, из Франции, Австралии, Польши... Вот из США, из Нью-Йорка, от всемирно известного художника Рокуэлла Кента.

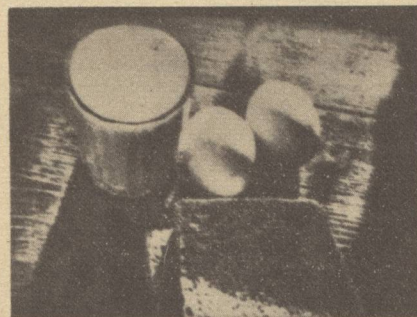
— Рокуэлл Кент — художник для взрослых, — говорит Иван Александрович. — Кажется, для детей он отиллюстриро-

...Дрова уложены, солнце начинает клониться к горизонту, узкая полевая тропка ведет на опушку леса, из-за которого доносится стук электрички.

Иду и думаю. Живет человек. Никуда из своей Спасо-Талицы не уезжал. Всю-то жизнь возится в деревне с пчелами. А за тысячи километров от Спасо-Талицы, в Париже и Сиднее, в Варшаве и Монреале люди познакомились и с этой самой тропкой, и с этой приветливой лесной опушкой. И все — благодаря его фотографиям. Но сколько же часов нужно было просидеть у лесного ручья, ожидая, когда взлетит над ним жаворонок, чтобы непременно снять их вместе, звенящих и поющих. А фотография — «Зимний обоз»? Тени от саней ползут, обгоняя лошадей. Смотришь, и кажется, слышишь, как скрипят полозья. Чтобы сделать этот снимок, в январский мороз лазал Иван Александрович на церковную колокольню. И как он с одной ногой — другая-то у него протез — забрался на такую верхоптуру — просто непостижимо.

Я оглянулся. Деревни уже не было видно. Была видна одна только белая, с голубым узором, колокольня да еще крыша школы с веселыми, словно нарисованными, дымками.

В. ВЕРХОВСКИЙ

МОЛОКА ХЛЕБА

угощает медом, душистым и янтарным.

Но фотографии рядом — и я опять за свое, не каждый день такое увидишь.

...Окно. И придвинутый к окну стол. На столе — обычный крестьянский завтрак.

И все. И ничего больше на фотографии нет. И ничего больше и не нужно.

Потому не нужно, что молоко-то еще пузырится, и, значит, любому ясно — парное, теплое, только что от коровушки.

И кусок хлеба — свежий, ноздреватый, по-крестьянски аккуратно отрезанный.

И первые лучи солнца уже осветили переплет оконной рамы и скользнули со стола на пол, оставив на столе мягкую тень от стакана молока и куска хлеба.

Целый фильм создан по этой самой фотографии. Он так и называется — «Стакан молока и кусок хлеба».

Работ у фотографа много. И каждая — о родной природе, красоте окружающего мира.

«Пестрая весна» — рассказ

вал лишь одну книгу. Но Кент очень любил их. И во многих своих письмах он писал о ребятах.

Письма — подробные и добродетельные. В одном я увидел фразу: «Принято считать, что хорошая фотография стоит тысячу слов, и поэтому обязан писать Вам за каждое Ваше фото не менее тысячи...»

Тут раздался стук в окно. Возле дома — ребята в красных галстуках:

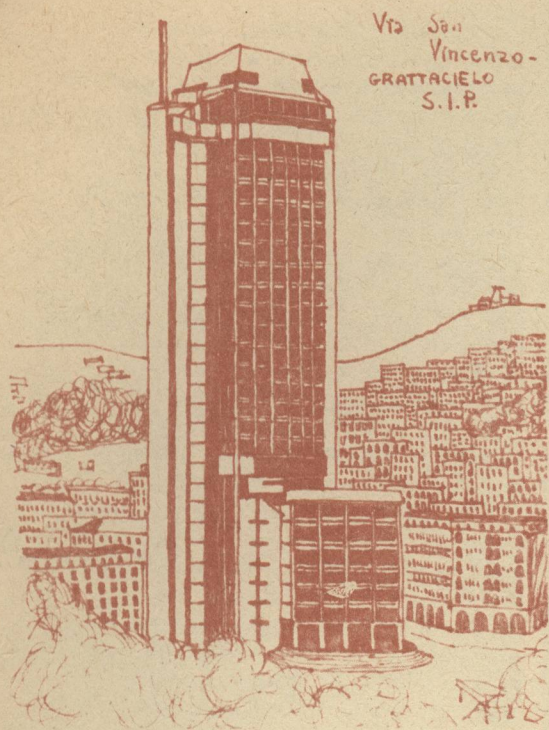
— Иван Александрович, мы вам дрова уберем в сарай, можно? — и, не дождавись ответа, побежали укладывать поленницу.

— Тимуровцы, — улыбнулся фотограф. — Ну и глазастые. Дрова только вчера привезли, а они уже прибежали.

Я встаю из-за стола, иду помогать тимуровцам. Когда прохожу через кухню, слышу, как Иван Александрович говорит жене: «Анна Матвеевна, ты им медку приготовь, а будут отказываться, приневоля, от меда еще никому вреда не было».

АВТОПОРТРЕТ

РАДУГА

«Эти рисунки Генуи нарисовал я, Лука Риджи, генуэзец... Покажите, пожалуйста, мои рисунки советским ребятам...»

Рисунки были в пакете, который пришел из Италии. Рисунки, как видите, отличные. По

ним можно изучать красивый старинный город Геную...

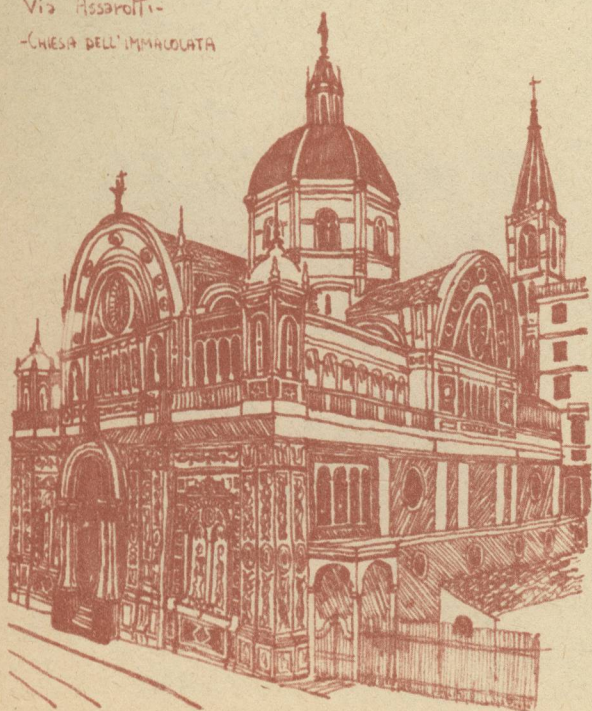
Случилось так, что в Италию плыл на корабле один моряк, который часто заходит в «Костер». Мы попросили его, когда корабль будет стоять в Генуе, найти Луку Риджи...

Оказалось, что художнику

всего тринадцать лет. Он изучает русский язык, читает в подлиннике Гоголя и Достоевского, любит русскую музыку, собирает советские марки и мечтает поехать в Советский Союз...

— Разве я один изучаю русский язык? — удивился Лу-

Via Assarotti - CHIESA DELL'IMMACOLATA

-Piazza de Ferrari - LA FONTANA E IL PALAZZO DELLA BORSA

ка. — У нас многие ребята его изучают... Поговорите-ка с Кристиной, Майей, Арджентиной, Валей...

Майя Андерсон (10 лет): — Я живу с мамой и бабушкой в центре Генуи, на холмах. Учусь в пятом классе начальной школы. Русский учу второй год. Он мне нравится, хотя русские слова совсем нелегко запомнить. Я видела русский балет, он прекрасен, балерины кажутся стрекозами. Мне нравится и ваш цирк.

Мой отец был негр, поэтому я, как говорится по-русски, цвета «кофе с молоком». Я очень рада быть девочкой разных континентов...

Валя Гальди (12 лет): — Русский язык я сначала выбрала из любопытства. А потом переписывалась с русской подругой из Одессы: мне очень хотелось писать ей по-русски. Я пионерка и вместе с другими итальянскими пионерами отдыхала в СССР, в лагере «Молодая гвардия» под Одессой.

Думаю, что у меня нет научного склада ума, но у меня открытый характер и я очень любознательна...

Арджентина Томаркьо (12 лет): — Я учу русский и английский. Мне вообще нравится учить языки. Еще я люблю географию и музыку. Хотя, наверное, я все-таки ленива, потому что все еще люблю игрушки...

Два года назад на теплоходе «Иван Франко» я побывала в Одессе. Там я впервые услышала русскую речь. Русский язык — трудный, но учу я его с большим интересом.

Кристина Канепа (12 лет): — Я живу в таком доме, что с его террасы видно море, видно мою школу и часть Генуи, которую очень люблю. Моя комната наполнена книгами, и больше всего на свете мне нравится читать... Я изучаю русский язык в Обществе «Ита-

Джордано Темпелли, Лука Риджи, Валя Гальди и Арджентина Томаркьо на уроке русского языка в Генуе в Обществе «Италия—СССР»

лия — СССР» и очень рада, что скоро смогу читать русские книги и говорить по-русски...

— Луке, генуэзцу и юному художнику, а также Кристине, Вале, Арджентине и Майе — большой привет из Ленинграда, от всех ребят нашей школы № 318!

Меня зовут Алена Кучкова, и я учусь в пятом классе. У нас, к сожалению, никто так хорошо, как ты, Лука, не рисует... А вот итальянские ребята знают неплохо. Недаром наша школа — коллективный член ленинградского отделения Общества «СССР — Италия». Почему я изучаю ваш язык? Мне просто очень нравится он, такой певучий и музыкальный. Еще я изучаю французский, но он мне нравится меньше. Я очень люблю слушать итальянских певцов, люблю смотреть итальянские кинофильмы. Я живу на Фонтанке, в самом центре города. Много знаю об истории Ленинграда. Теперь хочу больше узнать и об итальянских городах...

Оля Чернова

Света Демидова (5-й класс):

— Моя мама преподает русский язык, а папа — механик. В прошлом году в нашей школе проводили олимпиаду по

Оля Чернова (7-й класс): — Я изучаю итальянское Сопротивление. Материалы о героях у нас собирают все клас-

Рисунок Лебедева Юры, Ленинград

Лена Тютелева

сы. 4-е, 5-е и 6-е классы оформили альбомы и рассказали об итальянских партизанах. Пока мы разыскиваем все в книгах, но надеемся, что теперь о многом нам расскажут ребята из Генуи...

Таня Гоголева (5-й класс):
— Мне двенадцать лет. Я люблю читать книги об индейцах и путешественниках, люблю слушать музыку и каждую неделю хожу в филармонию. Итальянский язык изучаю всего второй год. Вот мой автопортрет.

Лена Тютелева (7-й класс):
— Ребята нашей школы часто

ходят в Дом дружбы. Там можно поговорить на итальянском языке с итальянцами. Хотя однажды я не смогла объясниться. Там выступали с хорошим концертом ребята из ПТУ. А мой сосед-итальянец не понял, что это за слово такое — «ПТУ»? Я стала объяснять, но мне не хватило слов, и он все равно не понял...

Ира Табалова (6-й класс):
— Мне очень нравится переводить с итальянского на русский. И еще я люблю рисовать. Вот как я перевела стихотворение Джанни Родари «После дождя». Рисунок к нему сделала сама...

Джанни РОДАРИ

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

После дождя ясность приходит на свете,
На небе яркая радуга светит,
Как мост прекрасный она —
Празднична!
И солнце любит ее!
И все вокруг веселеет!
Хорошо! Вверх посмотри!
Прекрасен праздник Земли!
Но мы ее видим совсем немного...
Радуги быстро исчезнет дорога.
И черные, черные бури
Все стирают с небесной лазури...
Но если бы мир победил,
У бури бы не было сил!
О, если б проклятая, злая война

Никогда на Земле не была!
Пусть счастье войдет в твой дом,
Пусть радуга светит в нем...

Итальянских ребят сфотографировал моряк с теплохода «Новогрудок» Борис ГЕССЕЛЬ,
а наших ребят сфотографировал в Ленинграде Юлий КОЛТУН

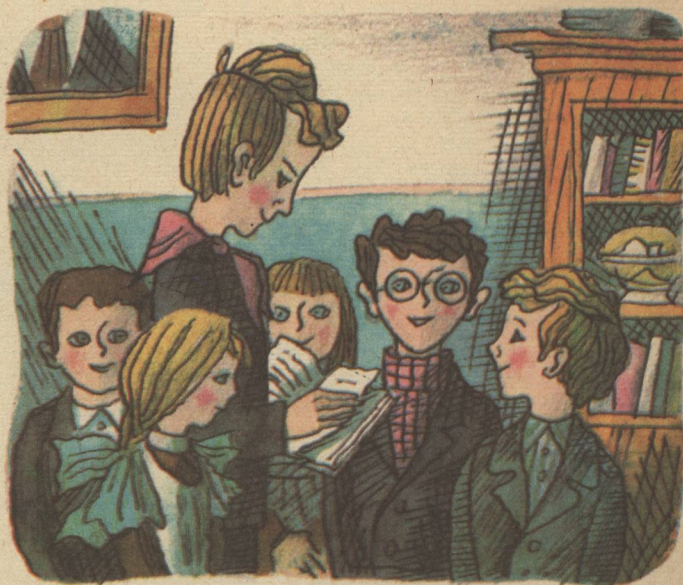

Я СПАТЬ ЛОЖУСЬ

Я спать ложусь, и спится так,
Что добудиться — не пустяк,
Набегаюсь,
Умаюсь...
Но если солнце — рыжий кот —
Меня усищем щекотнет,
Я тут же
Поднимаюсь!

Владимир ПРИХОДЬКО
Рисунок А. Ивашенцевой

8

НОВЫЙ ДРУГ

Вася уже давно заметил высокого пионера в очках из четвертого класса. Пионер не бегал, как многие, на переменке по ко-

считал все лапы. У Барбоски оказались две лапы черные и две белые.

Что бы еще придумать?

Тогда Артемка схватил Барбоску за ухо.

А Барбоска Артемку — за палец. Цоп!

Очень больно.

Артемка спросил маму:

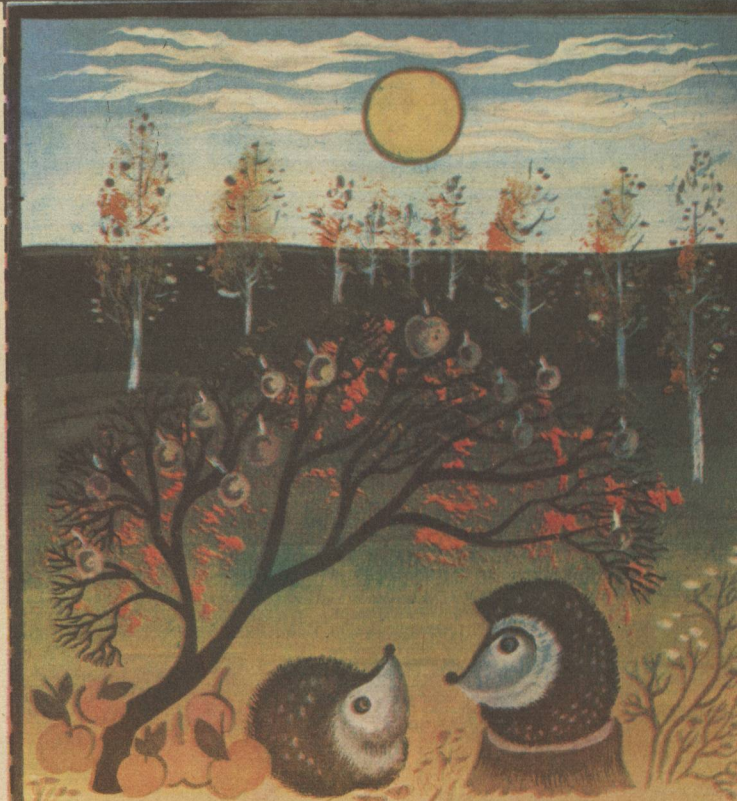
— За что Барбоска меня покусал?

Мама сказала:

— А ты сам подумай!

Арсений СЕДУГИН
Рисунок А. Орлова

4

ЕЖИК И ЯБЛОНЯ

СКАЗКА

Осенью решил ежик заготовиться яблоками на зиму.

Он надел очки и пошел искать яблоню.

В сосновом лесу очень трудно найти яблоню, а ежик жил именно в сосновом лесу.

ридору, а стоял у окна и рассказывал интересные истории. Его всегда слушали несколько других пионеров, а Вася ходил вокруг и думал: «Мне бы с ним подружиться!»

После уроков неожиданно к Васе в класс пришли пионеры, и тот высокий — тоже.

— Скоро, дети, вас примут в октябрята, — сказала учительница, — сегодня у нас первый сбор, а это — ваши вожатые. Сейчас каждый вожатый выберет себе октябрятскую звездочку.

И вожатые стали выбирать себе первоклассников.

Вася боялся смотреть на высокого пионера. Вдруг пионер других захочет выбрать, а Васю не возьмет.

— Я беру этого мальчика и вот этого..., — сказал пионер.

— Что же ты не встаешь, Вася, ведь он тебя выбрал, — зашептали соседи.

Поднял голову Вася, а высокий пионер на него смотрит. Вася быстрее поднялся и подбежал к нему. И четверо других ребят тоже подбежали.

— А ты будешь моим другом? — спросил Вася.

— Обязательно, — ответил пионер. — Я ваш друг. Ты — мой друг, а я — твой.

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

Рисунок Г. Ясинского

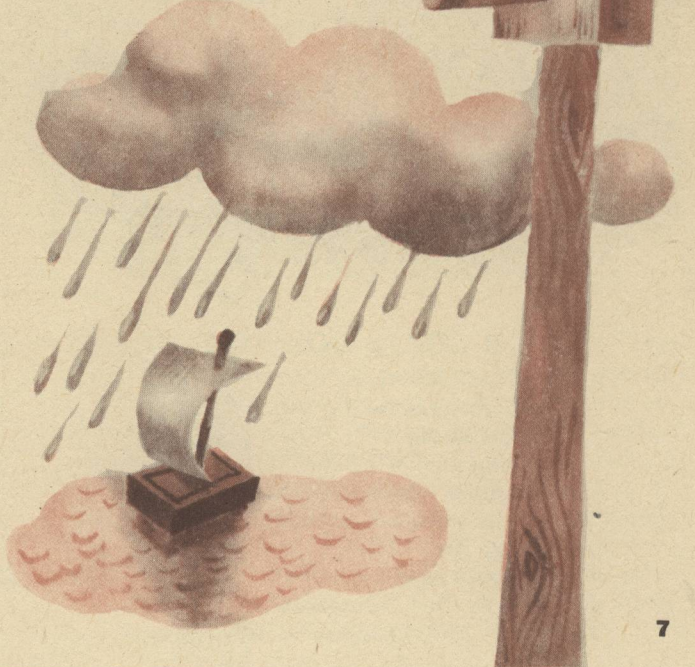
2

ЛУЖА

Хорошо живет лужа, если летний дождь идет.

А зима придет — от стужи лужа спрячется под лед.

А. ГИНЕВСКИЙ

7

Долго он искал, всех расспрашивал, пока сам не наткнулся!

Стоит посреди соснового леса яблоня, полная красных яблок!

Потряс ежик яблоню, подобрал яблоки, отнес в нору.

Мало ему показалось.

Снова потряс ежик яблоню, подобрал яблоки, отнес в нору.

Мало ему показалось.

Снова потряс ежик яблоню. Только ничего не падает. Глядь, а на верхушке одно яблоко осталось. Всем яблокам яблоко!

Тряс, тряс, тряс яблоню ежик, а яблоко не падает.

Попытался ежик залезть на яблоню, да где уж ему!

Мимо проходил старый еж.

— Эй, сынок! — позвал он.

— Ну, чего вам? — сердито спросил ежик.

— Разве ты не знаешь Закон Яблони?

— Какой еще закон? — фыркнул ежик.

— На каждой высокой яблоне всегда остается хоть одно яблоко, которое нельзя достать! — сказал старый еж, подняв вверх указательный палец.

А. ЛИСНЯК

Рисунок В. Малкова

3

ОСЕННЕЕ ЛЕКАРСТВО

На колючках у ежа
два горчичника лежат.
Удивляясь я гляжу:
«Кто поставил их ежу?»

Лес вздохнул и листья сбросил...
«Догадался! Это осень».

Елена ГРИГОРЬЕВА

Рисунок А. Орлова

СКОЛЬКО ЛАП У БАРБОСКИ

Барбоска бегал по двору, и Артемка считал у него лапы. Но это было не так просто. Тогда Артемка поймал Барбоску и пере-

6

ЧЕМПИОНАТ-77

Сегодня — специальный тур, он определит, кому будут вручены 50 дипломов и 30 памятных призов, кто удостоится звания чемпиона АРЧЕБЕКА.

Условия: шесть позиций, каждая — десять баллов. При равном числе баллов преимущество отдается участникам, набравшим больше очков в разрядных турах. И еще: не добравшие в разрядных турах 10 очков до нормы возместят их, если наберут 60 баллов в туре призовом.

Доблестные рыцари, по доскам!

Задание шахматистам.

А. Белые: Kpf8, Lh4, Kh3; черные: Kph8, Kg8, p.h7.

Б. Белые: Kpc6, Kd7, p.d6; черные: Кра8.

В. Белые: Kpf5, Фb1, Kg4, pp.d7, h2; черные: Kph5, Lh4, pp.g5, h3, h7.

Г. Белые: Kpb3, Cg8, p.d7; черные: Кра1, Kf2, pp.b2, c3, f7.

Д. Белые: Кре6, Cf1, pp.b6, c6, h6; черные: Kpc8, Ca6, pp.b7, d3, h7.

Е. Белые: Kph5, Cc6, p.e4; черные: Kpc8, Cb1, p.d5, h3.

Что нужно найти? А, Б, В — в какое наименьшее число ходов удастся объявить мат? Г, Д, Е — каким будет результат белых: выигрыш? ничья? проигрыш? Привести доказательства.

Задание шашистам.

А. Белые: a3, b2, c1, c5, e1, e3, e5, g1, h6; черные: a5, a7, b8, c7, e7, f8, g3, g7.

Б. Белые: Де3, пр.d4, f4, h4; черные: пр.b2, b8, e7, f6, g7.

В. Белые: b2, c3, d2, e1, e3, g1, h4; черные: a3, a5, c5, c7, e5, h2.

Г. Белые: a3, d6, e3, g3, h2; черные: b8, d8, f6, f8.

Д. Белые: a7, c1, d4, e1, e3, e5, h6; черные: a3, a5, b8, c7, f6, f8, g7.

Е. Белые: a3, c1, e7, f4; черные: c3, c5, h4, h6.

Что нужно найти? А, Б (Ю. Шмидт), В (С. Мальцев), Г (Д. Бернман), Д (В. Соков), Е — каким будет результат белых: выигрыш? ничья? проигрыш? Привести доказательства.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Расставь фигуры — белые: Kpg3, pp.h2, h4; черные: Kph5, pp. g5, g6, h6.

Белые, как видишь, в меньшинстве. Но еще великий полководец Суворов сказал, что «воюют не числом, а умением». Вот и командуй белыми, да так, чтобы они дали мат в 4 хода!

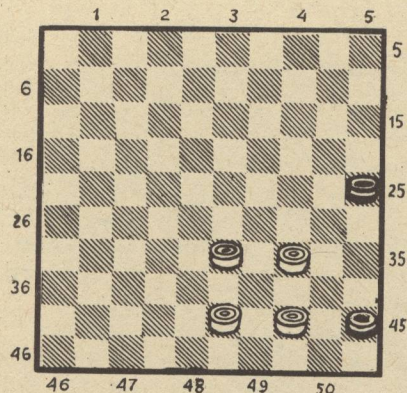
Этим заданием ты закончишь свою подготовку. Как тебе действовать дальше? Сначала отправишь рапорт № 10. А спустя три дня — просьбу о переводе в рыцари и свой «Листок

учета», где отметишь все завоеванные тобой очки. Затем жди ответ от шахмат-адмирала.

СТОЛ НАХОДОК

Сюда доставлена кем-то где-то утерянная позиция.

Эта позиция из столклеточных шашек (их правила есть в «Костре» № 1), а они будут в новом году приняты на вооружение рыцарей АРЧЕБЕКА. Поэтому шахмат-адмирал предлагает всем арчебековцам найти здесь за белых путь к блестящей победе: три хода, и черные сдаются!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 7 решаются так.

Чемпионат. Шахматы. А. 1.Ле4! Б. 1.Фh2! **Шашки.** А. 1.dc3! 2.d4 3.e5 4.h:e3!X. Б. 1.c7! 2.g7! 3.b8X.

Оруженосцам. 1.Kc7+Kpb8 (если Л:c7, то 2.Фg8+ и т. д.) 2.Ка6++ (двойной шах — от коня и от ферзя) Кра8 3.Фb8+! Л:b8 4.Kc7X.

Новости... № 1. 1.b7 Kpd7 2.Фc6+! Кр:c6 3.b8KX **№ 2.** 1.Kpc2 a3 2.Ка2! Кр:a2 3.Kb4+ Кра1 4.Kpc1.

Из сеансов Г. Маркосова. № 1. 1.f6 b2 2.g7!X. **№ 2.** 1.fe3 g5 2.d4 f4 3.h6 b2 4.c1!X. **№ 3.** 1.b6! a5 2.c5 b6 3.a7 b4 4.b8 a3 5.h2 b2 6.b8X.

ПРИКАЗ № 10

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§1. Рыцарям и оруженосцам отослать рапорты до 15 декабря.

§2. Жюри подвести итоги Чемпионата-77 и турнира оруженосцев. Опубликовать в «Костре» № 4.

§3. Выполнивших классификационные нормы представить к присвоению спортивных разрядов, а победителей Чемпионата-77 наградить.

§4. Всем участникам обоих турниров объявить благодарность!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Рисунки
М. Беломлинского

ПОДОЙДЕТ!

Известный артист Давриент играл в Берлинском театре заглавную роль в пьесе Шекспира „Ричард III“. Едва он произнес слова: „Коня! Коня!“ — как с последнего яруса раздался крик:

— А осел подойдет?

— Подойдет, спускайтесь сюда! — с готовностью отозвался артист.

ИНТЕРВЬЮ

Один болгарский журналист попросил бывшего чемпиона мира по шахматам Роберта Фишера дать ему интервью. Воспитанный в американском духе стяжательства знаменитый гроссмейстер сказал:

— Дайте мне 50 левов вперед, а после этого начнем разговор.

— Спасибо, — ответил журналист. — Интервью от вас я уже получил.

ТЕЛЕГРАММЫ С ТОЧНЫМИ АДРЕСАМИ

Артур Конан-Дойль, автор рассказов о Шерлоке Холмсе, выбрал однажды десяток своих знакомых, принадлежащих к так называемому „высшему свету“ и всем послал телеграммы одинакового содержания: „Все раскрыто, немедленно бегите“.

В течение 24 часов они все удрали за границу.

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

Толстенький фабрикант спросил известного врача С. П. Боткина, не знает ли он верного средства от полноты.

— Знаю, — ответил Боткин, — нужно жить ежедневно на один рубль и при этом самому его зарабатывать.

СОДЕРЖАНИЕ

Страницы побед Октября	1
Срок ультиматума два часа главы из повести Г. Черкашина	3
Живет дедова фамилия очерк Вл. Михайлова	16
Звали его Синица очерк И. Ломакиной	17
Барабан журнал юнкоров	20
А я бы так смог? очерк Т. Пчелкиной	24
Наша Конституция Посылка. Старуха рассказы О. Орлова	28
Говорит «Аврора» Улица Кремса	30
очерк А. Самойлова	33
Девочка, хочешь сниматься в кино?	34
повесть Ю. Яковлева	36
«У меня отличные ребята» очерк В. Козлова	46
Мир большой и малый заметка О. Колесовой	49
Зеленые страницы пионерский поиск	50
Морская газета	52
Каким быть пионерскому сбору?	54
Стакан молока и кусочек хлеба очерк В. Верховского	56
Радуга рассказывает Б. Гессель	58
Еж странички для малышей	61
Арчбек раздел ведет заслуженный тренер СССР Ю. П. Барский	63
На обложке линогравюра художника Владимира Емельянова «Северное сияние»	

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОВОЙНИКОВ,
В. И. МАТВИЕНКО,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
Т. Н. ФЕДОРОВА [зам. редактора],
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

Рукописи и фотографии не возвращаются.

Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон: 274-93-84

М-26 564. Сдано в набор 6/VI 1977 г. Подписано к печати 3/IX 1977 г. Формат 60×90 1/8.
Печ. л. 8 (усл. печ. л. 8). Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 570 000 экз. Заказ 964. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

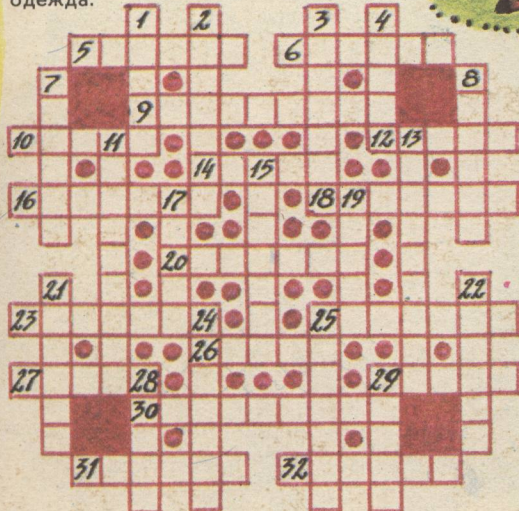
Составил и оформил В. УФЛЯНД

Отличные летные качества коврасамолета позволили участникам экспедиции отправиться в беспосадочный перелет, чтобы установить рекорд для ковров-самолетов класса ТВШ 1,5X3.

Стартовав в Крыму в 7 часов утра по московскому времени и покрыв расстояние в 1200 км, ковер-самолет в 11 часов по местному времени миновал Каменку Пензенской области, где живет Сергей КОННОВ, автор этого кроссворда:

По вертикали: 1. Смотр войск. 2. Морской моллюск. 3. Военское звание. 4. Вид смолы для приготовления лаков. 7. Чешский писатель. 8. Французский философ. 11. Крупные спортивные состязания. 13. Государство в Южной Америке. 15. Порода верховых лошадей. 17. Металл. 19. Одноименный город в Читинской области и в штате Нью-Йорк, США. 21. Вид одежды. 22. Герой комедии Бомарше. 24. Сорт яблок. 25. Разновидность кафтана. 28. Бразильский танец. 29. 86-й элемент периодической таблицы.

По горизонтали: 5. Тропический плод. 6. Советская писательница. 9. Персонаж комедии Бомарше. 10. Электрод. 12. Порода собак. 14. Южноамериканское растение семейства лилейных. 16. Комедия Гоголя. 18. Река в Северной Америке. 20. Водяная крыса. 23. Столярный инструмент. 25. Город в РСФСР. 26. Первая большевистская газета. 27. Сборник карт. 29. Локатор. 30. Соединение металла с ртутью. 31. Домашнее животное. 32. Японская одежда.

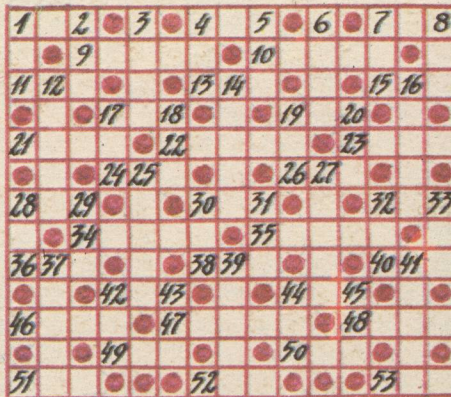

Впереди по курсу Свердловская область, где живет автор следующего кроссворда, почетный член клуба Наташа ПАРОМОВА.

По вертикали: 1. Река в РСФСР. 2. Заостренная палка. 3. Город во Франции. 4. Одноименный город в Югославии и в Винницкой области. 5. Геометрическое тело. 6. Река в Италии. 7. Остров у берегов Японии. 8. Порода попугаев. 12. Государство в Азии. 14. Река в Марокко. 16. Спортивная игра. 17. Приток Оки. 18. Многоголосное пение. 19. Железнодорожная магистраль. 20. Подводная скала. 25. Город в Калининской области. 27. Частица горящего вещества. 28. Болотное растение. 29. Талон на покупку. 30. Группа островов вблизи Японии. 31. Приток реки Онон. 32. Республика в Африке. 33. Один из основателей Рима. 37. Приток Северского Донца. 39. Часть древесной кроны. 41. Музыкальное произведение. 42. Пресноводная рыба. 43. Сторона, противоположная верху. 44. Положение в шахматах. 45. Повар.

По горизонтали: 1. Место ремонта судов. 4. Лиственное дерево. 7. Остров в Индонезии. 9. Город в Японии. 10. Укор. 11. Река в Африке. 13. Невольник. 15. Боевой клич. 17. Отдел завода. 19. Химический элемент. 21. Простое число. 22. Остров вблизи Японии. 23. Приток Лены. 24. Земельная мера. 26. Древнегреческое предание. 28. Спортивная принадлежность. 30. Приток Бирюсы. 32. Приток Дона. 34. Покоритель Сибири. 35. Вулкан в Исландии. 36. Морская рыба. 38. Лиственное дерево. 40. Жилище. 42. Степень родства. 44. Огородное растение. 46. Детское учреждение. 47. Город в Подмосковье. 48. Город в РСФСР. 49. Одно из состояний вещества. 50. Место обмолота. 51. Угнетающая сила. 52. Мужской голос. 53. Способность, талант.

В 14.30 по свердловскому времени ковер совершил посадку, пролетев в общей сложности 2200 км. Сколько часов длился полет и какова была средняя скорость ковра?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 9.

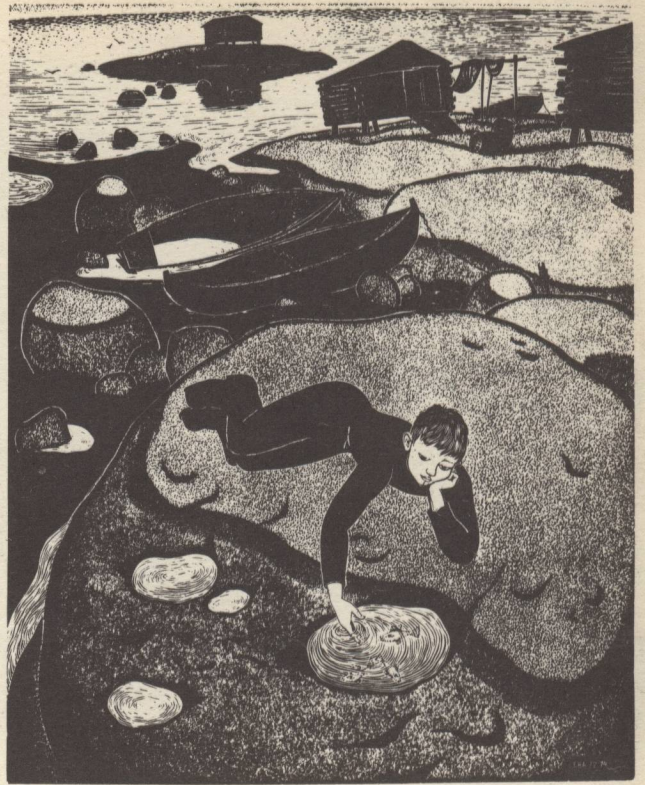
Головоломка: Звезда, Ферма, Орден, Беляк, Отказ, Петля, Днище, Билет, Мцыри, Залив, Жнец, Пенал. Фраза: «Веретеница не змея, а ящерица».

«Литературный калейдоскоп». По вертикали: 1. Мадригал. 2. Демон. 3. Мольер. 4. Петров. 5. Барон. 6. Мицкевич. 10. Ронсар. 13. Сервантес. 14. Багрицкий. 16. Полевой. 17. Липатов. 22. Сирано. 23. Персонаж. 25. Гончаров. 28. Беглец. 29. Пиндар. 30. Вазов. 32. Инбер. По горизонтали: 7. Хамелеон. 8. Державин. 9. Арион. 11. Собко. 12. Лермонтов. 15. Катаев. 18. Самгин. 19. Горацкий. 20. Мачтет. 21. Ратмир. 24. Новиков. 26. Вертер. 27. Шишков. 31. Белинский. 33. Роман. 34. Анчар. 35. Лафонтен. 36. Рахметов.

Головоломка: 1. Гром. 2. Серп. 3. Овес. 4. Рожь. 5. Сноп. 6. Дуга. 7. Лист. 8. Одна. 9. Орех. Пословица: «Семеро одного не ждут».

ПОД ПЕРИСКОПОМ

ПОЙМАННЫЕ РЫБКИ

НА ВЫСТАВКЕ „КОСТРА“

Линогравюры
художника Владимира Емельянова

ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ

